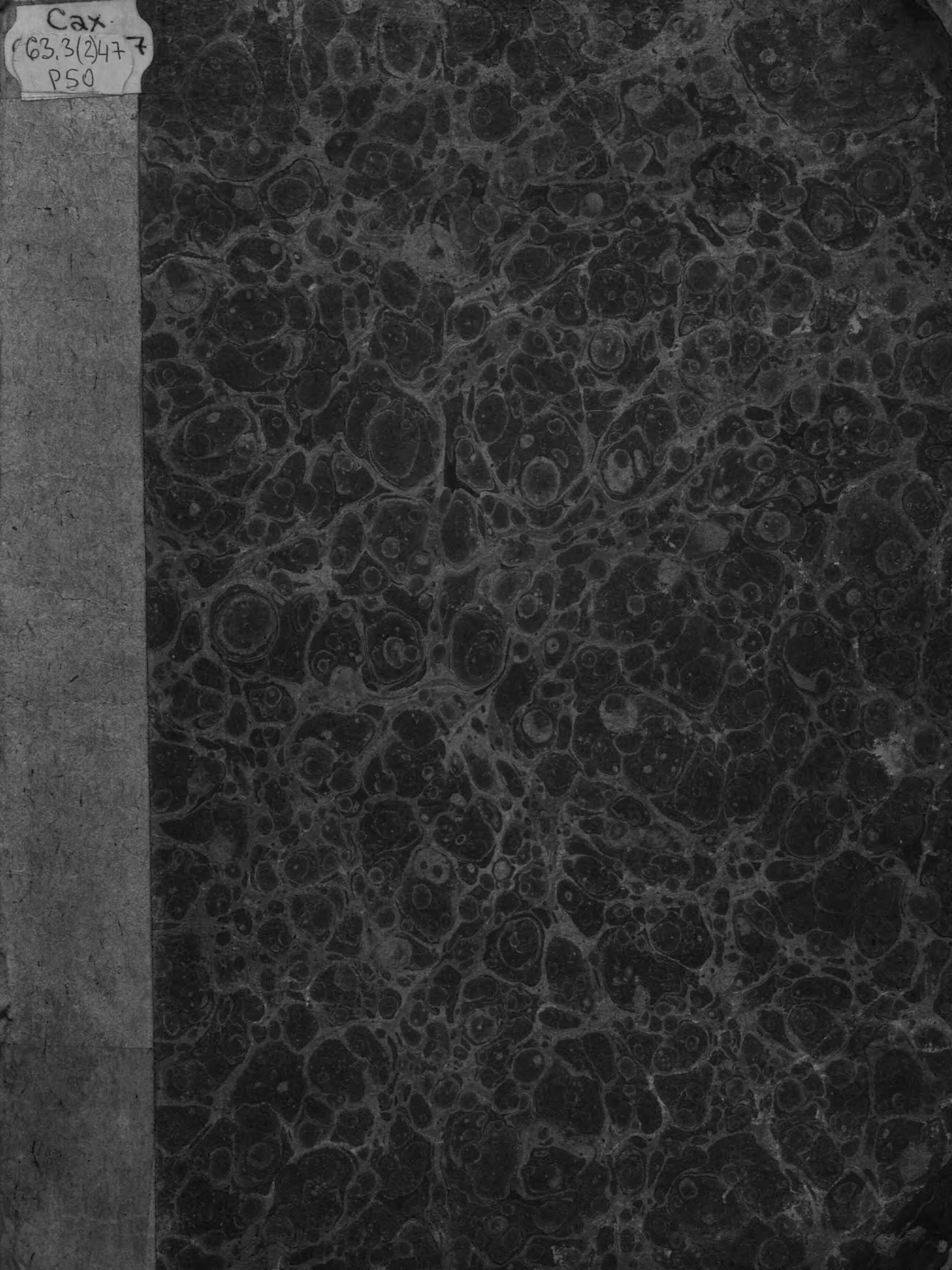

Cax

63.3(2)477

P50

The image shows the front cover of a book. The main part of the cover is decorated with a dark, intricate marbled pattern, likely a 'stone' or 'shell' marble design, featuring swirling, organic shapes in various shades of grey, black, and brown. On the left side, there is a vertical strip of a different material, possibly leather or a textured cloth, which serves as the spine. A small, light-colored rectangular label is affixed to the top of this spine strip. The label contains three lines of handwritten text: 'Cax' on the first line, '63.3(2)477' on the second line, and 'P50' on the third line. The overall appearance is that of an old, well-used library volume.

Сахалинской областной библиотеке
в знак уважения и признательности
от Южно-Сахалинского городского
клуба книголюбов «ПАЛЛАДА».

1980 г., февраль.

Δ

63.3(2)471

9(1)15(01)
P 50

Б 97521

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

\$10103624
Sakhalin Regional Library

Сахалинская областная
БИБЛИОТЕКА

124901

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА

О ПЛАВАНИИ ЕГО

КЪ ЯПОНСКИМЪ БЕРЕГАМ

въ 1812 и 1813 годахъ,

и

О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЯПОНЦАМЪ

Напечатаны по Высочайшему повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Морской Типографіи 1816 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

тъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу
являемы были въ Цензурный Комитетъ: одинъ
экземпляръ сей книги, для Цензурнаго Комитета, дру-
гой Департамента Министерства просвѣщенія, два
экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки,
и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, 1816 года Октября 2 дня.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

и прочая, и прочая, и прочая.

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

По повелѣнію вышняго начальства, совершено мною
тремя кратное плаваніе къ берегамъ Японскимъ, для
освобожденія Капитана Головнина, Мисмана Мура,
Штурмана Хлѣбникова, четверыхъ матрозовъ и одно-
го Курильца, захваченныхъ Японцами. Всевышній
благословилъ сіе предпріятіе вождельными успѣхами:
Японцы, убѣдясь въ миролюбивомъ къ нимъ расположе-
ніи Россіи, освободили нашихъ соотечественниковъ, и
сверхъ того положено основаніе будущему сближенію
двухъ сосѣдственныхъ народовъ ко взаимной ихъ выго-
дѣ, издавна желаемому Россійскимъ Правительствомъ,
но неудававшемуся отъ непредвидимыхъ причинъ.

Держаю посвятить Всеавгустѣйшему имени ВАШЕ-
ГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, напечатанное по
Высочайшему повелѣнію ВАШЕМУ на счетъ Кабинета
повѣствованіе о селѣ подвигѣ, предпринятомъ съ
ревностнымъ желаніемъ принести пользу отечеству.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподанный

Петръ Рикордъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Взятіе *Японцами* Капитана *Головина* при осирровѣ *Кунаширѣ*. Шлюпъ спускается съ якоря и подходитъ къ крѣпости. *Японцы* начинаютъ стрѣлять въ насъ изъ пушекъ; мы имъ отвѣчаемъ, сбиваемъ одну башарю, но главной крѣпости не могли никакого вреда причинить. Покушенія наши объяснились съ *Японцами*, но безъ успѣха. Хищность ими употребленная для завладѣнія нашею шлюпкою. Мы оставляемъ на берегу письмо и нѣкопорыя вещи для плѣнныхъ нашихъ соотечественниковъ и отплываемъ къ *Охотску*. Прибытіе въ *Охотскъ* и отправление мое въ *Иркутскъ*; трудности и опасности пути сего. Весною я возвращаюсь опять въ *Охотскъ* съ *Японцемъ Леонзаймомъ*. Приготовление шлюпа къ походу, на которой я беру привезенныхъ изъ *Камчатки* 6 чловѣкъ *Японцевъ* и отправляюсь къ осиррову *Кунаширу*. Опасность угрожавшая намъ кораблекрушеніемъ при осирровѣ *Св. Іоны*. Прибытіе въ заливъ *Измѣны*. Безуспѣшныя наши покушенія открыть переговоры съ *Японцами*. Упрямство и злость *Леонзайма*, и объявленіе его, что наши плѣнные убиты. Я отпускаю привезенныхъ на шлюпъ *Японцевъ* на берегъ и беру съ *Японскаго* судна другихъ людей, въ томъ числѣ Начальника оного, отъ котораго мы узнаемъ, что наши живы. Отправление наше со взятыми *Японцами* изъ *Кунашира* и благополучное прибытіе въ *Камчатку* 1.

Зимованіе въ *Камчаткѣ*. Правъ, поступки и обращеніе плѣненного нами *Японца* по имени *Такатая - Кахи*. Свѣденія полученныя отъ него о нашихъ плѣнныхъ и о *Японіи*. Отправление шлюпа изъ *Камчатки* и прибытіе къ *Кунаширу*. Справкой поступокъ *Такатая - Кахи*, и понятіе *Японцевъ* о честии. Расположеніе Начальника крѣпости вступить съ нами въ переговоры. Я посылаю одного изъ *Японцевъ* на берегъ; онъ возвращается и до-

ставляетъ мнѣ официальную бумагу отъ Японскихъ Чиновниковъ. Каки отправляемся на берегъ и возвращаемся съ пріятнымъ извѣстіемъ, что Японцы рѣшились начать съ нами переговоры. Доставка въ намъ свернутой записки Капитана Головина, изъ коей узнали мы, что они все живы. Прибытіе изъ Матсмая значащихъ Чиновниковъ для переговоровъ съ нами, которые и производились посредствомъ Таката-Хахи. Свиданіе съ однимъ изъ плѣнныхъ нашихъ маэрозоевъ, коимъ доставляетъ мнѣ письмо отъ Г. Головина, тайно отъ Японцевъ симъ маэрозомъ привезенное. Требованія Японскаго Правительства; согласіе мое удовлетворить онымъ, на каковой конецъ я отправляюсь въ Охотскъ. Прибытіе въ сей портъ, занятія наши въ ономъ, и приготовленія къ шрешему походу предпринимаемому нами для освобожденія нашихъ плѣнныхъ

51.

Отправление шлюпа изъ Охотска. Прибытіе на видъ Японскихъ береговъ. Продолжительныя бури и противныя вѣтры, насъ вспрѣшившіе. Мы достигаемъ порта Эдою, получаемъ тамъ лоцмана и отправляемся въ Хакодаде. Приемъ, сдѣланный намъ Японцами. Переговоры съ ними посредствомъ Таката-Хахи. Свиданіе мое съ Японскими Чиновниками на берегу. Пошомъ свиданіе съ Г. Головинымъ. Объясненіе нѣкоторыхъ статей, заключающихся въ требованіи Японскаго Правительства. Японцы рѣшаются освободить нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и назначаютъ для сего день, въ коимъ я возвращаюсь на берегъ, и возвращаюсь на шлюпъ съ освобожденными нашими плѣнными. Учивости и привѣтствія Японскихъ Чиновниковъ посѣдившихъ шлюпъ. Мы отправляемся въ путь, терпимъ въ море ужасную бурю, и достигаемъ наконецъ благополучно Петропавловской гавани. Несчастная участь, постигшая Г. Мұра

90.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

1811 года, 11 числа, въ 11 часовъ по полуночи, и, ежели считашь по древнему обычаю съ Сентября, то и 11 мѣсяца Юля, постигло насъ то печальное происшествіе, которое останется въ памяти всѣхъ служившихъ на шлюпѣ *Дианѣ* на всю жизнь неизгладимымъ, и всегда будешь возобновляшь скорбныя чувствованія при воспоминаніи объ ономъ. Извѣстно чинамъ, что несчастіе, постигшее Капитана *Головнина*, ввергнувшее насъ въ глубокую тоску и поразившее духъ нашъ недоумѣніемъ, было неожиданно: оно разрушило всѣ наши лестныя виды о возможности возвращенія сего же года въ отечество, коими услаждались мы при отправленіи изъ *Камчатки* для описи *Курильскихъ* острововъ, ибо, когда свершился роковой ударъ разлученіемъ насъ самымъ ужаснѣйшимъ образомъ съ достойнымъ и любимымъ нашимъ Начальникомъ и съ нѣшнѣшними сослуживцами, никто уже не помышлялъ о возвращеніи къ своимъ родственникамъ и друзьямъ, а всѣ положили твердое упованіе на Бога и единодушно рѣшились, какъ офицеры, шакъ и команда, не оставляшь *Японскихъ* бере-

говѣ, доколѣ не испытаемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для освобожденія своихъ сослуживцевъ, есѣли они въ живыхъ; есѣли же они, какъ мы иногда полагали, убиты, доколѣ не опомсимъ надлежащимъ образомъ на шѣхъ же самыхъ берегахъ.

Проводивъ Г. *Головнина* со всѣми съѣхавшими съ нимъ на берегъ въ зришельныя шрубы до самыхъ городскихъ воротъ, куда они были введены въ сопровожденіи великаго числа людей и, какъ намъ казалось по опличному разноцвѣтному одѣянію, значащихъ *Японскихъ Чиновниковъ*, и руководствуясь одинакими съ Г. *Головиннымъ* правилами, я ни мало не подозрѣвалъ *Японцевъ* въ вѣроломствѣ, и до такой сшечени былъ ослѣпленъ увѣренностью въ искренности ихъ поступковъ, что, оставшись на шлюпѣ, занимался приведеніемъ всего въ лучшій порядокъ на случай пріѣзда *Японцевъ* вмѣстѣ съ Г. *Головиннымъ*, какъ добрыхъ посѣщителей. Среди такихъ занятій, около полудня, слухъ нашъ внезапно поражается сдѣланными на берегу выстрѣлами и чрезвычайнымъ въ шоже время крикомъ, бѣжавшаго толпою изъ городскихъ воротъ народа, прямо къ шлюпкѣ, на которой Г. *Головинъ* съѣхалъ къ нимъ на берегъ. Посредствомъ зришельныхъ шрубъ мы явственно видѣли, какъ сей народъ, въ безпорядкѣ бѣжавшій, со шлюпки расхвашалъ мачты, паруса, весла и другія принадлежности. Между прочимъ казалось намъ, что одного изъ нашихъ гребцовъ *мохнатыя Курильцы* понесли на рукахъ въ городскіе ворота, куда вбѣжавъ всѣ, оныя за собою заперли. Въ ту же минушу насшала глубочай-

шая пишина: все селеніе съ морской стороны было завѣшено полосапою бумажною матерією, и потому нельзя было видѣшь, что шамъ происходило, а внѣ онаго никто уже не показывался.

При семъ насильственномъ поступкѣ *Японцевъ*, жестокое недоумѣніе объ участи оставшихся въ городѣ нашихъ сослуживцевъ перзало наше воображеніе. Всякой удобнѣе можетъ постигать по собственнымъ своимъ чувствамъ, полагая себя на нашемъ мѣстѣ, нежели я могу по описать. Кто читалъ *Японскую* исторію, тотъ легко можетъ вообразить, чего надлежало намъ ожидать отъ мстительнаго права *Японцевъ*.

Не перья ни минушы, я приказалъ сняться съ якоря, и мы пошли ближе къ городу, полагая, что *Японцы*, увидя вблизи себя военное судно, перемѣнятъ свое намѣреніе, и, можетъ быть, согласятся, вступя въ переговоры, выдать нашихъ, захваченныхъ ими. Но вскорѣ уменьшившаяся до $2\frac{1}{2}$ сажень глубина принудила насъ спастись на якорь еще въ довольноомъ разстояніи отъ города, до котораго хотя ядра наши и могли доспавать, но значительнаго вреда нанести были не въ состояніи. И въ то время, какъ мы приготовляли шлюкъ къ дѣйствію, *Японцы* открыли огонь съ пославленной на горѣ башары, кошорой ядра брали еще на нѣкоторое разстояніе далѣе нашего шлюпа. Сохраняя честь ошечественнаго и уважаемаго всѣми просвѣщенными Державами, а теперь оскорбленнаго флага, и чувствуя правоспъ своего дѣла, приказано было мною ош-

крыть пальбу по городу съ ядрами. Около 170 выстрѣловъ сдѣлано было со шлюпа: намъ удалось сбить упомянутую на горѣ башарею; припомъ мы примѣнили, что шѣмъ не сдѣлали желаемого нами впечатлѣнія на городъ, закрываемый съ морской стороны землянымъ валомъ; равно и ихъ выстрѣлы не сдѣлали никакого поврежденія на шлюпѣ. Посему я счелъ за бесполезное далѣе осмѣиваться въ семъ положеніи: приказалъ прекратить пальбу и сниматься съ якоря. *Японцы*, по видимому, ободренные прекращеніемъ нашего огня, палили безъ разбору во все время нашего удаленія отъ города. Не имѣя достаточнаго числа людей на шлюпѣ, коими можно бы было сдѣлать высадку, не въ состояніи мы были предпринять ничего рѣшительнаго въ пользу нашихъ несчастныхъ сооповарищей: всѣхъ людей на шлюпѣ осмѣивалось съ офицерами 51 человекъ. Потеря любимого и почитаемого ими Капитана, который о нихъ въ преплытіи великихъ морей, и при перемѣнахъ разныхъ климатовъ, шолкое прилагалъ шщаніе, потеря прочихъ сослуживцевъ, исторгнувшихъ коварствомъ изъ среды ихъ и можетъ быть, какъ полагали, лютейшимъ образомъ умерщвленныхъ, — все сіе до неимовѣрной степени огорчило служащихъ на шлюпѣ и возбудило въ нихъ желаніе отмстить вѣроломству, до такой степени, что всѣ съ радостію готовы были броситься въ средину города и мстящею рукою или доставить свободу своихъ соопеченниковъ или запласть дорогою цѣною за коварство *Японцевъ*, пожертвовать самою жизнію. Съ такими людьми и при такихъ чувствованіяхъ неспрудно было

бы произвѣсти сильное впечатлѣніе надъ коварными врагами; но иногда бы шлюпъ оставался безъ всякой защиты и могъ легко быть преданъ огню: всякое удачное и неудачное покушеніе оставалось бы въ *Россіи* навсегда неизвѣстнымъ, равно и собранныя нами свѣдѣнія въ сей послѣдней экспедиціи при описаніи южныхъ *Курильскихъ острововъ* и много времени и трудовъ сшоящее описаніе Географическаго положенія сихъ мѣстъ, не принесли бы также никакой ожидаемой опъ шго пользы. Ошоедъ далѣе опъ города, спали мы на якорь въ такомъ разстояніи, чшобы ядра съ крѣпости до насъ не могли доставать, а между шѣмъ положено было написатъ къ попавшемуся въ плѣнъ нашему Капитану письмо. Въ ономъ изложили мы, сколь чувствительна намъ была потеря въ лишеніи своего Начальника и сослуживцевъ, и сколь несправедливъ и прошивентъ народному праву пошупокъ *Кунаширскаго* Начальника; извѣстили, что опправляемся шеперь въ *Охотскъ* для донесенія вышнему начальству, что всѣ на шлюпъ до единаго, готовы будущъ положишь жизнь свою, естли другихъ не будетъ средствъ къ ихъ вырученію. Письмо подписано всѣми офицерами и положено въ споявшую на рейдѣ ладку. Къ вечеру мы еще опшгнулись по заводу далѣе опъ берега и провели ночь въ всякой готовности опразитъ нечаянное нападеніе непріятеля.

Поштру мы видѣли съ помощію зрительныхъ шрубъ вывозимые изъ города на вьючныхъ лошадяхъ пожитки, вѣроятно съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобъ мы не

покусились какимъ либо средствомъ сжечь городъ. Въ 8 часовъ утра, руководствуясь, хотя съ крайнею печалію, необходимою должностію службы, ошданнымъ ошъ себя приказомъ принялъ я по старшинству моего чина шлюпъ и команду въ свое вѣденіе, и потребовалъ ошъ всѣхъ остававшихся на шлюпѣ офицеровъ письменнаго мнѣнія о средствахъ, какое кто изъ нихъ признаешъ за лучшее къ вырученію нашихъ соопчичей. Общимъ мнѣніемъ положено оставишь непріятельскія дѣйствія, ошъ которыхъ еще можешъ сдѣлаться хуже участъ нѣвенныхъ, и *Японцы*, можешъ быть, покусясь чрезъ то и на жизнь ихъ, если она еще сохранена, а иди въ *Охотскъ*, для донесенія о семъ вышнему начальству, которое можешъ избрать надежныя средства къ вырученію захваченныхъ, есшми они живы, или къ опмщенію за коварство и нарушеніе народнаго права, въ случаѣ ихъ умерщвленія.

По разсвѣтѣ послалъ я Штурманскаго Помощника *Средняго* на шлюпкѣ къ поставленной на рейдѣ кадкѣ осмошрѣшь, взято ли шрешьяго дня положенное наше письмо. Онъ, не доѣхавъ еще до оной, услышалъ въ городѣ барабанный бой, и возвратился въ чайніи, что нѣтъ города его ашакующъ на гребныхъ судахъ. И въ самомъ дѣлѣ примѣшили мы одну опвалившую байдару; но она нѣсколько опѣхавъ ошъ берега, поставила еще яновъ кадку съ черными флагарками. Увидѣвъ сіе, мы шотчасъ снялись съ якоря, въ намѣреніи подойти ближе къ городу и послашь гребное ошъ себя судно осмошрѣшь поманушую кадку, не найдешся ли въ оной

письма, или чего другаго, по коему бы мы могли до-
 знахся объ участи нашихъ товарищей; но скоро при-
 мѣнили, что сія кадка прикрѣплена была къ веревкѣ, у
 коей конецъ былъ на берегу, и съ помощію коей не-
 чувствительно припятивали ее къ берегу, думая та-
 кимъ образомъ заманишь шлюпку ближе и завладѣшь ею.
 Примѣня сіе коварство, мы спали пошчасъ на якорь.
 При малѣйшей возможности ласкали мы себя надеждою
 узнать объ участи несчастныхъ сонущниковъ нашихъ;
 ибо съ того самаго времени, какъ сдѣлались они жерш-
 вою *Японскаго* вѣроломства, судьба ихъ была для
 насъ совершенно неизвѣстна. Съ одной стороны думали
 мы, что мстительность *Азіатская*, при такомъ не-
 пріязненномъ расположеніи, не допуститъ ихъ остав-
 ляшь нашихъ плѣнныхъ долгое время въ живыхъ, а
 съ другой, рассуждали, что *Японское* Правитель-
 ство, похваляемое всѣми за особенное благоразуміе
 конечно не рѣшится оказать мщеніе надъ 7 чело-
 вѣками, во власць его попавшимися. Теряясь та-
 кимъ образомъ въ неизвѣстности, мы ничего не мог-
 ли лучшаго придумать, какъ показашъ *Японцамъ*,
 что считаемъ нашихъ товарищей живыми, и что
 никакъ не воображаемъ, чтобъ въ *Японіи* жизнь по-
 павшихся въ плѣнъ не также сохранялась, какъ въ
 прочихъ просвѣщенныхъ Государствахъ. На сей конецъ
 послалъ я Мичмана *Филатова* къ одному оставленно-
 му безъ людей селенію, на мысу находящемся, прика-
 завъ ему оспавить пригошовленное и укладенное по-

рознь съ надписями для каждаго изъ офицеровъ бѣлье, бришвы и нѣсколько книгъ, а для мажорзовъ плащье.

14 числа, съ горестными чувствованіями, оставили мы заливъ *Измѣны*, по справедливости названный симъ именемъ офицерами шлюпа *Діаны*, и пошли прямѣйшимъ пракшомъ къ *Охотскому* порту, будучи во все почти время окружены непроницаемымъ густымъ туманомъ. Одна сія шуманная погода причиняла плаванію сему нѣкоторую непріятность; вѣтры же были благопріятны и умѣренны. Но ужаснѣйшая изъ всѣхъ бурь свирѣдствовала въ душѣ моей, доколь мы по пихости вѣтровъ, нѣсколько дней плавали въ виду ненавистнаго острова *Кунашира*! Слабый лучъ надежды по временамъ подкрѣплялъ мой унылый духъ; я льстился мечтою, что мы еще не навсегда разлучены съ нашими товарищами; съ утра до вечера я осматривалъ въ зрительную трубку весь морской берегъ, надѣясь узрѣть кого нибудь изъ нихъ на челнокѣ, спасагося изъ жестокаго плѣна, по внушенію самаго Провидѣнія; но когда мы вышли въ пространство *Восточнаго океана*, гдѣ зрѣніе наше за густою тумана простиралось только на нѣсколько сажень; тогда самыя мрачныя мысли мною овладѣли и не пресавали днемъ и ночью наполняя мое воображеніе различными мечтами. Я жилъ въ каютѣ, которую 5 лѣтъ занималъ другъ мой *Головинъ*, и въ которой многія вещи осавались въ томъ же порядкѣ, какъ были положены имъ самимъ въ самой день его отъѣзда на злополучный берегъ; все сіе напоминало весьма живо о недавнемъ его присутствіи.

Офицеры, входившіе ко мнѣ съ докладами, часто по привычкѣ ошибались, называя меня именемъ Г. *Головнина*, и при сихъ ошибкахъ возобновляли скорбь, извлекавшую у нихъ и у меня слезы. Какое мученіе терзало' душу мою! Давно ли, думалъ я, разговаривалъ я съ нимъ о представлявшейся возможности возстановить доброе съ *Японцами* согласіе, которое было нарушено безразсуднымъ поступкомъ одного дерзкаго человѣка, и въ чаяніи такого успѣха, мы вмѣстѣ радовались и душевно торжесествовали, что сдѣлаемся полезными нашему Ошечеству: но какой жеспокой оборотъ последовалъ вмѣсто сего? Г. *Головинъ*, съ двумя отличными офицерами и чепырьма матрозами, ошторгнувъ ошъ насъ народомъ, извѣстнымъ въ *Европѣ* только по лучшйшему прошиву *Христіанъ* гоненію, и участь ихъ покрыва для насъ непроницаемою завѣсою. Такія размышленія доводили меня до опчаянія во всю дорогу.

Чрезъ 16 дней благополучнаго плаванія представилось взору нашему строеніе города *Охотска*, какъ будто вырастающее изъ океана. Всю построенная церковь была выше и красивѣе всѣхъ прочихъ зданій (1). Низменный мысъ, или, лучше сказать, морская ошмѣль, на которой построены городъ, не прежде съ моря опкрывается, какъ по разсмотрѣніи всѣхъ строеній.

(1) Давно не имѣли мы утѣшенія видѣть Божій храмъ! Видѣ такого *Христіанскаго* зданія во всякаго мореходца, особенно по испытаніи бѣдствій, вливаетъ какую-то неизъяснимую ободрительную опраду и пораждаеть благоприятныя мысли о жишеляхъ новой пристани.

Желая снестись, не теряя времени съ портомъ, приказалъ я при поднятіи флага выпалить изъ пушки, и въ ожиданіи лоцмана съ берега, мы легли въ дрейфъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ отъ Начальника порта Лейтенантъ *Шаховъ* съ порученіемъ показашъ намъ лучшее мѣсто. По его назначенію, стали мы на якорь. Послѣ сего я отправился въ *Охотскъ* донестъ о несчастіи и потерѣ нашей на *Японскихъ* берегахъ Начальнику порта флота Капитану *Миницкому*, съ коимъ я и Г. *Головнинъ* равнымъ были связаны дружесствомъ со времени нашего служенія на *Англійскомъ* флотѣ. Онъ изъяснилъ искреннѣйшее соболъзнованіе въ постигшемъ насъ несчастіи: усерднѣйшимъ принятіемъ взаимнаго участія, благоразумными своими совѣтами и всѣми зависящими отъ него пособіями нѣсколько облегчалъ мою скорбь, усугубляемую помышленіемъ, что вышнее начальство изъ одного проспаго моего донесенія о взятіи Г. *Головина* *Японцами*, можетъ заключить по первому взгляду, что я не привелъ въ исполненіе всѣхъ зависѣвшихъ отъ меня способовъ для его выручки.

Усмотрѣвъ, что пребываніе мое въ *Охотскѣ*, во время продолжительной зимы, совершенно для службы бесполезно, поѣхалъ я, съ согласія Капитана *Миницаго*, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ *Иркутскъ*, въ намѣреніи слѣдовать до *Санктпетербурга* для подробнаго донесенія обо всемъ случившемся Г. Морскому Министру и просить его разрѣшенія на кампанію къ *Японскимъ* берегамъ, для освобожденія оставшихся въ плѣну нашихъ соотечественниковъ.

Симъ кончилась кампанія, которая споила намъ поликихъ шрудовъ и пожертвованій, перенесенныхъ нами со всею пвердосію въ той утѣшительной мысли, что исполнивъ волю Правительсва своего, окажемъ оному услугу распространеніемъ новыхъ свѣдѣній объ опдаленнѣйшихъ мѣстахъ и по возвращеніи своемъ вкусимъ пріятный покой среди соошечественниковъ нашихъ, но вопреки всѣмъ надеждамъ, ужасное несчастіе постигло нашего Начальника и сотоварищей!

Мнѣ надлежало въ одну зиму успѣшь совершить предполагаемую въ *Санктпетербургѣ* и обратно въ *Охотскѣ* поѣздку, и пошому я принужденъ былъ, не теряя времени въ ожиданіи зимняго пуши въ *Якутскѣ* (куда я пріѣхалъ въ исходѣ Сенсября), ѣхать опять верхомъ до самаго *Иркутска*, что мнѣ удалось исполнить въ 56 дней. Всего разстоянія проѣхалъ я верхомъ 3000 верстъ. Я долженъ признаться, что сія сухопутная *кампанія* была для меня самая шруднѣйшая изъ всѣхъ совершенныхъ мною: верпикальная пряска верховой ѣзды для моряка, привыкшаго носиться по плавнымъ морскимъ волнамъ, мучительнѣе всего на свѣтѣ! Имѣя въ виду поспѣшность, я иногда опваживался проѣзжать двѣ большія въ сумки станціи, по 45 верстъ каждая; но тогда уже не оставалось во мнѣ ни одного состава безъ величайшаго расслабленія; самыя даже челюсти опказывались исполнять свою должность; сверхъ сего и осенній путь отъ *Якутска* до *Иркутска*, возможный только для верховой ѣзды, есть самый опаснѣйшій. Большею частію ѣзда совершается по шропамъ, на крупныхъ

косогорахъ, составляющихъ берега рѣки *Лены*. Во многихъ мѣстахъ пропекающіе съ ихъ вершинъ источники, замерзающъ выпуклымъ весьма скользкимъ льдомъ, называемымъ *Ленскими* жишелями *накипень*, и какъ *Якутскія* лошади вообще не подковываются, то всегда почти, переѣзжая черезъ ледъ, падающъ. Однажды я, не досмотрѣвъ такого опаснаго *накипеня* и ѣхавши довольно скоро, упалъ съ лошади и, не успѣвъ освободить ногъ изъ спремента, покашился вмѣстѣ съ нею по косогору, и заплашилъ за неосмотрительность поврежденіемъ одной ноги. Раздѣлавшись сполъ дешево, я благодарилъ Провидѣніе, что не сломилъ себѣ шеи. Совѣтую всѣмъ, кого нужда заставитъ ѣхать по сей ледовитой дорогѣ верхомъ, не задумываться, ибо шамошнія лошади имѣютъ дурную привычку безпрестанно забираясь вверхъ по косогору, и наѣхавъ иногда при такой крутизнѣ на *накипень*, нельзя ручаться, гдѣ случатъ паденія вмѣстѣ съ лошадей, за сохраненіе глубокими мыслями наполненной головы.

Прибывъ въ *Иркутскъ*, я былъ весьма ласково принятъ Г. Гражданскимъ Губернаторомъ *Николаемъ Ивановичемъ Трескинымъ*, къ которому долженъ былъ, за отсутствіемъ *Сибирскаго* Г. Генераль - Губернатора, явиться. Онъ мнѣ объявилъ, что получивъ чрезъ *Охотскаго* Начальника мое донесеніе о приключившемся несчастіи, давно уже препроводилъ оное къ начальству вмѣстѣ съ испрашиваніемъ разрѣшенія въ отправленіи экспедиціи къ *Японскимъ* берегамъ, для выручки Капитана *Головина* и прочихъ участниковъ его бѣдъ.

ствія. Сіе неожиданное, впрочемъ для меня благопріятное обстоятельство, (ибо для сего единственно я предпринялъ многотрудную поѣздку изъ *Охотска* до *Санкт-петербурга*), заснавило меня, согласно съ предположеніемъ Г. Губернатора, остаться въ *Иркутскѣ*, въ ожиданіи рѣшенія высшаго начальства. Между тѣмъ онъ, принявши великое участіе въ злополучіи Капишана *Головинни*, занялся вмѣстѣ съ мною начертаніемъ предполагаемой экспедиціи, которое и было вскорѣ отправлено на разсмотрѣніе къ Его Высочайшему повелѣнію Г. Сибирскому Генералъ-Губернатору *Ивану Борисовичу Пестелю*; но по существовавшему тогда весьма важнымъ политическимъ обстоятельствомъ не послѣдовало на оное Монаршаго утвержденія, мнѣ же Высочайше повелѣно было возвращиться въ *Охотскѣ*, съ разрѣшеніемъ отъ начальства отправиться со шлюпомъ *Діаной* для продолженія неоконченной нами описи, и вмѣстѣ съ симъ зайши къ острову *Кунаширу* для провѣдыванія объ участіи нашихъ соотечественниковъ, захваченныхъ *Японцами*.

Въ продолженіе зимы привезенъ былъ въ *Иркутскѣ* извѣстный чинапелямъ (изъ записокъ Г. *Головина*) *Японецъ Леонзаймо*, по особенному вызову Г. Гражданскаго Губернатора, которымъ онъ принятъ былъ весьма благосклонно. Прилагаемо было всевозможное стараніе вразумить его о пріязненномъ расположеніи нашего Правительствъ къ *Японскому*. Онъ, разумѣя довольно хорошо нашъ языкъ, казался въ этомъ убѣжденнымъ и удостоверялъ насъ, что всѣ *Рускіе* въ *Японіи*

живы и дѣло наше кончилось миролюбиво. Съ симъ Япон-
целѣмъ я отправился обратно въ Охотскѣ, но не верхомъ
уже, а въ покойныхъ зимнихъ повозкахъ по гладкой рѣкѣ
Ленѣ до самаго Якутска, куда мы прѣехали въ исходѣ
Марша мѣсяца. Въ сіе время года во всѣхъ благосло-
венныхъ природою странахъ цвѣтешъ весна; но здѣсь
владычествовала еще зима и споль суровая, что льди-
ны, упошребляемыя бѣдными жителями вмѣсто спеколь
въ окнахъ, не были еще по обыкновенію замѣщены слю-
дою съ наштупленіемъ ошпепели, и дорога къ Охотску
была покрыта весьма глубокимъ снѣгомъ, ошъ кошора-
го проѣздъ на лошадахъ былъ невозможенъ. Дожидашъ-
ся, когда спаетъ снѣгъ, ни я, ни мой Японецѣ, не имѣ-
ли перпѣнія, и мы пустились верьхами на оленяхъ,
имѣя вожаемыми ихъ хозяевъ, добрыхъ Тунгусовѣ. Я
долженъ опдашъ справедливостъ сему прекрасному и
полезнѣйшему изъ всѣхъ въ услуженіи человека нахо-
дящихся живошныхъ: верховая на немъ ѣзда го-
раздо покойнѣе, нежели на лошади; олень бѣжитъ плав-
но безъ всякой шряски, и шакъ смиренъ, что когда
случалось съ него падашъ, онъ оставался на мѣснѣ,
какъ будто вкопанный. Сему въ первые дни мы доволь-
но часшо подвергались по причинѣ чрезвычайной не-
ловкости сидѣшъ на маленькомъ верпьяномъ сѣдлишкѣ
безъ спремянъ, наложенномъ на самыхъ переднихъ ло-
пашкахъ, ибо олень весьма слабоспинъ и не шерпишъ
никакой на срединѣ спины шягоспи.

Прибывши въ Охотскѣ, нашелъ я шлюпъ въ са-
мыхъ необходимыхъ часпяхъ исправленнымъ; всего же

нужнаго исправленія, по великой во многихъ отношеніяхъ неудобности рѣки *Охоты*, произведши въ дѣйствіе не было возможности. Не взирая однакожь на такія препятствія, при пособіи дѣятельнаго Начальника порша Г. *Миницкаго*, мы успѣли приготоовить шлюпъ къ походу въ такой точной исправности, какъ бы въ лучшихъ портахъ *Россійскаго*, Государства, а потому справедливымъ почиаю при семъ случаѣ изъяснить признательность оному опличному Начальнику, много содѣйствовавшему къ предстоявшему и щастливо совершившемуся путешествію. Для умноженія команды шлюпа *Діаны*, прибавилъ онъ еще изъ *Охотской* морской роты одного унтеръ-офицера и 10 солдатъ, и для безопаснѣйшаго плаванія оудалъ подѣ мою команду одинъ изъ *Охотскихъ* транспортъ: брикъ *Зотикъ*, на коемъ командиромъ сдѣланъ Лейтенантъ *Филатовъ*, одинъ изъ офицеровъ командуемаго мною шлюпа; кромѣ сего выбылъ изъ моей команды Лейтенантъ *Якушкинъ*, для начальствованія на другомъ *Охотскомъ* транспортѣ *Павлъ*, шедшемъ въ *Камчатку* съ провіаншомъ.

18 Іюля 1812 года, бывъ въ совершенной готовности къ отплытію, принялъ я на шлюпъ шесть чело-
вѣкъ *Японцевъ*, спасшихся съ разбитаго на *Камчатскихъ* берегахъ *Японскаго* судна для отвозу ихъ въ отечество (1). Въ 3 часа по полудни 22 Іюля отпра-
вились мы въ путь, въ сопровожденіи брика *Зотика*.

(1) Кораблекрушеніе сихъ *Японцевъ* на *Камчатскихъ* берегахъ доспойно особеннаго примѣчанія: оно случилось въ

Мое намѣреніе было итти крапчайшимъ путемъ къ *Кунаширу*, то есть *Пиковымъ* каналомъ, или, по крайней мѣрѣ, проливомъ *Дефризовымъ*. На пути нашемъ до самаго острова *Кунашира* ничего особенно примѣчательнаго не случилось, кромѣ того, что мы однажды были подвержены чрезвычайной опасности. Около полудня 27 Іюля небо опъ пасмурности очистилось пакъ, что мы хорошо могли опредѣлить свое мѣсто, опъ кошораго въ полдень островъ *С. Іоны* былъ къ югу въ 37 миляхъ; островъ сей открытъ Командоромъ *Биллинесомъ* во время плаванія его на суднѣ *Слава Россіи*, предпринимаго имъ изъ *Охотска* въ *Камгату*. Географическое положеніе его по Астрономическимъ наблюденіямъ весьма вѣрно опредѣлено Капитаномъ *Крузенштерномъ*. Вообще сказать можно, что всѣ тѣ мѣста, которыя сей искусный мореплавецъ опредѣлилъ, могутъ служить почти стольже точною повѣркою хронометрамъ, какъ и *Гренвигская* обсерваторія. Посему мы ни мало не сомнѣвались въ

томъ же году, въ кошоромъ нашихъ соотечественниковъ коварнымъ образомъ захватили на *Японскихъ* берегахъ, и что всего удивительнѣе, какъ будто опредѣленіемъ самаго Провидѣнія изъ всего экипажа *Японскаго* судна спаслось ровно то самое число людей, сколько *Японцы* захватили нашихъ. Осправляясь съ ними къ *Японскимъ* берегамъ, по *Европейскимъ* законамъ представлялось намъ сбыточнымъ дѣломъ, что хотя съ трудностію но развѣнъ наконецъ долженъ послѣдовать; читатель однако въ послѣдствіи увидитъ, сколь много въ семъ случаѣ *Японскіе* законы разнствуютъ опъ нашихъ.

испипномъ положеніи своемъ опъ онаго оспрова, равно какъ и наше мѣсто въ полдень сего дня было опредѣлено съ довольною точностію. Почему мы и спали правильнѣе такимъ образомъ, чѣмъ миновашъ оспровъ миляхъ въ 10 разстоянія, а брига *Зотику* приказаль и чрезъ сигналъ держашся опъ насъ въ полумили. Намѣреніе мое было, естли погода позволитъ, осмопрѣвъ оспровъ *С. Юны*, весьма рѣдко видимый *Охотскими* транспоршами и *Компанейскими* судами, такъ какъ онъ лежишь не на пуши обыкновеннаго шракша изъ *Калитки* въ *Охотскѣ*.

Съ полуночи на 28 Іюня въпрѣ продолжалъ душъ при густомъ шуманѣ, сквозъ которой въ 2 часа увидѣли мы прямо передъ собою высокій камень въ разстояніи не болѣе 20 сажень. Тогда положеніе наше было самое опасное, какое только представитъ себѣ можно: среди океана въ такомъ близкомъ разстояніи опъ утесистой скалы, о которую въ минушу могло разбиться судно на мѣлкія часши, нельзя было и помышлять о избавленіи. Но Провидѣнію угодно было спасти насъ опъ предстоявшаго намъ бѣдствія. Въ мгновеніе мы, опворотивъ, уменьшили ходъ шлюпа и хоша, сдѣлавъ сіе, нельзя было вовсе избѣжать близкой опасности, но можно было уменьшитъ вредъ, причиняемый судну ударомъ о камень или припкновеніемъ къ мѣли. Уменьшивъ ходъ шлюпа, мы получили одинъ легкой носовою часшею ударъ, и усмопрѣвъ чистой къ югу проходъ, пошли въ него и миновали вышеупомянутый камень и другіе еще опкрывшіеся въ шуманѣ камни, небольшимъ проливомъ.

Пройдя сіи *срата*, мы опять, убавивъ ходѣ, предались на произволъ теченія, и вышли другимъ проливомъ, между новыми камнями, на безопасную глубину. Послѣ сего наполнивъ паруса, удалились отъ сихъ опасныхъ камней. Бригу *Зотику*, чрезъ шуманной сигналъ, дано знать о близкой опасности; но онъ, держась у насъ наѣврѣ, избѣгъ угрожавшаго намъ великаго бѣдствія.

Въ 4 часу шуманъ прочистился, и мы увидѣли всю великоснь опасности, отъ которой избавились. Весь островъ *С. Іоны*, съ окружающими его камнями, открылся очень ясно. Онъ въ окружности имѣетъ около мили и походитъ болѣе на высунувшійся изъ моря большой камень конической фигуры, нежели на островъ, отовсюду утесистъ и неприспугенъ. Къ востоку, въ близкомъ отъ него разстояніи, лежатъ чешыре большіе камня, но между которыми изъ нихъ пронесло насъ теченіемъ за густымъ шуманомъ мы не могли примѣнить. При возрѣніи на сіи спрашныя для мореходцевъ, среди океана воздымающіяся изъ воды громады, воображеніе наше исполнилось гораздо большимъ ужасомъ, нежели каковымъ мы были объяты въ прошедшую роковую ночь: опасность, которой мы внезапно подверглись, столь быспро миновалась сдѣланнымъ въ мгновеніе отворотомъ, что не успѣла въ насъ возродиться и болзнь отъ гибели, неминуемо долженствовала бы вослѣдовать, когда плыишь, казалось, долженъ былъ о первую, во мракѣ сплывшую прямо впереди, скалу удариться и раздробиться. Но обходя оную въ такомъ близкомъ разстояніи, что можно бѣ было на нее соскочить,

вдругъ шлютъ, прикасаясь къ мѣли, сильно при разѣ пошрясся. Признаюсь, что сіе пошрясеніе пошрясло и всю мою душу. Между шѣмъ волны, о скалы ударяющія, раздирая воздухъ, шпратнымъ шумомъ заглушали всякое опдаваемое на шлютъ повелѣніе, и сердце мое замерло съ послѣднею мыслию, что при общемъ кораблекрушеніи погибнушъ и всѣ *Японцы*, чрезъ кораблекрушеніе же намъ Провидѣніемъ посланные, какъ средство къ освобожденію въ неволѣ помѣщающихся нашихъ сослуживцевъ. Кромѣ острова *С. Іоны*, во время прочисшившейся погоды, мы имѣли удовольствіе видѣть бригъ *Зотикъ*, не въ дальномъ отъ насъ разстояніи. Давъ такимъ образомъ намъ ~~осмотрѣться~~, покрылъ насъ по прежнему густой шуманъ и зрѣніе наше за густою оного просширалось вокругъ шокмо на нѣсколько сажень. Послѣ сего опаснаго случая, мы, кромѣ обыкновенныхъ на морѣ препятствій отъ прошивныхъ вѣтровъ, ничего особеннаго любопытства заслуживающаго не встрѣтили. Первую землю мы увидѣли въ шрѣшемъ часу по полудни 12 Августа; она составляла сѣверную часть острова *Уруна*; прошивные вѣтры и шуманы не позволили намъ пройши *Дефризовымъ* проливомъ прежде 15 числа, и шѣже препятствія продержали насъ у береговъ острововъ *Итиурупи*, *Чикотана* и *Кунашира* еще 13 дней, такъ, что мы въ гавань (1) послѣдняго изъ сихъ острововъ не прежде вошли, какъ 28 числа Августа.

(1) Ту самую, въ которой въ прошломъ году несчастные наши шоварицы взяты были *Японцами*, и которую мы называли заливомъ *Излѣны*.

Обозрѣвъ въ гавани всѣ укрѣпленія, и проходя мимо оныхъ не далѣе пушечнаго выстрѣла, замѣтили мы сдѣланную вновь о 14 пушкахъ въ два яруса батарею. Скрывавшіеся въ селеніи *Японцы*, съ самой минушы нашего появленія въ заливѣ, въ насъ не палили и намъ нельзя было усмотрѣть никакого движенія. Все селеніе съ морской стороны завѣшено было полосатою тканью, чрезъ которую только видны были однѣ кровли большихъ казармъ; гребныя ихъ суда всѣ были вспащены на берегъ. По такой наружности имѣли мы причину заключить, что *Японцы* привели себя въ лучшее противу прошлагодняго оборонительное положеніе, почему и остановились мы на якорѣ въ двухъ миляхъ отъ селенія. Выше сказано, что въ числѣ *Японцевъ* былъ на *Діанѣ* одинъ, нѣсколько разумѣвшій *Руской* языкъ, по имени *Леонзаймо*. Онъ вывезенъ за 6 лѣтъ предъ тѣмъ, *Лейтенантомъ Хвостовымъ*. Посредствомъ сего чело-вѣка изготовлено было на *Японскомъ* языкѣ къ главному Начальнику острова крашкое письмо, смыслъ коего извлеченъ былъ изъ доставленной ко мнѣ отъ *Г. Иркутскаго Гражданскаго Губернатора* записки (1).

-
- (1) *Г. Губернаторъ*, объявивъ въ запискѣ своей причины, по которымъ шлюпъ *Діана* приспалъ къ берегамъ *Японскимъ*, и описавъ измѣнническій поступокъ въ захваченіи Капитана *Головина* въ плѣнъ, заключилъ слѣдующимъ:
 „Не смотря на шаковый неожиданный и непріязненный поступокъ, бывъ обязаны исполнить въ точности Высочайшее повелѣніе Великаго Императора нашего, мы возвращаемъ всѣхъ *Японцевъ*, прешерпавшихъ корабли-

При переводѣ сей записки, *Леонзаймо*, на коего я возлагалъ всю надежду, въ усердномъ содѣйствіи въ пользу нашего дѣла, обнаружилъ явнымъ образомъ свое коварство. За нѣсколько дней до прихода нашего въ *Кунаширѣ*, я просилъ его заняться переводомъ; но онъ всегда опизывался, что записка проспираниа и онъ перевести ее не можешь, „Я, говорилъ онъ ломанымъ *Русскимъ* языкомъ, толкуй, что въ мнѣ сказывай и буду писать коротенькое письмо, у насъ шибко мудрено пиши длинное письмо, Японъ манеръ не лю- бишь поклонъ; самый дѣла нада пиши, у насъ Ки- шаецъ все шакое пиши, то пиши, со вѣмъ ума по- теряй.“ Послѣ такой *Японской морали*, надобно мнѣ было согласиться, чтобъ онъ изложилъ хотя одинъ смыслъ. Въ день прибытія нашего въ *Кунаширѣ*, призвавъ его въ каюшу, я спросилъ письмо. Онъ подалъ мнѣ оное на полулистѣ, кругомъ исписанномъ. По свой-

крушеніе у береговъ *Камчатки*, въ ихъ отечество; да послужитъ сіе доказательствомъ, что съ нашей стороны не было и нѣтъ ни малѣйшаго непріязненнаго намѣренія; и мы увѣрены, что взятыя на островъ *Кунаширѣ* въ плѣнъ *Капишанъ-Лейшенанъ Головинъ* съ прочими также будутъ возвращены, какъ люди совершенно невинные и никакого вреда не причинившіе. Но ежели, сверхъ нашего ожиданія, плѣнные наши возвращены теперь же не будутъ, по неимѣнію ли на то разрѣшенія отъ высшаго *Японскаго* Правительства, или по другимъ какимъ причинамъ, то для шребованія оныхъ людей нашихъ, въ будущемъ лѣтѣ придусть вновь корабли наши къ *Японскимъ* берегамъ.“

ству ихъ Гіероглифическаго языка, одною липерою выражашъ цѣлое рѣченіе, оно долженствовало заключашъ въ себѣ подробное описаніе дѣлъ, казавшихся ему важными для сообщенія своему Правительству, слѣдовательно для насъ весьма невыгодныхъ. Я пошчасъ сказалъ ему, что оно очень велико для одного нашего предмета, и что вѣрно имъ много прибавлено своего; я потребовалъ, чтобы онъ прочиталъ его мнѣ, какъ можешъ, по *Руски*. Нимало не оскорбившись, онъ объяснилъ, что пишу при письма: одно крашкое объ нашемъ дѣлѣ, другое о кораблекрушеніи въ *Камгатакѣ Японцевъ*; преріе о его собственныхъ въ *Россіи* испытанныхъ несчастіяхъ. На сіе объявилъ я ему, что теперь нужно послать одну только нашу записку, а другія письма можно оставить до будущаго случая. Если же онъ непременно нынѣ свои письма послать желаетъ то, чтобы онъ оставилъ мнѣ съ оныхъ копіи. Онъ пошчасъ переписалъ безъ всякой оговорки отдѣленіе короткой нашей записки; на другихъ же остановился, сказывая, что *шибко мудрено переписывать*. — „Какъ можешъ бытъ мудрено, когда ты самъ писалъ?“ — Онъ опѣчалъ, разсердившись: „нѣтъ, я лучше это изломаю!“ и съ этимъ словомъ схватилъ перочинной ножъ, опрѣзалъ ту часть листа, на кошорой написаны были два письма, положилъ его въ ротъ и съ коварнымъ и мстительнымъ видомъ, началъ жевать и при мнѣ въ нѣсколько секундъ проглотилъ. Что въ нихъ заключалось, остаешся для насъ тайною. И сему хитрому, по видимому злобному *Японцу*, необходимость заставляла меня себя

увѣришь! Нужно мнѣ было только увѣриться, дѣйстви-
тельно ли на оставшемся лоскуткѣ описывается наше
дѣло. Въ продолженіе похода почасту занимаясь съ
нимъ разговорами о разныхъ предметахъ касательно
Японіи, записывалъ я нѣкоторыя переводы словъ съ
Рускаго на *Японской* языкъ, и любопытствовалъ знать
безъ всякаго повода намѣренія, какъ пишущія по *Япон-
ски* нѣкоторыя приходившія мнѣ на умъ *Рускія* фами-
ліи, въ томъ числѣ имя всегда присутствовавшего въ моей
памяти несчастнаго *Василья Михайловича Головнина*.
Я просилъ его показати мнѣ то мѣсто на запискѣ, гдѣ
написана фамилія *Г. Головнина*, и сравнивъ послѣ на-
черпаніе переръ, съ прежде имъ написанными, совер-
шенно удостовѣрился, что дѣло идетъ объ немъ. Сие
письмо поручилъ я одному изъ нашихъ *Японцевъ*, доста-
вить лично Начальнику острова; мы высадили его на бе-
регъ противу того мѣста, гдѣ стояли на якорѣ.
Японецъ вскорѣ встрѣченъ былъ *мохнатыми Куриль-
цами*, кои, надобно думать, надзирали за всѣми наши-
ми движеніями, спрятавшись въ высокой и густой тра-
вѣ. Нашъ *Японецъ* вмѣстѣ съ ними пошелъ къ селенію,
и лишь только приблизился къ ворошамъ, какъ съ ба-
шарей начали палить изъ пушекъ ядрами прямо въ за-
ливъ; это были первые выстрѣлы со времени нашего
прибытія. Я спросилъ у *Асонзайма*, для чего палить,
когда видяшь, что одинъ только человекъ, съѣхавшій
съ *Рускаго* корабля, смѣлыми шагами идетъ къ селенію?
Онъ отвѣчалъ: „въ *Японіи* все такъ, такой законъ; не
убей человека, а палить надо.“ Сей непонятный по-

ступокъ *Японцевъ* вовсе починъ испребилъ во мнѣ породившуюся было ушѣшительную мысль о возможности вести съ ними переговоры. Сперва мы, обозрѣвая заливъ, подходили близко къ селенію и они по насъ не палили; но сдѣланный нашему *парламентеру* приемъ отвергнулъ меня опять въ опчаяніе; ибо настоящую причину сихъ выстрѣловъ постигнуть было трудно: на шлюпѣ не было производимо никакихъ движеній, и нашъ кашеръ, отвозившій *Японца* на берегъ, находился уже при шлюпѣ. У воротъ окружила нашего *Японца* толпа людей, и мы скоро потеряли его изъ виду. Три дни прошло въ тщетномъ ожиданіи его возвращенія.

Во все сіе время наше занятіе состояло въ томъ, что мы съ утра до вечера смотрѣли на берегъ въ зрительныя трубы, такъ что всѣ предметы до малѣйшей пычинки, отъ мѣста, куда мы высадили своего *Японца* до самаго селенія, совершенно намъ примелькались. Не взирая однакожь на сіе, нерѣдко воображенію нашему казались они движущимися, и обманутый такимъ призракомъ съ воспоргомъ восклицалъ: идетъ нашъ *Японецъ*! Иногда же долгое время мы всѣ пребывали въ заблужденіи; сіе случалось во время восхожденія солнца при густомъ воздухѣ, когда отъ преломленія лучей всѣ предметы чрезвычайно въ странномъ видѣ увеличиваются, намъ представлялись по берегу бродящія съ распушенными крыльями вороны *Японцами* въ широкихъ ихъ халашахъ. Самъ *Леонзаймо* нѣсколько часовъ сряду не выпускалъ изъ рукъ трубы и казался сильно въпре-
воженнымъ, видя, что никто не появлялся изъ се-

ленія, которое, какъ будшо превратилось для насъ въ закрышый гробъ.

При наступленіи ночи мы всегда содержали пѣлютъ въ боевомъ порядкѣ. Глубокая тишина нарушаема только была огнелосками сигналовъ нашихъ часовыхъ, которые, распространяясь по всему заливу, предвѣстили скрытыхъ враговъ нашихъ, что мы не дремлемъ. Имѣя нужду въ водѣ, я приказалъ послать къ рѣчкѣ гребныя суда съ вооруженными людьми для наливанія бочекъ водою, и въ то же время посадилъ на берегъ другого *Японца*, чтобы онъ извѣстилъ Начальника, для чего съ *Россійскаго* корабля поѣхали суда къ берегу. Я желалъ, чтобы *Леонзаймъ* написалъ крашкую о томъ записку, но онъ отказался, говоря: „когда на первое письмо не сдѣлано никакого отвѣта, то я опасюсь по нашимъ законамъ болѣе писать;“ а совѣтовалъ мнѣ послать на *Рускомъ* языкѣ записку, которую могъ перешолковать отправляемый *Японецъ*; что мною и было сдѣлано. Черезъ нѣсколько часовъ сей *Японецъ* возвратился и объявилъ, что онъ былъ представленъ Начальнику, и отдавалъ ему мою записку, но онъ ея не принималъ; тогда нашъ *Японецъ* пересказалъ ему на словахъ, что съ *Россійскаго* корабля съѣхали люди на берегъ наливаться у рѣчки водою, на что Начальникъ отвѣчалъ: „хорошо, пускай берутъ воду, а ты спускайся назадъ!“ и болѣе не сказавъ ни слова, ушелъ. Нашъ *Японецъ*, хотя и оставался нѣсколько времени въ кругу *мохнатыхъ Курильцовъ*, но по незнанію *Курильскаго* языка, не могъ ничего отъ нихъ узнать. *Японцы* же,

стоявшіе, какъ онѣ намѣ рассказывалъ, въ отдаленности, не смѣли къ нему приближаться, и наконецъ *Курильцы* почти насильно проводили его за ворота. По своему просподушію *Японецъ* признался мнѣ, чѣмъ имѣлъ желаніе оспаться на берегу, и просилъ Начальника со слезами, позволишь ему хотя одну ночь побыть въ селеніи, но ему съ гнѣвомъ было въ томъ отказано. Изъ шаковыхъ поступковъ съ нашимъ бѣднымъ *Японцемъ* мы заключили, что и первого приняли не лучше, но онѣ, вѣроятно, опасаясь, по свойственной *Японцамъ* недоверчивости, возвратившись на шлюпъ безъ всякихъ свѣденій объ участи нашихъ плѣнныхъ, скрылся въ горахъ, или, можетъ быть, пробрался къ другому какому нибудь на островѣ селенію. Желая запасшись водою въ одинъ день, приказалъ я въ 4 часа по полудни послать остальныхъ порожнія бочки на берегъ. *Японцы*, присматривавшіе за всѣми нашими движеніями, когда уже гребныя наши суда спали подъѣзжать къ берегу, начали съ бапарей палишь изъ пушекъ холосшими зарядами. Избѣгая всякаго дѣйствія, могущаго казаться имъ непріятнымъ, я тотчасъ приказалъ сдѣлать сигналъ, чтобы всѣ гребныя суда возвратились къ шлюпу. *Японцы*, примѣшивъ сіе, палишь перестали. Въ продолженіе семидневнаго нашего въ заливѣ *Излибны* пребыванія, мы ясно видѣли, что *Японцы* во всѣхъ своихъ поступкахъ показывали величайшую къ намѣ недоверчивость, и Начальникъ острова, по собственному ли произволу, или по предписанію вышняго Начальства, вовсе отказался имѣть съ нами

сношенія. И такъ мы были въ величайшемъ недоумѣ-
 ній, какими бы средствами провѣдать объ участи на-
 шихъ плѣнныхъ. Прошлаго лѣта оставлены были въ
 рыбацкомъ селеніи вещи, принадлежавшія симъ неща-
 снымъ; мы желали удостовѣриться, взяты ли оныя
Японцами. Для сего приказалъ я Командиру брига *Зо-
 тика*, *Лейтенанту Филатову*, вступивъ подъ паруса
 и ивши къ тому селенію съ вооруженными людьми для
 осмотра оставленныхъ вещей. Когда бригъ подходилъ къ
 берегу, съ башарей палили изъ пушекъ; но по дально-
 сти разстоянія, опасаться было нѣчего. Черезъ нѣ-
 сколько часовъ *Лейтенантъ Филатовъ*, исполнивъ по-
 рученное дѣло, мнѣ донесъ, что ничего изъ вещей, при-
 надлежащихъ плѣннымъ, въ домѣ не нашелъ. Сіе пока-
 залось намъ хорошимъ признакомъ, и мысль о томъ,
 что наши соотечественники живы, всѣхъ насъ ободря-
 ла. На другой день я опять послалъ на берегъ *Японца*
 увѣдомить Начальника, для какой надобности ходилъ
Зотикъ къ рыбацкому селенію; съ нимъ же послана
 была краткая на *Японскомъ* языкѣ записка. Мнѣ стои-
 ло величайшаго труда убѣдить *Леонзайма* написать
 ее. Въ ней заключалось предложеніе, чтобы Начальникъ
 острова выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу для переговоровъ. Въ
 той же запискѣ желалъ я еще обстоятельнѣе описатьъ,
 съ какимъ намѣреніемъ ѣздила наша шлюпка въ рыбац-
 кое селеніе, но несносный *Леонзаймо* оставался не-
 преклоннымъ. Посланный *Японецъ* возвратился къ намъ
 на другой день рано утромъ, и чрезъ *Леонзайма* мы
 отъ него узнали, что Начальникъ принялъ записку, но

не давъ опѣ себя никакого письменнаго отвѣща, вѣдѣлъ только сказать: „хорошо, пускай *Руской* Капитанъ придетъ въ городъ для переговоровъ.“ Такой опъзывъ былъ поже, что и опказъ, и поному съ моей спороны согласиться на сіе приглашеніе было бы безразсудно. Опносительно же извѣщенія, зачѣмъ выходили наши люди на берегъ въ рыбацкое селеніе, Начальникъ отвѣчалъ: „какія вещи? Ихъ тогда же возвратили назадъ.“ Двусмысленной сей опвѣщъ разстроилъ утѣшительную мысль о существованіи нашихъ плѣнныхъ. *Японца* нашего также приняли, какъ и прежняго: не пустили его ночевать въ селеніи, и онъ провелъ ночь въ справѣ прошивъ нашего шкуна. Продолжая поль неудовлетворительные переговоры посредствомъ нашихъ *Японцевъ*, незнающихъ *Рускаго* языка, оказалось вовсе бесполезнымъ; на посылаемые опъ насъ на *Японскои* языкѣ въ разные времена письма, опъ Начальника не получили мы ни одного письменнаго отвѣща: и шакъ, по видимому, ничего болѣе не оставалось намъ дѣлать, какъ опять удалиться опъ здѣшнихъ береговъ съ мучительнымъ чувствомъ неизвѣстности. *Японца* *Леонзайма*, знающаго *Руской* языкъ, опправилъ на берегъ для переговоровъ съ Начальникомъ острова, я не рѣшался безъ крайней необходимости, опасаясь, что ежели онъ будетъ задержанъ на острову, или самъ не захочетъ возвратиться опшуда, то мы потеряемъ въ немъ единственнаго переводчика, и поному я вознамѣрился напередъ употребить слѣдующій способъ. Я призналъ возможнымъ и правильнымъ,

не нарушая мирнаго нашего къ *Японцамъ* расположенія, пристаешь нечаяннымъ образомъ къ одному изъ *Японскихъ* судовъ, проходящихъ по проливу, и безъ употребленія оружія, схвативъ главнаго *Японца*, отъ коего можно было бы получить точное извѣстіе объ участи нашихъ плѣнныхъ, и чрезъ то освободишь себя, офицеровъ и команду отъ тягостнаго бездѣйственнаго положенія, и избавишься вшораго къ острову *Кунаширу* прихода, нисколько необѣщавшаго лучшихъ успѣховъ въ предпріятіи; ибо опытъ совершенно увѣрилъ насъ, что всѣ мѣры къ достиженію желаемаго конца были бесполезны. Къ несчастію въ продолженіе 3 дней ни одно судно не появлялось въ проливѣ, и мы думали, что ихъ судоходство, по причинѣ осенняго времени, прекратилось. Оставалась теперь послѣдняя неиспытанная надежда на *Леонзайма*, то есть, отправишь его на берегъ для полученія возможныхъ свѣдѣній, а дабы извѣдать расположеніе его мыслей, я прежде объявилъ, чтобы онъ написалъ письмо въ свой домъ, ибо шлюкъ завтра пойдетъ въ море. Тогда онъ весь въ лицѣ измѣнился, и съ примѣнною принужденностію поблагодаривъ меня за увѣдомленіе, сказалъ: „хорошо! я напишу, только чтобы меня домой болѣе не дожидались;“ и пошомъ продолжалъ говорить съ жаромъ: „самаго меня хоть убей, больше я не пойду въ море, мнѣ уже ничего теперь не остается, какъ умереть между *Русскими*.“ Съ такими мыслями человекъ не могъ для насъ быть ни въ какомъ случаѣ полезнымъ; ожесточенія его чувствованій нельзя было не признавать спра-

ведливѣмъ, вѣдая шестилѣтнее его въ *Россіи* спраданіе, и я даже опасался, чтобъ онъ, лишась надежды возвратиться въ свое отечество, не покусился, въ минуточку опчаянія, на жизнь свою, и потому долженъ былъ рѣшиться опшустить его на берегъ, дабы онъ, зная подробно всѣ обстоятельства несчастнаго съ нами происшествія, представилъ Начальнику въ наспоющемъ видѣ шеперешній нашъ приходъ, и преклонилъ его вступиться съ нами въ переговоры. Когда я объявилъ о семъ *Леонзаймъ*, то онъ поклялся непременно возвратиться, какія бы ни получили свѣденія, естли только Начальникъ силою его не задержитъ. Для такого сбыточного случая, я взялъ слѣдующую оспорожностъ: вмѣстѣ съ *Леонзаймомъ* я опсправилъ другаго *Японца*, бывшаго уже одинъ разъ въ селеніи, и снабдилъ перваго 3 билетами: на 1 написано было: „Капитанъ Головининъ съ прочими находишься на *Кунаширѣ*.“ На 2, „Капитанъ Головининъ съ прочими опшезенъ въ городъ *Матсмай, Нангасаки, Еддо*.“ На 3, „Капитанъ Головининъ съ прочими убитъ.“ Опдавая сіи билеты *Леонзайму*, я просилъ его, ежели Начальникъ не позволитъ ему къ намъ возвратиться, опдать соопшвѣстивующій полученнымъ свѣденіямъ билетъ, съ опмѣткою города, или другаго примѣчанія, сопровождающему его *Японцу*.

Сентября 4 высажены они были на берегъ; на другой день, ко всеобщей радости, увидѣли мы обоихъ ихъ возвращающихся изъ селенія, и опшчасъ послана была опъ насъ за ними шлюпка. Мы ласкались надеждою, что *Леонзаймо* доставитъ намъ наконецъ удовлетво-

ришельное свѣденіе. Не упуская ихъ изъ глазъ, въ зрительныя трубы усмотрѣли мы, что другой *Японецъ* поворошилъ въ сторону и скрылся въ густой травѣ, а на посланной шлюпкѣ пріѣхалъ къ намъ одинъ *Леонзаймо*. На вопросъ мой, куда ушелъ другой *Японецъ*, отвѣчалъ онъ, что того не знаешь. Между тѣмъ всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали услышать привезенныя имъ вѣсти; но онъ изъявилъ желаніе сообщить мнѣ ихъ въ каютѣ, гдѣ при Лейтенантѣ *Рудаковѣ* началъ пересказывать, съ какою трудностію былъ онъ допущенъ къ Начальнику, который будто бы, не давъ ему ничего выговорить, спросилъ: „для чего Капитанъ корабля не пріѣхалъ на берегъ держа въ совѣстѣ?“ *Леонзаймо* отвѣчалъ: „не знаю, а меня теперь онъ прислалъ къ вамъ спросить у васъ, гдѣ Капитанъ *Головинъ* съ прочими плавными?“ Между страхомъ и надеждою ожидали мы сдѣланнаго ему на сей вопросъ Начальникомъ отвѣта; но *Леонзаймо*, запинаясь, началъ освѣдомляться, не поступлю ли я съ нимъ худо, если онъ будетъ говорить правду; и получивъ отъ меня увѣреніе о противномъ, объявилъ намъ ужасную вѣсть въ слѣдующихъ словахъ: „Капитанъ *Головинъ* и всѣ прочіе убиты!“ Такое извѣстіе, поразившее всѣхъ насъ глубокою печалію, произвело надъ каждымъ по естественное чувствованіе, что мы не могли долѣе взирать равнодушно на берегъ, гдѣ пролила кровь нашихъ друзей. Не имѣя отъ Начальства никакого предписанія, какъ поступить въ такомъ случаѣ, признавалъ я законнымъ произвестъ надъ злодѣями возможное по силамъ нашимъ, и,

какъ мнѣ казалось, справедливое мщеніе, бывъ твердо увѣренъ, что наше Правительство не оставитъ безъ вниманія шакого со стороны *Японцевъ* злодѣйскаго поступка. Мнѣ надлежало только имѣть вѣрнѣйшее доказательство, нежели одни слова *Леонзайма*. Для сего я послалъ опять его на берегъ, чтобы онъ испросилъ у *Японскаго Начальника* письменное тому подтвержденіе. Присемъ *Леонзайму* и оставшимся членамъ *Японскимъ* мажорамъ обѣщано было совершенное освобожденіе, когда мы рѣшимся дѣйствовать неприязнелски. Между тѣмъ приказалъ я на обоихъ судахъ быть въ готовности къ нападенію на *Японское селеніе*.

Леонзаймо хотѣлъ въ тотъ же день возвратиться, но мы его не видали. Въ слѣдующій день онъ также изъ селенія не показывался; дожидаться долѣе его возвращенія было совсѣмъ безнадежно. Дабы удостовериться въ ужасной истинѣ о смерти нашихъ плѣнныхъ, копорая невозвращеніемъ *Леонзайма* содѣлалась, къ великому нашему утѣшенію, сомнительною, я принялъ уже швердое намѣреніе, не оставляя залива, пока не представится удобный случай захватить настоящаго *Японца* съ берегу, или съ какого нибудь судна, чтобы вывѣдать сущую правду, живы ли наши плѣнные.

6 Сентября поутру увидѣли мы идущую *Японскую* байдару. Я послалъ на двухъ гребныхъ судахъ *Лейптенанта Рудакова* завладѣть оною, назначивъ подъ его команду двухъ офицеровъ *Гг. Средняго и Савельева*,

вызвавшихся добровольно къ сему первому непріятельскому дѣйствию. Посланный ошрядъ нашъ вскорѣ возвратился съ байдарою, которою онъ овладѣлъ подлѣ самаго берега. Бывшіе на ней *Японцы* разбѣжались, а покломо два изъ нихъ и одинъ *мохнатый Курилецъ* пойманы были Г. *Савельевымъ* на берегу въ густомъ шпротникѣ, онъ кошорыхъ однакожь мы не могли получить никакихъ свѣдѣній касательно нашихъ плѣнныхъ: когда я начиналъ съ ними говорить, они пошчасъ падали наколѣна и на всѣ мои вопросы ошвѣчали съ шипѣніемъ *хе, хе!* Никакія ласки не могли ихъ сдѣлать *словесными животными*. Боже мой! подумалъ я, какимъ чудеснымъ образомъ возможно намъ будешъ вслушншь когда нибудь въ объясненія съ симъ непосшижимымъ народомъ.

На другой день пошпру усмошрѣли мы идущее съ моря прямо въ заливъ подлѣ прошивулежащаго ошъ нашь берега. большое *Японское* судно, на встрѣчу коему послалъ я гребныя наши суда съ вооруженными людьми, подѣ командою Лейшенанша *Филатова*, съ спрогимъ однакожь предписаніемъ не упошреблять оружія, а одною только оспрасшкою спарашься оспановишь судно, и привести на шлюпъ Начальника онаго. Чрезъ нѣсколько часовъ усмошрѣли мы, что наши шлюпки приспали къ *Японскому* судну безъ всякаго видимаго спрошивленія и спали буксировать оное къ мѣсту, гдѣ мы спояли на якорѣ. Лейшенаншъ *Филатовъ*, прибывши на шлюпъ, донесъ мнѣ, что приближаясь со шлюпками къ *Японскому* судну, увидѣлъ онъ на немъ

множество людей, казавшихся вооруженными; и какъ судно на дѣлаемые знаки не опускало парусовъ, то онъ принужденнымъ нашелся, выпалить изъ нѣсколькихъ ружей на воздухъ. Тогда *Японцы* опустили потчасъ парусъ, и, по весьма близкому онъ берега разстоянію, нѣкошорые изъ нихъ бросились въ воду и пустились вплавъ къ берегу: случившееся вблизи нашихъ шлюпокъ были гребцами перехвачены, прочіе же выплыли на берегъ или потонули; на суднѣ всѣхъ *Японцевъ* было 60 человекъ. Вскорѣ привезенъ былъ на шлюпъ Начальникъ судна: богатое его шелковое плащье и сабля съ другими знаками; показывали, что онъ долженъ быть человекъ значащій; я потчасъ позвалъ его къ себѣ въ каюшу; онъ, сдѣлавъ мнѣ по своему обыкновенію униженное привѣтствіе, по приглашенію моему съ спокойнымъ и веселымъ видомъ сѣлъ на стулъ. Я началъ выученными онъ *Леонзайма Японскими* словами составлать ему вопросы, и узналъ, что онъ называется *Такатай - Кахи*, и по *Японски* имѣетъ званіе *Синдофнамогъ*, т. е. Начальникъ и хозяинъ нѣсколькихъ судовъ; по его объявленію, у него было ихъ десять. Съ своимъ же судномъ шелъ онъ съ острова *Иту-рупа* въ гавань *Хакодаде* на островъ *Матсуба*; грузъ его состоялъ въ сушеной рыбѣ, и противный вѣтръ заставилъ его спуститься въ *Кунаширской* заливъ. Дабы могъ онъ поскорѣе выразумѣть, какое было наше судно, и для чего пришли мы къ *Кунаширу*, я далъ ему прочитать оставленный списокъ съ *Японскаго* письма, писаннаго *Леонзаймомъ* къ Начальнику остро-

ТАКАТАИ-КАХИ.

"Во всякой землѣ есть свои обыкновеніе,
но прямо добрыя дѣлаи вездѣ таковыя
считаются)."

Слова Мансшійскаго Губернатора
или Замѣстника Китайскаго Полковника
Чистъ в 2^м стр. 183.

ва. Прочитавъ письмо, сказалъ онъ вдругъ: „Капитанъ *Муръ* и 5 человекъ *Русскихъ* находясь въ городѣ *Матсмаъ*.“ Потомъ началъ пояснять, въ кошоромъ мѣсяцѣ они были вывезены изъ *Кунашира*, и чрезъ какіе города ихъ вели; исчислялъ, въ какомъ мѣсцѣ сколько времени они проживали, и даже описывалъ ростъ и другіе ошличительные признаки *Г. Мура*; одно только обстоятельство не допускало насъ предаться съ полною довѣренностію овладѣвшему нами чувству радости, что онъ ничего не упоминалъ о *Г. Головинѣ*. Весьма естественнo, что самое положеніе попавшагося къ намъ въ руки Начальника *Японскаго* судна заставляло его говорить, что наши плѣнные живы, но какъ онъ могъ внезапно въ одну минушу выдумать сіи подробности? Съ другой стороны трудно было покаять и пошлупокъ *Леонзайма*: что могло его понудить сказать намъ такую прискорбную для насъ ложь? Развѣ непогасшая еще въ душѣ его искра мщенія къ *Рускимъ* за причиненныя отъ *Хвостова* на *Японскихъ* берегахъ насилія? Ибо, еслили бѣ онъ опасался объявить, что наши плѣнные живы, для того только, чтобъ его самого послѣ на шлюпѣ не задержали, то онъ могъ бы отъ сего освободиться еще въ первый день, приславъ съ сопровождавшимъ его *Японцемъ* роковой билетъ, а самъ остался бы на берегу. Впрочемъ можетъ быть, злобный Начальникъ острова и дѣйствительно далъ *Леонзайму* такой отвѣтъ, что всѣ наши плѣнные убиты, и уже невозвращеніе *Леонзайма* должно было пог-

да приписать одной его боязни нашихъ людей, озлобленныхъ извѣщеніемъ о смерти ихъ соотечественниковъ.

Изъ всѣхъ сихъ соображеній хопя ничего извѣстнаго не предсавлялось, однако съ большимъ правдоподобіемъ заключаешь надлежало, что всѣ наши плѣнные дѣйствительно живы, и попому я не смѣлъ уже, при такихъ щасливо перемѣнившихся обстоятельствахъ, помышлять о прошивныхъ чувствованіяхъ моимъ распоряженіяхъ, ш. е. о произведеніи надъ селеніемъ мщенія; по команда, въспревоженная первымъ извѣщеніемъ о смерти любимаго своего Начальника, также офицеровъ и своихъ соповарищей, не могла оспашься въ покоѣ. Нѣкоторые изъ нихъ объявили вахтенному офицеру, что въ Начальникѣ *Японскаго* судна признають они того самаго Чиновника, который былъ на островѣ *Итурупъ*, гдѣ мы имѣли прошлаго лѣта первое съ *Японцами* свиданіе, куда ѣздили Гг. *Муръ* и *Новицкій*; да и сей послѣдній подтвердилъ, что находить въ немъ великое сходство съ видѣннымъ имъ на островѣ *Итурупъ* Чиновникомъ, и помнитъ весьма хорошо, что имя *Мюра Японскій* Чиновникомъ было записано; слѣдовательно, говорили служители, явившіеся всѣ по моему приказанію на шканцы, „не удивительно ему знашь Г. *Мюра*, о коемъ онъ безпреспанно твердитъ, не упоминая ни слова о нашемъ Начальникѣ *Васильѣ Михайловичѣ*; наши плѣнные вѣрно убиты, и мы всѣ единодушно готовы пролить за нихъ нашу кровь, естли угодно вамъ будешь произвестъ надъ злодѣями мщеніе.“ — Хопя я внушренно и одобрялъ привержен-

ность ихъ къ несчастному нашему Начальнику, но объявилъ имъ, что мы имѣемъ теперь болѣе вѣроятныхъ причинъ думать, что наши плѣнные живы, нежели воображаясь проливное, а сверхъ того, естли вышнее Начальство совершенно увѣрилося въ истинѣ произведеннаго злодѣянiя надъ нашими плѣнными, то безъ сомнѣнiя не упустишь доставить намъ случай на самомъ дѣлѣ оказать каждому свое усердiе.

Съ сей минушы, рѣшась прекратить непрiятельскiя дѣйствiя, я положилъ, взявъ съ собою сего Провидѣнiемъ посланнаго намъ Японскаго Начальника (1) *Таката-Кахи*, идти въ *Камгатку* для зимованiя, надѣясь развѣдашь у него основательнѣе объ участи нашихъ плѣнныхъ и о намѣренiи Японскаго Правительсва. Онъ мнѣ показался не изъ числа тѣхъ Японцевъ, кошорые у насъ бывали, но высшаго состоянiя, слѣдовательно и могъ быть болѣе свѣдуещъ въ дѣлахъ своей земли, а потому я объявилъ ему, чтообъ онъ приготовился слѣдовать съ нами въ *Россiю*, и объяснилъ причины, побуждающiя меня такъ поступить. Онъ весьма хорошо меня выразумѣлъ, и нѣсколько разъ перебивая мои слова, когда я упоминалъ, что Капшанъ *Головинъ*, *Муръ* и прочiе по объявленiю Начальника

(1) Послѣ мы узнали, что онъ былъ очень богатой и почтенной купецъ; но какъ во время его плѣненiя начальствовалъ онъ своими судами и имѣлъ по Японскимъ законамъ, нѣкоторыя права наравнѣ съ Чиновниками, то мы и звали его начальникомъ и въ семъ повѣстствованiи я иногда такъ его называю.

оспрова, всѣ убишы, ошвѣчалъ мнѣ: „неправда, Капитанъ *Муръ* и 5 человекъ *Русскихъ* живы, здоровы и содержатся хорошо въ городѣ *Матслабъ*; они пользуются свободою ходишь по городу за присмотромъ только двухъ Чиновниковъ.“ На сдѣланное же ему предложеніе, слѣдовать съ нами въ *Россію*, съ удивительнымъ спокойствіемъ духа ошвѣчалъ онъ: „хорошо, я готовъ!“ просилъ только, чтобы его въ *Россіи* не разлучали со мною, въ чемъ я его и увѣрилъ, а равно и въ томъ, что въ слѣдующее лѣто будешь онъ возвращенъ въ свое отечество. Тогда онъ совершенно примирился съ неожиданною своею участью, а какъ оставшіеся на шлюпѣ чепыре *Японца*, незнавшіе ни слова по *Руски*, не могли бытъ для насъ полезны, и припомъ одержимы были цынготною болѣзнію, то я, опасаясь впорочнымъ зимованіемъ въ *Камгаткѣ* подвергнутъ жизнь ихъ опасности, призналъ справедливымъ доставить имъ тоже щастіе, которымъ воспользовались ушедшіе ихъ товарищи. Снабдя всѣмъ нужнымъ, высадиъ я ихъ на берегъ. Они, какъ я думалъ, по своему простодушію сохраняютъ чувствіе благодарности за оказанныя имъ нами благодѣянія, и распространяютъ между своими соотечественниками лучшее о *Русскихъ* мнѣніе, нежели каковое имѣли они прежде.

На мѣсто опущенныхъ четверыхъ *Японцевъ*, я вознамѣрился взять такое же число съ *Японскаго* судна, подъ тѣмъ видомъ, яко бы они нужны для услугъ моему Начальнику и предложилъ ему, чтобы онъ приказалъ, кого ему будешь угодно, выбрать изъ своихъ

матрозовъ себѣ для услугъ, и выбраннымъ перебраться на шлюпъ, но онъ, вмѣсто согласія, упрашивалъ меня не брать матрозовъ, говоря, что они глупы, чрезвычайно бояшся *Русскихъ* и будущъ много сокрушаться. Усильныя его прозъбы немного поколебали меня въ прежней увѣренности о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ городѣ *Матслабъ*, и пошому я рѣшительно сказалъ ему, что мнѣ должно взятьъ чешырехъ человекъ съ его судна. Тогда онъ просилъ уже меня только о томъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ съѣздилъ на его судно. По прибытіи нашемъ на оное, собралъ онъ всю свою команду къ себѣ въ каюту, сѣлъ, поджавши ноги, на посланную на простомъ чистомъ матѣ длинную подушку, пригласивъ и меня сѣсть подлѣ себя. Матрозы стояли всѣ передъ нами на колынахъ. Онъ говорилъ имъ длинную, предварительную рѣчь, изъясняя, что нѣкоторые изъ нихъ должны слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ на *Россійскомъ* кораблѣ въ *Россію*. Тутъ открылось самое чувствительное явленіе; многіе изъ матрозовъ приблизились къ Начальнику съ поникшими головами, что то шептали ему съ примѣннымъ душевнымъ усиленіемъ; и у всѣхъ почти появились на глазахъ слезы; самъ онъ, доселѣ сохранявши спокойствіе и твердость духа, прослезился; и я былъ въ нерѣшимости, произвеша ли мое намѣреніе въ дѣйствіе; необходимость однакожъ требовала исполнить оное, дабы послѣ отъ каждаго порознь опобратъ подтвержденіе о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ *Матслабъ*. Къ немалому моему утѣшенію я не имѣлъ при-

чины раскаяваться въ послѣдствіи; ибо *Японскій* Начальникъ, по своему состоянію привыкшій къ особенному роду жизни и изнѣженный *Азіатскою* роскошью, подвергся бы великому безпокойству и нуждѣ безъ своихъ *Японцевъ*: двое изъ нихъ послѣ безтоплатно при немъ находились поочереді. Попомъ просилъ я Начальника, выразумѣвшаго, для чего я беру его съ собою въ *Россію*, и какія за нѣсколько дней до его прихода сообщены были намъ чрезъ *Леонзайма* отъ Начальника острова извѣстія объ участіи соопечественниковъ нашихъ, описавъ къ нему обо всемъ съ возможною подробностію. Онъ при мнѣ же изготовилъ весьма длинное письмо, разспрося у меня подробно объ упомянутыхъ выше обстоятельствѣхъ, также о имени нашего судна, о времени прихода въ *Кунаширъ*, и кто таковъ *Леонзаймо* и проч:

Послѣ сего *Такатай - Кахи* съ избранными мапрозами своими началъ къ намъ перебираться, какъ будто на собственной своей корабль, а не съ видомъ плѣнника, отправляемого въ дальнюю страну. Всѣ возможные способы употреблены были нами, чтобъ удостоверитъ *Японцевъ*, что мы не считаемъ ихъ за враждующій, но за миролюбивый народъ, съ которымъ доброе согласіе прервана токмо нѣкоторыми неблагопріятными обстоятельствоми. Въ сей же день по приглашенію моему, съ помянушаго судна пріѣзжала къ намъ *Японская* женщина, неразлучная спутница *Такатай-Кахи* въ его плаваніяхъ отъ города *Хакодаде*, гдѣ его жилишьво, до *Итурупа*. весьма любопытно было видѣть

ей шляпъ нашъ и иностранныхъ людей, а болѣе, ласки непріятелей своихъ, каковыми они насъ полагали, и дружеское обращеніе наше съ ними. Не меньше и для насъ было любопытно видѣть *Японскую* женщину. По пріѣздѣ ея на шляпъ примѣтно было, что она очень оробѣла: я тотчасъ просилъ *Кахи* ввести ее ко мнѣ въ каюшу, и самъ взялъ ее за другую руку; у дверей она хотѣла было, по *Японскому* обычаю, скинуть соломенные свои башмаки; но какъ у меня въ каюшѣ не было ни ковровъ, ни матовъ, то я знаками далъ ей разумѣть, что такая спранныя для насъ учтивость можешь быть оставлена. Войдя въ каюшу, она положила обѣ руки на голову ладонями вверхъ и низко намъ поклонилась; я подвелъ ее къ кресламъ, а *Кахи* указалъ ей, что надобно въ нихъ сѣсть. Для такой неожиданной посѣщенницы къ счастью случилась у насъ на фрегатѣ молодая, довольно пригожая женщина, жена нашего младшаго лекаря. *Японка*, увидѣвши ее, казалась много ободренною и сдѣлалась веселою, и онѣ тотчасъ познакомились. Привѣщивая наша *Россіянка* старалась ее занять тѣмъ, что всѣмъ почти женщинамъ нравилося: показываніемъ своихъ нарядовъ. *Японка*, по видимому была большая модница, разсматривала все съ великимъ любопытствомъ; нѣкошорыя одѣянія на себя надѣвала и изъясляла свое удивленіе пріятною улыбкою; но болѣе всего она казалась пораженною бѣлизною нашей *Россіянки*, прикасалась руками къ ея лицу, какъ будто подозрѣвая, не искусственный ли у ней цвѣтъ и улыбаясь ча-

сто повторяла: *ідой, ідой*, т. е. *хороша! хороша!* Замѣтивъ, что Японка любитъся новымъ нарядомъ, я, чтобы угодить ей, поднесъ зеркало, какъ вдругъ взоры ея поразились противоположностію ея лица со цвѣшомъ позади ея, какъ будто нарочно стоявшей нашей бѣлой *Россіанки*. Она съ искреннимъ добродушіемъ опшалакивая зеркало руками, говорила: *варій, варій*, т. е. *не хороша! не хороша*. Напрошивъ она довольно пріятная женщина, лице у нее было смуглое и нѣсколько продолговатое съ правильными чертами, ротъ маленькой со свѣщающимися подъ чернымъ лакомъ ровными чистыми зубами; брови узенькія, черныя, гладкія, какъ будто кистью проведенныя, лоснились надъ такого же цвѣша пламенными безъ впадинъ глазами; волосы самые черные, въ видѣ шюрбана причесанные, безъ всякаго головного украшенія, кромѣ черепаховыхъ воскнупыхъ гребенокъ. Роста она средняго, собою тонка и довольно стройна. Одѣяніе ея состояло изъ 6 шелковыхъ, на самой тонкой ватѣ, похожихъ на наши халаты, широкихъ плащей; каждое было подпоясано особымъ кушакомъ очень низко. Ошия пояса къ низу плаще было въ обшажку; каждое особливаго цвѣша, а верхнее было черное. Разговоръ ея былъ протяженъ, голосъ томный; все вмѣстѣ съ выразительною физиогномією производило пріятное впечатлѣніе; ошъ роду по видимому она не могла имѣть болѣе 18 лѣтъ. Мы ее угощали хорошимъ цвѣшочнымъ чаемъ съ пряниками; она пила и ѣла съ примѣшнымъ удовольствіемъ. При ошѣздѣ сдѣланы ей нѣкоторыя подарки, которыми она была очень довольна.

Прощаясь, я посовѣщевалъ нашей *Россійкѣ* съ нею поцѣловаться; *Японка*, замѣтивъ ея намѣреніе, встрѣшила ее поцѣлуемъ и много смѣялась. Опъ насъ она повѣхала прямо въ селеніе на той самой байдарѣ, которая была изгопвлена отвезти письмо *Кахи* къ Начальнику острова.

Я полагалъ навѣрное, что коль скоро Начальникъ острова получивъ настоящее объясненіе, съ какимъ намѣреніемъ задержано нами *Японское* судно, то пришлетъ писменный отвѣтъ, ежели не ко мнѣ, по крайней мѣрѣ къ *Такатаю - Кахи*, и даже надѣялся, что самъ *Леонзаймо*, если задержанъ въ селеніи, присланъ будетъ для переводовъ, о чемъ Начальникъ *Японскаго* судна написалъ особую опъ имени моего записку; но совсѣмъ противныя нашимъ ожиданіямъ послѣдствія дали намъ уразумѣть, что *Японское* Правительство запретило частнымъ своимъ Начальникамъ вступать съ нами въ переговоры, ибо вмѣсто отвѣта, на другой день въ шедшую съ берега нашу шлюпку съ водою выпалили изъ 4 пушекъ ядрами. Не смотря однакожь на сіе, я о показаніи *Кахи* не перемѣнилъ своего мнѣнія и пустую ихъ пальбу презиралъ, рѣшившись, какъ выше сказано, итти въ *Калигатку*, и узнать опъ него обо всемъ подробно, не желая скорымъ какимъ либо предпріятіемъ испорчить въ послѣдствіи главное дѣло.

При возставшемъ благополучномъ вѣтрѣ, приказалъ я сдѣлать сигналъ сняться съ якоря. Предъ сѣмъ *Такатай - Кахи* просилъ меня, чтобы я позволилъ махро-

замъ его прѣхатъ осмошрѣшь нашъ корабль. Съ согласія моего, они всѣ поочереды у насъ перебивали, любопытствовали знать употребленіе каждой новой для нихъ вещи, особенно поражала ихъ наша оснастка; смѣлые лазили на *марсы*, а смѣлѣйшіе даже на *салинебъ*. Я приказалъ сводить ихъ въ мою каюшу; войдя въ нее, дѣлали они такіе же знаки почтенія, какъ бы я самъ въ ней находился. Тамъ поднесли имъ изъ серебряной чарки *Руской* водки, опъ чего они сдѣлались еще смѣлѣе и веселѣе; начали знаками объясняться съ нашими машпрозами, пѣлились суконнымъ нашимъ одѣяніемъ, свѣшлыми пуговицами и цѣшными шейными плашками, кошорые вымѣнивали у нашихъ машпрозовъ на свои *Японскія* бездѣлицы. *Такатай-Кахи*, увидѣвъ на шканцахъ нѣсколько порожнихъ боченковъ, предложилъ наполнить оныя водою съ своего судна; потчасъ его машпрозы забрали всѣ наши пустые боченки и привезли ихъ наполненные хорошею свѣжею водою. Пріятно было видѣшь людей, почивавшихся за нѣсколько часовъ нашими врагами, въ шакомъ съ нами дружествѣ. Сии добрые *Японцы*, простившись съ нами, поѣхали на свое судно съ пѣснями.

Къ вечеру шлюпъ и брикъ *Зотикъ* пошли въ море, а изъ селенія потчасъ открылась со вѣхъ башарей пальба изъ пушекъ ядрами. Тамъ вѣрояшно заключили, что мы вступили подъ паруса съ шѣмъ, чтобы приблизиться къ селенію съ непріятельскимъ намѣреніемъ. По причинѣ весьма дальнаго разстоянія, такая пустая пальба ничего кромѣ смѣха не могла въ насъ возбудить,

чему также и Японскій Чиновникъ много смѣялся, говоря: *Кунаширъ* худое мѣсто для *Русскихъ*, *Нагасаки* лучше. За прошивнымъ вѣтромъ мы простояли слѣдующій день въ проливѣ на якорѣ, разстояніемъ отъ селенія не менѣе 5 миль, и нарочно смотрѣли въ зрипельныя трубы, не возвратишся ли къ Японскому судну посланная предъ симъ въ селеніе и тамъ задержанная байдара. Но Начальникъ судна сказалъ: пока *Россійской* корабль не уйдетъ совсѣмъ изъ виду острова, байдара будетъ осматриваться задержанною въ селеніи. 11 числа Сентября оба судна снялись съ якоря и стали лавировать, взявши курсъ прямо къ полуострову *Камгаткѣ*. На семъ переходѣ мы много пошерпили отъ жестокихъ бурь, которыя въ такое позднее время года бывающія здѣсь весьма опасны, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, подъ большими широтами лежащихъ; а 12 числа находились мы въ крайней опасности: одна лишь только рука Провидѣнія могла насъ избавить отъ конечной гибели. Около полудня въ тошъ день началъ дуть жестокой вѣтръ, который въ послѣдствіи превратился въ ужасную бурю; тогда была у насъ подъ вѣтромъ гряда низменныхъ острововъ, лежащихъ между *Матсма* и *Чикотана*. Казалось, что шлюпъ хорошо выдерживалъ большіе паруса и мы имѣли изрядный ходъ; не взирая однакожъ на сіе, насъ примѣшнымъ образомъ прижимало теченіемъ къ помянутымъ островамъ; мы не надѣялись отстояться на якорѣ при великомъ волненіи, шедшемъ по направленію вѣтра съ открытаго океана, между островами *Кунаширомъ* и *Чикотаномъ*,

и были въ самой крайней опасности потерѣть кораблекрушеніе. Съ каждою минушою видѣли, замѣчая по лошу, приближеніе свое къ опаснымъ низкимъ островамъ. Къ 3½ часамъ по полудни глубина опъ 18 сажень уменьшилась до 13; насть несло бокомъ къ онымъ островамъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи, рѣшились мы прибѣгнуть къ послѣднему средству для отвращенія гибели: спашъ на якорь, что мы и сдѣлали, но какъ якорь не задержалъ, то на глубинѣ, уменьшившейся еще на 2 сажени при песчаномъ съ каменьями грунтѣ, бросили другой якорь. Не смотря на сіе, шлюпъ, прошивъ жестокаго волненія споялъ боршомъ, и якоря шацились по дну. Топчасъ спустили спенги и всѣ реи на низъ; къ великому щастію нашему послѣ сего якоря забрали и шлюпъ, остановился на двухъ якоряхъ. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было во второй разъ спасти насть опъ очевиднаго бѣдствія.

Начальникъ *Японскаго* судна, жившій со мною вмѣстѣ въ каютѣ, доставлялъ мнѣ удобный случай по часу съ нимъ объясняшсья. Долго я домогался узнать опъ него объ участи Капитана *Головнина*; онъ вслушивался со вниманіемъ въ чинъ и фамилію и всегда отвѣчалъ: не знаю. Вѣдая, сколь мало вѣяшны *Рускія* фамиліи для *Японскаго* слуха, сшарался я разнымъ образомъ фамилію *Головнина* изворачивашъ, и наконецъ привелся былъ въ величайшую радость, когда онъ со мною повпорилъ въ воспоргъ: *Ховоринъ*, я слышалъ, продолжалъ онъ, что онъ также находившъ въ *Матсмабъ*. Японцы почитаютъ его *Россійскимъ Данліо*, ш. е. первоста-

тейнымъ Чиновникомъ; и послѣ добрый мой *Японецъ* спалъ описывашь, какъ ему пересказывали видѣвшіе *Головнина Японцы*: что онъ высокаго роста, важнаго вида, не такъ, какъ Капитанъ *Муръ* веселаго, и не любитъ курить табакъ, хотя определено давалъ ему самаго лучшаго. *Муръ* же, говорилъ онъ, любитъ курить трубку и довольно хорошо разумѣетъ *Японской* языкъ. Толь совершенное описаніе отличительныхъ качествъ нашихъ соотечичей освободило насъ отъ всякаго сомнѣнія, и мы благодарили Провидѣніе, пославшее намъ въ *Японцѣ* семъ шоль радостнаго вѣстника. Сверхъ сего восхищался я и тѣмъ, что не покусилъ на произведеніе ошчаяннаго предпріянія прошивъ *Японцевъ*, внушеннаго мнѣ ложными и злопамѣренными объявленіями *Леонзайма* о нашихъ плѣнныхъ. Я узналъ, что плѣнникъ нашъ всякой годъ ходилъ на островъ *Итурупъ*, ошвозя шуда разные шовары изъ *Нифона*, а ошшуда возвращался съ грузомъ рыбы; но для меня весьма было удивительно, что онъ не зналъ *Леонзайма*. Полагая, что можетъ быть, неправильно произносимо было мною его имя, я показалъ ему въ записной моей книжкѣ собственную его рукою написанное его названіе и мѣсто его рожденія: городъ *Матсмай*. Онъ, прочитавъ, весьма явственно сказалъ, что купца такого имени на *Итурупѣ* никогда не бывало; что онъ знаетъ нынѣшнихъ и бывшихъ хозяевъ онаго острова, и пересказалъ мнѣ ихъ имена. Тогда вздумалъ я повшорить всѣ присвоенныя *Леонзаймомъ* имена, какъ то: *Нагатема*, *Томогеро*,

Хородзи. *Такатай - Кахи*, остано́ваясь наконецъ на послѣднемъ, съ удивленіемъ и смѣхомъ воскликнулъ: *Хородзія* знаю, и онъ называлъ себя въ *Россіи* *Оягодою* (1)? Да, ошибчалъ я ему, мы также онъ него слышали, будто бы онъ обладалъ великимъ имѣніемъ. — Да онъ ни когда не имѣлъ и простой байдары, возразилъ мой *Японецъ*; его званіе у прежнихъ хозяевъ было *Банинъ*, ш. е. смотритель за рыбными промыслами, и какъ онъ умѣлъ хорошо писать, то и опираваля въ письменныя дѣла; уроженецъ онъ Княжества *Намбу*, а не *Матсмая*, и женашъ на дочери *мохнатого Курильца*. Произнеся послѣднія слова съ презрѣніемъ, онъ сдѣлалъ знакъ рукою по своей шеѣ, для показанія, что *Леонзайму* за присвоенное званіе *Японскаго Чиновника*, ешъли узнающъ въ *Японіи*, ошрубашъ голову. — Такое нечаянное ошкрытіе о самозванцѣ *Леонзаймѣ* обнаружало мнѣ то, что посылаемые онъ насъ на берегъ къ Начальнику ошрова *Японцы* дѣйствовали вѣроятно по его коварнымъ наставленіямъ въ удовлешвореніе его мщению. Впрочемъ невозвращеніе *Японца* съ письмомъ и уходъ сопровождавшаго *Леонзайма* въ селеніе, я неправильно приписывалъ, какъ нынѣ оказывается, боязни его возвратишъся на шлюпъ. По объясненію Начальника *Японскаго* судна, закономъ запрещаетъ поданныхъ *Японіи*, бывшихъ болѣе одного года въ чужой землѣ, по какимъ бы то ни было случаямъ допускать, по возвращеніи ихъ въ ошечешво, къ своимъ семей-

(1) По нашему сказашъ, Земскій Исправникъ или Начальникъ надъ *Курильцами*.

спиваетъ, а отсылаются они въ *Эддо*, для изслѣдованія ихъ поведенія, гдѣ, какъ мы полагали, и остаются большою частію на всю жизнь, лишенными всей надежды жишъ вмѣстѣ съ своими домашними. Наши *Японцы* пробыли въ *Камтаткѣ* одинъ только годъ, слѣдовательно уходъ ихъ надлежишъ приписать сей только одной причинѣ.

Ошплывъ отъ бурныхъ *Японскихъ* береговъ, мы на вышѣ *Курильскихъ* острововъ, находясь въ виду пролива *Буссолъ*, названнаго по имени фрегата знаменитаго мореплавателя *Лаперуза*, воспользовались случившеюся ясною, довольно пріятною погодою для опредѣленія нѣкоторыхъ мѣсѣтъ Астрономическими наблюденіями. Мы нарочно проходили симъ обширнымъ проливомъ въ *Охотское* море, и обозрѣвъ западную часть нѣсколькихъ острововъ, къ сѣверу отъ сего пролива лежащихъ, вышли опять въ восточный океанъ новымъ проходомъ между островами *Ройкоке* и *Матау*. Не находя его названія ни на какихъ морскихъ картахъ, мы наименовали его проливомъ *Головнина*, въ честь нашего несчастнаго Капитана, содѣлавшагося предметомъ нашихъ плаваній по симъ морямъ.

22 Сентября открылись высокія сопки (погасшіе вулканы) *Камтатскаго* полуострова, вершины коихъ покрыты уже были снѣгомъ; но на низменныхъ мѣстахъ ощущалась еще пріятная для глазъ зелень и температура воздуха была довольно теплая. Нашъ *Кахи* признавался, что въ плаваніяхъ его къ островамъ *Итурупу* и *Урупу*, случалось ему видѣшъ въ это время года на берегахъ болѣе снѣгу, и холодъ бывалъ

ощущительнѣе. Приближаясь съ благопріятнымъ вѣтромъ ко входу въ *Аватинскую* губу, мы льстились надеждою въ слѣдующій день войти въ *Петропавловскую* гавань; но перемѣнившійся вѣтръ прямо съ берегу удалилъ насъ въ море, и мы послѣ величайшихъ трудностей, бывъ въ трескій разъ весьма близко, въ одну мрачную ночь едва было не претерпѣли кораблекрушенія. Не прежде 3 Октября вошли мы въ гавань; здѣсь нашли мы три судна: одно было *Охотскій* транспортъ, пришедшій изъ *Охотска* съ провіантомъ; а другія два, подъ *Американскими* флагами, принадлежали гражданину *Соединенныхъ Американскихъ штатовъ* Г. *Добеллу*. На обоихъ сихъ судахъ грузъ, принадлежавшій оному же Г. *Добеллу*, положенъ былъ частію въ *Кантонъ*, частію въ *Маниллъ*, куда онъ заходили на пушн своемъ изъ *Кантона* въ *Калкатку*. На одномъ изъ сихъ судовъ и самъ Г. *Добеллъ* прибылъ въ званіи Капитана съ благонамѣренными видами возснаноуишь давно желанную для здѣшняго края съ *Китаемъ* и другими изобильными сосѣдственными странами торговлю. Главная моя забота была поскорѣ свезти на берегъ нашего добраго *Японца*, казавшагося весьма ушомленнымъ и даже печальнымъ, какъ я думалъ, ошъ безпокойствъ продолжительнаго неблагопріятнаго нашего плаванія. Но объяснившись, послѣ узналъ я ошъ него совсѣмъ другую причину. Когда мы, принимая поздравленія ошъ пріѣзжавшихъ къ намъ на шлюпъ съ берегу офицеровъ и прочихъ пріятелей, вмѣстѣ съ ними радовались окончанной

кампаніи, тогда нашъ Японскій Начальникъ началъ тревожиться о своей участи. Ему представлялось по законамъ земли своей, что и его также, подобно нашимъ въ Японіи, будутъ содержать въ спорогомъ заключеніи. Сколь же велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя помѣщеннымъ не шокмо въ одномъ со мною домѣ, но и въ однихъ покояхъ!

12 Октября, опслуживъ насълюпъ благодарспвенный молебень за шроекрашное спасеніе опъ погибели, казавшейся неизбѣжною, офицеры и команда перебрались на берегъ.

Такимъ образомъ окончилась первая наша къ Японскимъ берегамъ кампанія, предпринимаемая для освобожденія Капашана Головнина съ товарищами его нещасія. Плоды оной состояли въ томъ, что мы опъ взятаго въ плѣнь и привезеннаго нами Такатай-Кахи узнали, что оные соотечественники наши живы. Такое полезное и радостное для насъ извѣстіе, мы почитали немалымъ для себя приобрѣщеніемъ и награжденіемъ шрудовъ своихъ.

Привезенной нами Японскій Начальникъ Такатай-Кахи, производя во всѣхъ портахъ своего отечества болѣе 20 лѣтъ обширную торговлю, что подшверждалось его познаніями въ мореплаваніи, долженствовало быть человекомъ извѣстнымъ своему Правительству. Оплично благородное его обращеніе доказывало, что онъ принадлежишь къ образованному классу людей. Сдѣлавшись принужденно виновникомъ настоящей его участи, не усматривалъ я въ немъ, къ ушѣшенію моему, ни

малѣйшей печали или унынія. Напрошивъ, въ спокойствіи духа пишался онъ тою напріюпитческою мыслию, что по возвращеніи въ свое отечество, будетъ въ состояніи доказать, что со стороны нашего Правительсва никогда не было прошиву *Японіи* непріязненнаго намѣренія, и ручался своею жизнью, что посредствомъ посольства въ *Нагасаки* освобожденіе нашихъ плѣнныхъ неминуемо послѣдуетъ. Имѣя въ своихъ рукахъ такого просвѣщеннаго и искренно расположеннаго вспомошествовать освобожденію нашихъ плѣнныхъ *Японца*, я перзался мыслию, что не было при мнѣ переводчика *Японскаго* языка, находящагося въ *Иркутскѣ*, котораго нельзя было за отдаленностію прислать въ *Камгатаку* прежде будущаго лѣта. При великомъ съ обѣихъ сторонъ желаніи объяснялись, мы съ нимъ въ продолженіе зимы составили свой языкъ, на которомъ безъ затрудненія разговаривали, иногда даже объ отвлеченныхъ предметахъ. Тогда пересказалъ я ему въ точномъ видѣ всѣ недоразумѣнія и ошибки, бывшія причиною неудовольствія *Японцевъ*; неудачу посольства нашего въ *Нагасаки* и проч. *Такатай-Кахи* рассказалъ, что всѣ жители *Японіи*, узнавъ о прибытіи *Русскихъ* кораблей въ *Нагасаки*, и о томъ, что съ *Россією* утверждены будутъ коммерческія связи, весьма обрадовались, но послѣдовавшій за тѣмъ крупной переломъ рѣшишельнымъ отказомъ нашему послу произвелъ во всей *Японіи* великое негодованіе на ея правленіе. — *Такатай-Кахи*, сообщая свѣденія о своемъ отечествѣ, и изъявляя желаніе, чтобы между *Японією* и *Россією*

ушвердилась торговля, неоднократно восклицалъ. „ Въ
 „ нещастіи моемъ признаю я Божій промыслъ, избрав-
 „ шій меня своимъ орудіемъ. Не имѣя никакихъ важ-
 „ ныхъ причинъ итти въ *Кунаширскій* заливъ, по слу-
 „ чаю, заѣхалъ я шуда, не бывавъ въ немъ болѣе пѣши
 „ лѣтъ, и сдѣлался виновникомъ уничтоженія вашего
 „ рѣшишельнаго намѣренія напасть на селеніе; слѣдова-
 „ тельно спасишелемъ жизни нѣсколькихъ десятковъ *Рус-*
 „ *скихъ* и нѣсколькихъ сотъ *Японцевъ*. Эта мысль ме-
 „ ня оживляетъ, и я надѣюсь, при всей слабости моего
 „ здоровья, перенесъ суровость *Камгатскаго* клима-
 „ та. “ Вниманіе и соболѣзнованіе, которое ему отъ
 всѣхъ *Россіянъ* оказываемо было, шолько подѣйствовав-
 ли надъ сердцемъ сего благороднаго человѣка, что онъ
 день и ночь о томъ шолько и думалъ, какъ бы доспа-
 вивъ ошечесшву своему шакое извѣстіе о народѣ, взяв-
 шемъ его въ плѣнъ, какого не приносилъ еще никто изъ
Японцевъ, бывшихъ въ *Россіи*. Будучи, по воспитанію
 своему и по образу мыслей, гораздо свѣдущѣ предше-
 ственниковъ своихъ, онъ ясно видѣлъ, что польза оше-
 чесшва его, о которомъ никогда не могъ равнодушно вспо-
 минашъ, пребывала миролюбиваго окончанія вражды, воз-
 никшей между *Россією* и *Японією* отъ случаевъ непред-
 видѣнныхъ и безъ соучастія главныхъ Правительствъ.
 Онъ понималъ, что на сторонѣ любимаго его ошечесшва
 будетъ вредъ отъ сей вражды, а пошому и спарался
 всемѣрно объяснить намъ странность *Японскихъ* не-
 пріязненныхъ поступковъ, кошорыхъ причины мы не
 посшигали; равнымъ образомъ и то, какіе у нихъ не-

преложные законы и обычаи, по незнанію которыхъ иностранецъ можетъ произнести о нихъ ложное сужденіе. Онъ увѣрялъ, что *Японцы*, поступая съ нами непріятельски, не имѣли и не имѣютъ въ виду заводить совсѣмъ безполезныя для нихъ ссоры съ сосѣднею и великою Имперіею; но по нѣкоторымъ чинамъ уже извѣстнымъ законопротивнымъ поступкамъ нашихъ соотечественниковъ, за нѣсколько годовъ на берегахъ ихъ бывшихъ, они имѣли достаточную причину заключающую о непріязненности *Россіи* къ *Японіи*, и чрезъ то принужденными нашими почестъ народъ нашъ себѣ враждебнымъ, чего конечно бы не послѣдовало, еслибы *Японія*, по примѣру другихъ Государствъ, имѣла сношеніе съ сосѣдственными Правительствами. И какъ они, по законамъ земли своей сего не имѣютъ, то и нельзя имъ было узнать, по повелѣнію ли Правительства, приходившія на ихъ берега суда подъ *Рускимъ* флагомъ непріятельски дѣйствовали или совсѣмъ безъ вѣдома онаго, а пошому *Японское* Правительство рѣшилось употребить сіи насильственные мѣры, признаваемыя впрочемъ во всей *Японіи* несоотвѣтствующими правиламъ военныхъ законовъ, но основанныя на желаніи получить отъ *Россійскаго* Правительства въ сихъ происшествіяхъ объясненіе. Я увѣренъ, говорилъ онъ, что одного свидѣтельства *Иркутскаго* Губернатора въ томъ, что Правительство не участвовало въ поступкахъ *Хвостова*, довольно будетъ, для доставленія *Рускимъ* плѣннымъ освобожденія. Все, что говорилъ сей добрый и честный *Каки*, не были одни пустяки

слова, вымышленныя имъ для полученія себѣ свободы; въ послѣдствіи мы на опытѣ увѣрились въ истинѣ оныхъ: онъ послужилъ намъ орудіемъ къ скорому и щастливому прекращенію распрей между двумя Государствами, выдачею захваченныхъ нашихъ плѣнныхъ, и къ поснановленію на предбудущее время нѣкоторыхъ условій, которыя, хотя и невелики, но сдѣланы вопреки кореннымъ поснановленіямъ Имперіи. Обо всѣхъ сихъ обстоятельствахъ писалъ я къ *Охотскому Нагайнику*, представляя, чтобъ онъ испросилъ по сему предмету офиціальное письмо отъ *Иркутскаго Губернатора* къ *Губернатору Матсмайскому*, разсчитывая зайши за симъ письмомъ въ *Охотскѣ*. *Такатай-Кахи* брался лично вручить письмо сіе *Матсмайскому* Губернатору и доставить въ *Кунаширѣ* (куда обѣщано было его отвезти) рѣшительной ошвѣстѣ и извѣстіе объ участи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ. Таковъ былъ планъ предстоявшей кампаніи.

До половины зимы здоровье *Кахи* было въ хорошемъ состояніи, но смерть двухъ его мащрозовъ произвела въ немъ большую перемѣну: онъ сдѣлался задумчивъ, угрюмъ, началъ жаловаться на слабое свое здоровье, увѣрялъ лекаря, что у него въ ногахъ цынготная болѣзнь, и упреждалъ, что она ему будетъ стоить жизни. Но истинною причиною его печали было желаніе ворошиться скорѣе въ отечество и опасеніе, чтобъ въ *Охотскѣ*, куда надлежало заходить, его не удержали. Наконецъ онъ открылъ мнѣ свое подозрѣніе. Видя, что отъ благополучнаго возвращенія *Такатай-Кахи* въ отечество зависить все, какъ

освобожденіе нашихъ, шакъ, можешъ бышь, и воспановленіе съ *Японією* коммерческихъ связей, я рѣшился, не дожидаясь отвѣта изъ *Иркутска*, отвезши его прямо въ *Японію*, и когда объявилъ я ему объ этомъ, онъ призывалъ къ себѣ оставшихся своихъ двухъ машрозовъ, сказалъ имъ сію радостную вѣсть, и просилъ меня, чшобъ я оставилъ его на время съ машрозами. Вышедъ въ другую комнашу, я полагалъ, что набожный *Такатай-Кахи* желаетъ молишься Богу, какъ обыкновенно, безъ свидѣтелей, но вмѣсто того онъ скоро вышелъ изъ своей комнашы въ парадномъ своемъ плащѣ и при саблѣ, вмѣстѣ съ своими машрозами, и началъ изъяслять мнѣ свою благодарность. Будучи изумленъ симъ неожиданнымъ явленіемъ и пронувъ чувствительностію добраго *Японца*, я увѣрилъ его въ точномъ исполненіи своихъ обѣщаній.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда надлежало заниматься приготовленіями шлюпа къ походу, я получилъ опъ *Иркутскаго* Губернатора порученіе, привести въ исполненіе, въ званіи *Камгатскаго* Начальника, Высочайше утвержденное новое образованіе *Камгатки*, и по случаю оправленія моего къ *Японскимъ* берегамъ, довѣрилъ временное управленіе *Камгатки* Г. Лейтенаншу *Рудакову* (1).

(1) Вмѣсто его поступилъ опять на шлюпъ Лейтенантъ *Филатовъ*, бывшій Командиромъ на брикѣ *Зотикъ*, разлучившійся съ нами въ прошлую осень во время жестокой бури у острова *Кунашира* и на переходѣ у *Кам-*

6 Мая ледъ былъ прорубленъ и шлюпъ выведенъ на рейдъ въ *Авагинскую* губу, а 23 Мая отправился изъ сей губы въ предпринятой путь. Черезъ двадцать дней благопріятнѣйшаго плаванія прибыли мы благополучно къ оконечности острова *Кунашира*, и стали на якорѣ въ заливѣ *Измѣны*, въ такомъ же, какъ и прошлаго лѣта разстояніи отъ укрѣпленнаго *Японскаго* селенія. По совѣту *Такатая - Кахи* велѣно было двумъ его маэрозамъ, приготовившись ѣхать на берегъ. Селеніе прежнимъ порядкомъ завішено было полосатою машерию. Съ башарей изъ пушекъ по шлюпу не палили и по всему берегу невидно было никакихъ движеній.

Когда наше гребное судно, для отвоза *Японцевъ* на берегъ, было изготовлено, тогда оба *Японца* пришли ко мнѣ въ каюшу, чѣмъ изъявивъ за увольненіе свое благодарность, и принявъ отъ своего Начальника разныя порученія къ главному Начальнику острова. При семъ случаѣ я сказалъ *Такатаю - Кахи*, что отпуская его маэрозовъ на берегъ, надѣюсь, что они принесутъ отъ *Кунаширскаго* Начальника на его письмо отвѣтъ съ обстоятельнымъ извѣщеніемъ о настоящей участи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, и спросилъ его, ручается ли онъ въ ихъ возвращеніи. Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ!“ — „Какъ нѣтъ?“ спросилъ я: „развѣ небыли неизвѣстны законы швоей націи?“ — „Извѣстны, да не всѣ.“ — „Когда такъ

татскихъ береговъ претерпѣвшій кораблекрушеніе. Люди и часть груза особою дѣлательностію Г. *Филатова* были спасены.

сказалъ я, обращаясь къ его машрозамъ, что объявите *Кунаширскому* Начальнику отъ моего лица, что если-ли онъ васъ на берегу задержитъ, и не пришлетъ ко мнѣ никакихъ извѣстій объ участи нашихъ плѣнныхъ, то я долженъ буду признавъ сей поступокъ непріятельскимъ и вашего Начальника повезу съ собою въ *Охотскъ*, откуда нынѣшняго же лѣта прійду къ вамъ нѣсколько военныхъ судовъ шребовать вооруженною рукою освобожденія нашихъ плѣнныхъ. Назначаю сроку только три дня для обожданія здѣсь отвѣта.“ При сихъ словахъ *Такатай-Кахи* измѣнился въ лицѣ, однако съ довольно спокойнымъ духомъ началъ говорить: „Начальникъ Императорскаго судна! (шакъ онъ величалъ меня во всѣхъ важныхъ разговорахъ) Ты объясняешься съ жаромъ, швое посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ машрозовъ заключаетъ многое, а по нашимъ законамъ малое; напрасно угрожаешь пы увезти меня въ *Охотскъ*. Ежели двухъ моихъ машрозовъ Начальникъ вздумаетъ на берегу удержать, то не два, а двѣ тысячи машрозовъ не могутъ меня замѣнить. Припомъ, предворяю себя, что не въ швоей будешь власпи увезти меня въ *Охотскъ*; но объ этомъ объяснимся послѣ, а шеперь скажи мнѣ, дѣйствительно ли ты рѣшился на шакихъ условіяхъ опуститъ моихъ машрозовъ на берегъ?“ „Да!“ сказалъ я, иначе, какъ Начальникъ военнаго корабля, я не смѣю и подуматъ при шакихъ шрудныхъ, на меня возложенныхъ порученіяхъ и ужасомъ скрытыхъ обстоятельстввахъ.“—„Хорошо!“ отвѣчалъ онъ, „Такъ позволъ мнѣ сдѣлать, мо-

жетъ быть, послѣднее и весьма нужное наставленіе моимъ машрозамъ и словесно уведомишь обо мнѣ *Кунаширскаго* Начальника, ибо ни обѣщаннаго письма, ни какой либо записки шеперь я съ ними не пошлю.“ Онъ нѣсколько оправился (1), принявъ на себя важный видъ и потомъ продолжалъ: „ты довольно разумѣешь по *Японски*, чѣмъ понимаешь все, что я въ простыхъ словахъ буду говорить своимъ машрозамъ. Я не хочу, чѣмъ ты имѣлъ право подозрѣвать меня въ какомъ либо дурномъ намѣреніи.“ Его машрозы, сидѣшіе на колычяхъ, приблизились къ нему съ поникшими головами, и внимательно слушали его слова. Сначала наставлялъ онъ ихъ въ обрядахъ, какъ должно будешь явиться къ *Кунаширскому* Начальнику; потомъ подробно исчислилъ имъ, въ которой день привезены они были на *Россійскій* корабль, какъ были содержимы, когда прибыли въ *Камгатку*, что жили въ однихъ со мною покояхъ, и получали хорошее содержаніе, что оба *Японца* и *мохнатой Курилецъ* померли, не смотря на всѣ старанія врача; что нынѣ шлюпъ поспѣшно отправленъ въ уваженіе его болѣзни прямо въ *Японию* и пр. и пр. Онъ повторялъ имъ нѣсколько разъ, чѣмъ они все сіе безошибочно пересказали *Кунаширскому* Начальнику и заключилъ величайшею обо мнѣ похвалою, упоминая, съ какою заботливостію я всегда входилъ въ ихъ положеніе, что онъ самъ, какъ на корабль, такъ и на су-

(1) Во время сего разговора онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, по *Японскому* обычаю.

шѣ, жилъ съ мною вмѣстѣ, и все, что только можно, по его желанію, ему было доставляемо. Наконецъ предъ своимъ образомъ въ глубокомъ молчаніи помолился онъ Богу, поручилъ болѣе имъ любимому изъ обоихъ машрозовъ доставить свой образъ его женѣ, и ошдалъ ему же большую свою саблю, кошую называлъ *родительскою*, для того, чтобъ, есвручитъ единственному его наслѣднику и сыну. По исполненіи всего этого, онъ вспалъ и съ спокойнымъ, даже веселымъ видомъ попросилъ у меня водки, поподчивавъ при прощаніи своихъ машрозовъ; вышилъ вмѣстѣ съ ними и проводилъ ихъ вверхъ, не давая имъ никакихъ болѣе порученій. На нашей шлюпкѣ отвезли ихъ на берегъ, и они безпрепятственно пошли въ селеніе.

Обряды, совершенные нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ при его прощаніи съ машрозами, и значительное изреченіе: не въ швоей будещъ власпи увезши меня въ *Охотскѣ*, привели меня въ великое смущеніе. Возвращеніе *Японскихъ* машрозовъ казалось мнѣ совсѣмъ безнадежнымъ; я могъ удержавъ въ видѣ аманаша озлобленнаго *Японскаго* Начальника, но не въ моей власпи было воспрепятствовавъ исполненію его смѣлаго изреченія. Я долго не могъ рѣшиться опустить его на берегъ, ибо чрезъ то лишился бы всей надежды къ освобожденію нашихъ плѣнныхъ, однакожъ, сообразивъ всѣ обстоятельства, увидѣвъ я, что въ пользу нашихъ плѣнныхъ должно избрать последнее средство. Припомъ вознамѣрился я, еспли уволенный на берегъ *Японскій* Начальникъ не ворошится, ишши самъ прямо въ селеніе.

Нѣсколько зная Японской языкъ, не труднобъ мнѣ было во всемъ объясниться, и припомъ я имѣлъ въ виду, что естели наши плѣнные живы, то участь ихъ отъ сего не сдѣлается хуже; когда же они всѣ убиты, тогда всему дѣлу и моимъ мученіямъ конецъ. Я объявилъ о семъ намѣреніи спаршему по себѣ офицеру, котораго нужно было заблаговременно наснавивъ для пользы службы, въ исполненіи неокончанныхъ мною нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей. — Ушвердившись въ этомъ мнѣніи, сказалъ я нашему Японскому Начальнику, что онъ можетъ ѣхать на берегъ, когда ему угодно, ибо я во всемъ полагаюсь на его великодушіе, и прибавилъ, что его невозвращеніе будетъ спомъ мнѣ жизни. — „Понимаю!“ отвѣчалъ онъ: „тебѣ безъ писменнаго свидѣтельства объ участи всѣхъ вашихъ плѣнныхъ нельзя ворошиться въ Охотскѣ, да и мнѣ нельзя подвергнушь своей чести малѣйшему безславію, иначе какъ на щепъ моей жизни. Благодарю за твою довѣренность, но я и прежде не имѣлъ намѣренія ѣхать въ одинъ день съ своими махпрозами на берегъ; это, по нашему закону, для меня неприлично; а завтра поушру, ежели тебѣ угодно, прикажи меня опшвезти поранѣе на берегъ. — „Приказывашъ не нужно!“ былъ мой отвѣтъ: „я самъ опшвезу тебя“ „И пакъ“ — сказалъ онъ съ восторгомъ: „мы опять друзья! теперъ я объясню тебѣ, что значило опшравленіе моего образа и родительской сабли на берегъ; но прежде выговорю тебѣ съ тою опкровенностію, съ какою я приспандней съ тобою, какъ другъ, обо всемъ объяснялся, что

швое словесное посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ машрозовъ для меня было чрезвычайно оскорбительно. Угрозы твои о приходѣ сюда нынѣшняго лѣша съ военными судами до меня собственно не касались; но когда ты объявилъ свое намѣреніе увезти меня съ собою въ *Охотскѣ*, то я примѣшилъ, что ты подозрѣваешь во мнѣ обманщика, подобнаго *Городзію*. Признаюсь, я едва могъ вѣришь, чтобы сіи оскорбительныя моей чести слова были произнесены тобою. Удивительно для меня было, что ты въ шриспа дней мнѣ ничего не говоривалъ въ сердцахъ, между шѣмъ, какъ я, по своей горячности, неоднократно и безъ всякой почти причины бывалъ въ жестокомъ гнѣвѣ, а въ нынѣшній день, при такомъ важномъ случаѣ, ты допустилъ гнѣву овладѣшь швоимъ разсудкомъ и чрезъ то въ нѣсколько минушь приугошовилъ меня сдѣлашься злодѣемъ и самоубійцею. Національная наша честь не позволяешь человеку моего званія бышь въ чужой землѣ пѣнникомъ, каковымъ ты хошѣлъ меня сдѣлашь, при объявленіи своего намѣренія увезти меня съ собою въ *Охотскѣ*. Въ *Камгатку* я съ тобою отправился согласно съ моимъ желаніемъ, о чемъ и главному нашему Правленію извѣстно, ибо я особенно писалъ въ *Кунаширѣ*, по какимъ причинамъ вооруженныя шлюпки съ *Россійскаго* военного корабля овладѣли моимъ судномъ. Одни машрозы были тобою взяты противъ ихъ воли. По превосходной швоей силѣ, я находился тогда въ швоихъ рукахъ, но жизнь моя всегда была въ моей власпи. После всего эшого объяваю тебѣ шайну моихъ намѣре-

ній: я твердо рѣшился, видя тебя непоколебимымъ въ твоихъ предиріятіяхъ, свершишь надъ собою убійство. Въ доказательство исполненія сего я ошрѣзалъ у себя на головѣ клочъ волосъ (1) и положилъ ихъ въ ящикъ моего образа. Сіе, по нашимъ законамъ, означаетъ, что опъ, опъ кого присланы собсвенные его волосы, лишилъ себя жизни съ чеспію, т. е. разпоролъ себѣ брюхо. Надъ волосами свершается такой же обрядъ погребенія, какъ и надъ самимъ покойникомъ. Когда ты называешь меня другомъ, то я опъ тебя ничего не скрою: озлобленіе мое дошло до такой степени, что я даже хотѣлъ убить тебя и твоего старшаго офицера, и попомъ имѣшь ушѣшеніе объявишь объ этомъ твоей командѣ! “ Какія возмущительныя для *Европейца* понятія о чеспи! *Японцы* почищаютъ такое дѣло величайшимъ подвигомъ; память подобнаго героя прославляется вмѣстѣ съ уваженіемъ къ оставшемуся его семейству. Въ противномъ же случаѣ дѣши бывають преданы изгнанію изъ мѣста своего рожденія.

Вопъ съ какими ужасными замыслами жилъ въ одной со мною каютѣ человекъ, на коего я взиралъ какъ на искренняго своего друга и засыпалъ покойно! Выслушавъ сіе съ такими движеніями чувствъ, какія обыкновенно бывають при размышленіи о минувшей опасности, я сказалъ ему, что мнѣ удивительно его ограничиваніе въ избраніи мщенія, когда въ его власти было совершить полное мщеніе надъ жизнью

(1) Онъ показалъ на головѣ примѣнное мѣсто вырѣзанныхъ волосъ.

всѣхъ насъ зазженіемъ крюшъ-камеры (1). „Да“ сказалъ онъ: „взорваніемъ всѣхъ на воздухъ? нѣтъ другъ мой, это я зналъ; но какая въ этомъ отважность? По моему мнѣнію такимъ пошленимъ образомъ мстить свойственно малымъ, робкимъ душамъ; не думаешь ли ты, продолжалъ онъ, чѣмъ я тебя убилъ соннаго, почиая тебя храбрымъ Начальникомъ? Я думалъ излишнимъ въ этомъ дѣлать поясненіе; но когда ты посмѣляешься великостію произвести мщеніе взорваніемъ корабля на воздухъ, то вѣроятно ты подумалъ, что я имѣлъ намѣреніе убить тебя тайнымъ образомъ. Нѣтъ! формальнымъ вызовомъ я приступилъ бы къ дѣлу.“ За такое его героическое, швердое намѣреніе и искреннюю ко мнѣ опкровенность, онъ сдѣлался въ глазахъ моихъ дѣйствительно рѣдкимъ человекомъ, и мое къ нему уваженіе возвысилось по мѣрѣ обнаружившихся новыхъ въ немъ качествъ великости души.

На другой день съ примирившимся со мною удивительнымъ *Японскимъ* Начальникомъ поѣхалъ я на берегъ. Приближаясь къ берегу, увидѣли мы двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевъ*, которыхъ вскорѣ признали, къ общей радости, нашими *Японскими* маэрозами. Приспавши къ берегу, мы ихъ дождались у рѣчки, прошиву которой споялъ нашъ шлюпъ. Они увѣдомили своего Начальника, что въ *Кунаширѣ* главнымъ командиромъ были приняты весьма хорошо, и на испрашиваніе мною позволенія наливаясь у рѣчки водою.

(1) Симвъ именемъ называея мѣсто, гдѣ хранился на кораблѣ порохъ.

дано согласіе на условіи, чтобъ наши люди не переходили на другую сторону рѣчки противъ селенія. По случаю прихода *Россійскихъ* судовъ къ *Кунаширу*, находились въ селеніи прое большихъ Чиновниковъ: спаршіе два, по объявленіи *Японскими* маэрозами ихъ именъ, оказались нашему *Японцу* хорошими пріятелями. Болѣе никакихъ извѣстій они намъ не сообщали. Главный Начальникъ острова желалъ только поскорѣ увидѣться съ нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ. Изъ сдѣланныхъ мною *Японскимъ* маэрозамъ подарковъ, нѣкопорыя бездѣлицы были ими взяты съ собою на берегъ; всѣ оныя безъ изыятія были *Кунаширскимъ* Начальникомъ разсматриваемы и *Японскимъ* маэрозамъ не позволили ничего при себѣ оставить: они принесли назадъ въ особомъ узелкѣ всѣ вещи до иголки. Я называлъ это непріязненнымъ поступкомъ; но *Такатай-Кахи* меня успокоилъ, объяснивъ, что принятіе подарковъ у нихъ запрещено закономъ.

Потомъ одинъ изъ маэрозовъ подалъ мнѣ ящикъ, сопровождаемый чрезъ главного Начальника съ бумагами изъ города *Митсима*. — Восшоргъ неожиданной радости наполнилъ мою душу. Я мнилъ обрѣсти въ немъ письма ошъ заключенныхъ въ ономъ городѣ нашихъ друзей, и спѣшилъ шуть же на берегу ошкрыть ящикъ; но благодарный *Такатай-Кахи* меня остановилъ, говоря: „огради свое любопытство разсудкомъ! въ этомъ ящикѣ должны заключаться важныя бумаги ошъ нашего Правительсва къ вашему.“ — Взявъ ошъ меня ящикъ, совершилъ ошъ надъ нимъ обрядъ особаго почитанія шроукрашнымъ

поднятіемъ на голову, и сказалъ: „все намъ благопрі-
ятствуютъ; я говорю: намъ; ибо по чувствамъ моимъ, я
вполовину *Руской*. Весьма хорошо будетъ, еспли ты мнѣ
позволишь ошнесши эптоу яцикъ обратно къ Началь-
нику; завтра я не замедлю съ нимъ къ тебѣ возвра-
тишься: сего потребуеъ нашъ обрядъ.“ Въ секунду воз-
спала въ чувствахъ моихъ борьба сомнѣній, и въ секун-
ду, не измѣняя вида, рѣшилъ я слѣдовать его совѣшу.
Тогда я распрощался съ нашимъ почтеннымъ *Япон-
цесиб*, и ошдавая ему половину разрѣзаннаго своего бѣ-
лаго плапка, сказалъ: кшо мнѣ другъ, пошъ чрезъ день,
два и не долѣе шрехъ принесетъ ко мнѣ другую поло-
вину моего плапка. Твердымъ и увѣришельнымъ голо-
сомъ ошвѣчалъ онъ, что одна смерть можешъ воспре-
пятствовашъ ему сіе исполнишъ. „Не чрезъ день,“ про-
должалъ онъ, а завтра поушру непременно возвра-
щусь къ тебѣ на корабль, но позволь моимъ машро-
замъ со мною опашъ ворошиться въ селеніе.“ Я согла-
сился на шо, а самъ возвращаясь на шлюпъ, приказалъ
содержашъ оный къ ночи въ насшоящемъ боевомъ
порядкѣ. — На другой день съ вахшы извѣстили меня,
что видяшъ двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевб*, и
что одинъ машепъ чѣмъ-шо бѣлымъ. Я узналъ, что
эшо нашъ добрый *Японскій* Начальникъ и немедленно
послалъ за нимъ шлюпку, на кошорой онъ съ однимъ
своимъ машрозомъ къ намъ пріѣхалъ и привезъ пріят-
ныя для насъ извѣстія, что по письмамъ, полученнымъ
изъ *Матсмай*, всѣ наши *Рускіе* здоровы, кромѣ *Штур-*

мана, которой былъ въ весьма опасномъ состояніи, не допускалъ къ себѣ Японскихъ лекарей и десять дней не употреблялъ никакой пищи; теперь однакожъ ему сдѣлалось легче. Потомъ въ каютѣ вручилъ онъ мнѣ предпровожденное отъ Кунаширскаго Начальника изъ Матсмай официальное письмо или листъ на Японскомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ, находившіеся въ вышеупомянутомъ ящикѣ. О полученіи сихъ бумагъ я послалъ съ нашимъ добрымъ Такатаемъ - Кахи къ главному Начальнику Кунашира письмо, и по его совѣту предложилъ нашу готовность идти отсюда со шлюпомъ прямо въ Хакодаде, елики онъ согласится прислать къ намъ двухъ Японцевъ, посредствомъ коихъ можно было по прибытіи въ Хакодаде сдѣлать первое съ берегомъ сношеніе. Содержаніе сего письма, Такатай-Кахи взялся пересказать Начальнику Кунашира и къ вечеру мы его свезли на берегъ. Въ слѣдующій день, не взирая на ненастную погоду, онъ оняшъ пріѣхалъ къ намъ на шлюпъ, и объявилъ мнѣ, что Кунаширской Начальникъ признаетъ мое требованіе о двухъ Японцахъ для слѣдованія со шлюпомъ въ Хакодаде справедливымъ, но не можетъ самъ на это рѣшиться, а пошлетъ объ ономъ съ нарочнымъ къ Матсмайскому Губернатору особое донесеніе вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, ибо онъ опровергнулъ шуда и первое мое письмо, въ день нашего въ Кунаширъ прибытія; тамъ находясь, говорилъ онъ, переводчики Русскаго языка. Почта, по увѣренію нашего усерднаго друга Такатай-Кахи, изъ Кунашира въ Матсмай обращается въ двадцатый день.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ я рѣшился дожидаться наспоящаго разрѣшенія отъ *Матсмайскаго* Губернатора, коему безъ сомнѣнія мои письма будутъ переведены; слѣдовательно отвѣта его нельзя было не почитать особенно для насъ важнымъ. Мы желали съ пользою употребить опредѣленное для ожиданія почты время; вѣрнѣйшимъ описаніемъ всего залива *Измѣны*, для чего необходимо нужно было по заливу развѣзжать на гребныхъ судахъ, о чемъ я спрашивалъ у *Кунаширскаго* Начальника позволенія. Но онъ весьма учтивымъ образомъ просилъ нашего друга *Такатай-Кахи* намъ объяснить, чинъ это будетъ противно предписаніямъ, и объявилъ, чтобъ наши шлюпки ни подъ какимъ видомъ никуда далѣе рѣчки не ѣздили, и по на прежнемъ условіи. Мы принуждены были остаться довольными, что по крайней мѣрѣ отказъ сдѣланъ былъ учтивымъ образомъ. Между тѣмъ почтенный *Такатай-Кахи*, искренно участвовавшій въ нашемъ положеніи, не прѣставлялъ навѣщать насъ чрезъ каждые три дни. Добрые его машрозы иногда приносили намъ отъ имени его небольшое количество свѣжей рыбы, которая всегда раздѣлялась поровну на всю команду. Въ уплату за нее строго приказалъ Начальникъ никакой вещи на берегъ отъ насъ не привозить и всегда извинялся скуднымъ промысломъ; что и дѣйствительно было такъ, ибо ео все время доставлено было къ намъ не болѣе семнадцати рыбъ.

Сии свиданія происходили слѣдующимъ образомъ,

и каждый его прїѣздъ почищаемъ былъ нами днемъ праздника:

Первое было 14 числа Іюля; при семъ посѣщеніи, дружески съ нимъ бесѣдуя, сказалъ я ему, что прочитавъ нѣсколько разъ со вниманіемъ *Матсмайской* лиспъ, весьма много удивляюсь, что въ немъ ничего не упоминается о важномъ прошлогоднемъ происшествіи, по какимъ причинамъ мы овладѣли его судномъ и самого его увезли съ собою въ *Камгату*; въ скорости онъ ошѣчалъ, что также не менѣ моего сему удивляется, и даже называлъ такое со стороны ихъ Правительсва упущеніе чудомъ: многозначащимъ по *Японски* словомъ (*фуссинги*!) но послѣ долгаго размышленія возобновилъ разговоръ, сказавъ: „Нъпъ! неправильно я назвалъ оставленный безъ замѣчанія нашимъ Правительствомъ, прошлогодній вашъ непріятельской со мною поступокъ, *фуссинги*! По нашимъ законамъ вы въ правѣ были воински дѣйствовать, когда извѣстили васъ о смерти вашихъ плѣнныхъ; даже, еслибы вы меня и многихъ людей на суднѣ убили, то и тогда бы наше Правительство, расположившись къ дружескому, какъ теперь, объясненію, не выснавилобы сего на видъ; при томъ же я сегодня, разговаривая объ этомъ съ главнымъ Начальникомъ, узналъ, что *Городзій* васъ таковымъ извѣщеніемъ не обманулъ; а бывший прошлаго года здѣсь главный Начальникъ, который и теперь шущъ же находится, дѣйствительно сдѣлалъ ему такой ошѣпъ, что всѣ ваши убытки, самъ же, бывъ воспаленъ гнѣвомъ и мщеніемъ за учиненныя *Хвостовымъ* оскорбленія,

V неприятельскими его поступками, желалъ съ вами сразиться, и съ неперпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда вы сдѣлаете приступъ къ нападенію на селеніе. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ *Японцевъ* (болѣе трехъ сотъ человекъ) поклялся умереть подъ ружьемъ; они погребли себя заживо воинскимъ обрядомъ, опрѣзавъ каждый у себя клокъ волосъ, которые всѣ были уложены въ особой ящикъ въ бумажныхъ свипкахъ съ именемъ каждого изъ нихъ, и въ готовности отправились оный въ *Матсмай* при первомъ вашемъ движеніи напасть на селеніе. Знаю и вашу рѣшимость, продолжалъ онъ, кровопролитіе было бы страшное; а превосходство вашей артиллеріи даровало бы вамъ побѣду; но побѣду кратковременную; чудеснымъ бы только промысломъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ избѣжали смерти, ибо *Японцы*, узнавъ изъ опытовъ по поступкамъ людей, съ *Хвостовыми* бывшихъ, сколь падки ваши люди къ водкѣ, приготовили положить въ оную ядь.“

Побесѣдовавъ довольно долго, онъ объяснилъ намъ, что Начальникъ много сожалѣетъ, не имѣя прислать ничего хорошаго, употребляемаго нами въ пищу. Хотя еще не настало для рыбной ловли время; однако онъ сегодня отправилъ двѣ лодки оную промыслять; самъ *Такатай-Кахи* общался съ удачною ловлею прѣхашъ, не внимая нашимъ прозьбамъ, что это будетъ лишнее для него безпокойство. „Нелишнее, отвѣчалъ онъ, первая вещь по нашему гостепріимному обычаю доставляется лично друзьямъ, каковыми васъ я имѣю удовольствіе признавать.“ Проспившись съ нами, поѣхалъ

онъ на берегъ къ рѣчкѣ, откуда ходилъ пѣшкомъ до селенія по крайней мѣрѣ версты двѣ.

На другой день, по причинѣ дурной погоды, онъ къ намъ не возвращался; за тѣмъ въ слѣдующій день 16 числа прибрелъ весьма рано ушромъ, шакъ, что, часовые увидѣли его не прежде, какъ уже онъ находился у рѣчки во ожиданіи гребнаго нашего судна, что меня весьма много огорчило. По прибытіи его на шлюпъ, я передъ нимъ извинялся, что заставили его нѣкоторое время дожидаться; ибо мы никакъ не воображали, чтобы онъ шакъ мало цѣнилъ свой покой. Онъ ошкровенно мнѣ признался, что шакая невнимательность для него была чувствительна. „Съ самаго выхода изъ селенія, говорилъ онъ, я идучи по берегу не пресцавалъ махашъ бѣлымъ плашкомъ, и ешлыбы еще не много вы замедлили прислать шлюбку, я намѣренъ былъ возвращишь ся. — (Спарикъ былъ чрезвычайно честолобивъ, надобно было при немъ часовыхъ нобранишь). Ты удивляешься, что я шакъ рано поднялся; опъ сего шакже и Начальникъ меня ошклонялъ, но мнѣ должно было сдержашъ свое слово; вчерашній день для меня былъ самой непріятнѣйшій. Прождавъ до самаго вечера возвращенія рыбаковъ, мнѣ уже поздно было къ вамъ ишши. Я не могъ покойно спать, нарушивъ свое обѣщаніе; вспалъ до свѣшу, съ поспѣшностію напилъ одного только чаю и ошправился изъ селенія со всѣмъ вчерашнимъ промысломъ, состоящимъ, какъ ты видишь, изъ 14 только рыбъ. Я буду имѣшь сегодня удовольствіе

вмѣстѣ съ побою ѣсть свѣжую рыбу, которой мнѣ еще не удавалось на берегу отведать.“ Какое усердіе оказывалъ намъ почтенный *Такитай-Кахи*! возблагодарить за оное я не имѣлъ способоу, а довольствовался сказать ему: „мы мнѣ другъ и мы другъ друга разумѣемъ.“ Обѣдъ былъ изготовленъ ранѣе обыкновеннаго; ибо онъ часто поговаривалъ, что у него хорошій аппетитъ. Онъ сѣлъ съ нами вмѣстѣ за столъ: рыба съ простою *Японскою* чисто сваренною крупю, была первымъ и послѣднимъ блюдомъ. Онъ ѣлъ необыкновенно много. Я также давно не ѣдалъ такой вкусной рыбы, приправленной, вмѣсто всѣхъ соусовъ, чистѣйшею *Японскою* дружбою достойнаго *Такитай-Кахи*; по окончаніи обѣда пили за здоровье добраго Начальника; къ вечеру прежнимъ порядкомъ отвезли его на берегъ.

18 числа онъ опять къ намъ пожаловалъ для одной только дружеской бесѣды, жалуясь на большую на берегу скуку и на худое содержаніе отъ Коммисіонера компаніи купцовъ, имѣющихъ сей островъ на оккупу, гдѣ онъ имѣлъ кварширу. По своему независимому духу, это его чрезвычайно огорчало: онъ не могъ вытерпѣть, чтобъ не выговорить о семъ Коммисіонеру и съ нимъ поссорился; выпросилъ у Начальника 30 человекъ *Киурильцовъ* и лѣсу; построилъ себѣ досчатый особый домикъ, гдѣ, по его словамъ, со своими двумя маэрозами помѣстился весьма покойно и съ великимъ шоржествомъ говорилъ, что онъ теперь живетъ славно; о Коммисіонерѣ и компанейскихъ дѣлахъ пересказывалъ съ презрѣніемъ и заключилъ крашкимъ *Японскимъ* изрече-

ніемъ: *лице надмѣнное, а денегъ нѣтъ*. 20 Іюля извѣстили меня, что видящій идущаго изъ селенія нашего *Тайшо*: подѣ симъ именемъ онъ болѣе былъ извѣстенъ всѣмъ маиросамъ. На *Японскомъ* языкѣ слово: *Тайшо* означаетъ командировъ; съ самаго начала онъ меня такъ называлъ; почему я сдѣлалъ ему такую же учтивость и съ тѣхъ по порѣ мы сжали другъ друга величать *Тайшо*. Скорое такое прежде условнаго срока возвращеніе я приписалъ одной только его сукѣ. Я даже не изъясилъ удивленія, что онъ такъ скоро къ намъ возвратился; мы сошли вмѣстѣ въ каюшу; онъ, сѣвши подлѣ меня на сшулъ, началъ вынимать изъ за пазухи бумагу, оговариваясь съ видомъ, непредвѣщающимъ ничего особеннаго. Сей часъ, говорилъ онъ, привезли изъ *Матсмая* сіе письмо незапечатанное; на немъ, кажется, *Руская* надпись. Лейтенантъ *Филатовъ*, подлѣ насъ стоявшій, подсматрѣвъ внизъ подписью въ рукахъ *Тайшо* обращенное письмо, съ восторгомъ воскликнулъ: рука *Василья Михайловича!*“ Сраженный столь неожиданною радостью, я въ молчаніи беру отъ друга моего *Тайшо* письмо, признаю руку *Г. Головнина*, по наружной величинѣ онаго думаю найши пространное описаніе двухъ лѣтняго его заключенія, и развернувъ вижу только при слѣдующія строки: „Мы всѣ, какъ офицеры, такъ маиросы и *Курилецъ Алексѣй*, живы и находимся въ *Матсмай*. Мая 10 дня 1813 года.

Василій Головинъ

Федоръ Муръ.

Сии радостныя спроки, освободившія насъ отъ всякаго сомнѣнія о дѣйствительномъ пребываніи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмай*, прочитаны были мною на шканцахъ всей командѣ. Къ лучшему удоспѣвренію многіе изъ служителей сами читали ихъ и признали руку обожаемаго своего Начальника, за что съ восклицаніемъ изъявили искреннюю благодарность почтенному *Такатаю-Кахи*. Всей командѣ дано было выпить по цѣлой чаркѣ водки за здоровье шѣхъ друзей, которыхъ въ прошломъ лѣтѣ мы почитали убишыми, и всѣ гошобы были на шѣхъ берегахъ окончили и свою жизнь.

При семъ случаѣ *Тайшо* сообщилъ мнѣ и свою великую радость. Онъ получалъ отъ сына своего изъ *Хакодаде* письмо и вопшъ какимъ спраннымъ образомъ Начальникъ ему оное доставилъ: по *Японскимъ* законамъ всякой подданный, возвратившійся изъ чужаго Государства, не можетъ ни съ кѣмъ имѣть никакого сообщенія. Начальникъ острова призвалъ его къ себѣ, опдашь наше письмо для доставленія намъ; а его письмо, онъ, прохаживаясь по комнашѣ будшо нечаянно выронилъ изъ кармана, какъ простую бумагу и не обращиваясь назадъ, далъ время и случай *Такатаю-Кахи* оное поднать; умный *Тайшо* шопчасъ догадался и намало не зашрудняя Начальника, поднялъ письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ. Въ ономъ письмѣ сынъ извѣщалъ его о весьма выгодныхъ приобрѣшеніяхъ по коммерческимъ его дѣламъ. Къ числу десятии его судовъ построено еще два большихъ. Мать его и любезная *Тайши* супруга, о жизни коей въ *Камтаткѣ* онъ сомнѣвался,

живы; но удрученная печалію супруга сдѣлала обѣтъ опираться на поклоненіе по всей *Японіи* къ знаменитѣйшимъ угодникамъ; въ сіе пилигримство она вскорѣ по полученіи извѣстія о нещастіи его, вступила и теперь совершаетъ. Одинъ богатый человѣкъ, вѣрный его другъ, коль скоро получилъ печальную объ немъ вѣсть, все свое имѣніе роздалъ бѣднымъ и сдѣлался пустынникомъ, скрывшись въ ошдаленныя горы. — Какой примѣръ истиннаго дружества! — Просвѣщенные *Европейцы*! Вы почищаете *Японцевъ* коварными, злобными и мстительными, чуждыми сладчайшихъ чувствъ дружества; — нѣтъ! вы заблуждаетесь. Въ *Японіи* есть люди, достойные имени человѣка, во всемъ смыслѣ сего благороднаго названія, и великія національныя добродѣтели, коимъ подражаніе не сдѣлаешь намъ снѣда; а паче доставишь большую похвалу. Я сказалъ доброму *Кахи*: ты, богатѣйшій человѣкъ; ибо имѣешь такого друга. — „Да, отвѣчалъ онъ, „я щастливъ, имѣя двухъ друзей.“ — Двухъ! примолвилъ я, какое множество! Сія мысль чрезвычайно ему понравилась. Въ томъ же письмѣ упомянуто, что во многихъ церквахъ друзья его совершали нѣсколько дней особня служенія о благополучномъ его возвращеніи. Сынъ заключаетъ свое письмо шѣмъ, что какъ онъ былъ предметомъ разговоровъ по всей почти *Японіи*, то общее мнѣніе всѣхъ было, что, ежели Богъ сохранитъ его жизнь въ *Россіи*, онъ непременно будетъ возвращенъ, и для *Японіи* послѣдуютъ ща-

спливныя перемѣны. Ушверждаясь на семъ мнѣніи, онъ не сомнѣвался о его прибытіи въ *Кунаширъ* и отправилъ заблаговременно письмо, долженствующее много его утѣшить. Этомъ день былъ для меня наипріятнѣйшимъ въ жизни. При отъѣздѣ нашего *Японскаго* друга на берегъ, команда изъявила желаніе прокричать ему: ура! Что и было съ восторгомъ исполнено.

26 Іюля *Такатай-Кахи*, по пріѣздѣ на шлюпъ, уведомилъ насъ паршикулярно, что изъ *Матсмая* пришла почта и въ отвѣтъ на наше письмо ѣдешь сюда на Императорскомъ суднѣ первый по *Матсмайской* Губернаторъ Начальникъ; при немъ *Курилецъ Алексѣй* и одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ *Русскихъ*. По мнѣнію *Такатай-Кахи* нашъ *Руской* не могъ быть офицеръ, какъ мы было всѣ заключили, а вѣрно мажоръ. По времени отправления судна изъ *Матсмая*, ему должно было сегодня или завтра сюда придти. Черезъ нѣсколько часовъ было усмотрѣно, что оно приближается къ заливу *Такатай-Кахи* призналъ его, по красному шарообразному знаку на парусѣ, судномъ Императорскимъ. Корпусъ его былъ весь выкрашенъ красною краскою, борды завѣшены полосатою матеріею, на кормѣ развѣвались три флага, каждый съ особеннымъ изображеніемъ; въ кормовой же часпѣ утверждены были четыре большія пики съ какими то чернѣющими на вершинахъ перевязками (по числу такихъ пикъ въ *Японіи* познается чинъ того, передъ кѣмъ ихъ несутъ); изъ селенія на встрѣчу Императорскому судну выѣзжали

байдары подъ флагами; каждая байдара подавала особой свой буксиръ и всѣ рядомъ буксировали оное судно къ селенію. При наступленіи темноты нельзя намъ было замѣтить, какая на берегу сдѣлана была церемоніальная встрѣча прибывшему Начальнику. *Такатай-Кахи*, уѣзжая на берегъ, далъ вѣрное слово завтра къ намъ побывать и объяснишь намъ, по какой причинѣ пріѣхалъ сюда Начальникъ.

Въ слѣдующій день увидѣли мы его идущаго вдвоемъ. Самаго *Такатай-Кахи* мы потчасъ узнали по привязанному къ его саблѣ бѣлому плашку. Въ разсматриваніи другаго также недолго затруднялись: какъ они шли рядомъ, то высокій его ростъ по временамъ совсѣмъ заслонялъ отъ нашихъ взоровъ *малорослаго* нашего, но *великаго* друга *Такатай-Кахи*. Всѣ сказали, что идетъ одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ мапировъ. Здѣсь я не могу не описать той трогательной сцены, которая происходила при встрѣчѣ нашихъ мапировъ съ подвившимся между ими изъ *Японскаго* плѣна товарищемъ. Въ это время часть нашей команды у рѣчки наливала бочки водою. Нашъ плѣнный мапиръ все шелъ вмѣстѣ съ *Такатай-Кахи*, но когда онъ спалъ сближась съ усмотрѣвшими его на другой сторонѣ рѣчки *Русскими*, между коими вѣроятно началъ распознавать своихъ прежнихъ товарищей, то сдѣлалъ къ самой рѣчкѣ три большіе шага, какъ надобно воображать, давленіемъ сердечной пружины, и оставилъ по крайней мѣрѣ въ девяти хорошихъ *Японскихъ* шагахъ нашего *малорослаго Такатай-Кахи*. Тогда всѣ наши мапировы, на

прошивной сторонѣ рѣчки стоявшіе, въ изумленіи нарушили черпу нейтралишета и бросились чрезъ рѣчку въ бродъ обнимать своего товарища по Христiански. Бывшій при работѣ на берегу офицеръ меня увѣдомилъ, что долго не могли узнать нашего плѣннаго матроза: такъ много онъ въ своемъ здоровьѣ перемѣнился! Подлѣ самой уже рѣчки всѣ воскликнули: *Симоновъ!* (такъ его звали) онъ, скинувъ шляпу, кланялся, оставался безмолвнымъ и привѣтствовалъ своихъ товарищей крупными слезами, капившимися изъ большихъ его глазъ. Сія шрогашельная сцена была возобновлена, когда онъ пріѣхалъ на шлюпъ. Я первый, съ нимъ поздоровавшись, спросилъ только о здоровьѣ всѣхъ оставшихся нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаѣ*. Онъ ошвѣчалъ: „Слава Богу, живутъ, хотя не такъ здоровы, особенно Шшурманъ опасно болѣнъ!“ Долѣе удовлетворялъ любопытству спрашивающимъ о моемъ другѣ *Васильѣ Михайловичѣ Головинѣ* я не смѣлъ, видя съ какимъ нетерпѣніемъ команда желала его принять въ свои дружескія объятія.

Съ пріѣхавшимъ на шлюпъ почтеннымъ *Такамасибъ-Кахи*, сошелъ я въ каюту. Онъ объявилъ мнѣ, что прибывшій въ *Кунаширѣ* первой по *Матсмайско* Губернаторъ Чиновникъ *Такахаси-Сампей* поручилъ ему сообщить мнѣ особые пункты; вынулъ памятную свою книжку и прочелъ слѣдующее: „*Такахаси-Сампей* свидѣтельствуемъ свое почитаніе *Каитатско-мц* Начальнику и извѣщаемъ его, что въ слѣдствіе, полученнаго отъ него въ *Матсмаѣ* письма, *Обунъ-О-Сампа* (Губернаторъ) предписалъ ему поспѣшить отправлені-

емъ въ *Кунаширѣ*, куда прибылъ на *Россійскомъ* военномъ кораблѣ *Камгатскій* Начальникъ, для изъясненія къ шакому высокому званію должнаго вниманія и сообщенія предварительныхъ пунктовъ по предмету освобожденія всѣхъ *Рускихъ*. *Такахаси-Сампей*, почувшамъ своимъ, крайне сожалѣетъ, что *Японскіе* законы не позволяютъ ему имѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ личныхъ съ *Камгатскимъ* Начальникомъ переговоровъ. Принимая большое участіе въ трудахъ, коимъ офицеры и команда *Россійскаго* военного корабля подвергаются въпоричнымъ приходомъ къ острову *Кунаширу* для освобожденія своихъ соотечественниковъ, и соболѣзнуя о случившемся съ ними непріятномъ происшествіи, привезъ онъ съ собою, съ позволенія *Матсмайскаго*, *Обунъю*, одного изъ плѣнныхъ *Рускихъ*. Для лучшаго обо всѣмъ удостовѣренія своихъ соотечественниковъ, ему позволено каждадневно навѣщать *Россійской* корабль съ условіемъ возвращаться къ ночи въ селеніе. *Такахаси-Сампей* проситъ *Камгатскаго* Начальника, принявъ избраннаго для переговоровъ довѣреннаго *Таката-Кахи* представляющимъ его лице, ибо онъ объявилъ, что свободно объясняется съ *Камгатскимъ* Начальникомъ.—За симъ слѣдовали официальные пункты.

1. Согласно съ нашимъ официальнымъ листомъ доставивъ *Японскому* Правленію свидѣтельственно за подписаніемъ также двухъ Начальниковъ съ приложеніемъ печашей, шочно ли *Хвостовъ* производилъ безъ вѣдома и согласія *Россійскаго* Правительсва законопрошив.

ные поступки на *мохнатыхъ Курильскихъ* островахъ и *Сахалинѣ*.

2. Извѣстно, что *Хвостовъ*, непріязненнымъ дѣйствіемъ въ селеніяхъ нашихъ, нарушилъ спокойствіе народа, присвоивъ себѣ право воспользоваться пшеномъ и разными товарами, принадлежавшими частнымъ людямъ и все собранное имъ имущество привезъ въ *Охотскъ*; въ числѣ коихъ находилась и наша воинская аммуниція, состоявшая изъ лапъ, стрѣлъ, ружей и нѣсколькихъ пушекъ. О первыхъ вещахъ, *Хвостовымъ* взятыхъ, *Японское* Правительство заключаетъ, что онѣ долговременности пришли въ совершенную негодность; но послѣднія по свойству своему не могутъ подвергнуться совершенной портѣ и быть включены въ смыслъ такого заключенія, какъ первыя; слѣдовательно онѣ должны быть *Японскому* Правительству возвращены: ибо въ послѣдствіи времени такія вещи могутъ представлять профей, какъ будто по праву завоеванія онѣ имѣютъ *Россіи* доставшіяся; какъ оныя онѣ употребленія не могутъ скоро повредиться, то можетъ быть онѣ въ самомъ *Охотскѣ* теперь и не находясь. Собрать же ихъ изъ разныхъ мѣстъ, хотя возможно было, но по причинѣ затрудненій въ пересылкѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ, *Японское* Правительство по скорости переперешнихъ обстоятельствъ останется довольнымъ, еслии онѣ *Охотскаго* Начальника доставится особое свидѣтельство, что никакихъ вещей, *Хвостовымъ* съ *Мохнатыхъ*

острововъ и *Сахалина* привезенныхъ теперь по строгому изысканіи въ самомъ *Охотскѣ* не находящіяся.

Нужно здѣсь замѣтить, съ какою тонкостью и учтивостію, *Японское* Правленіе намѣкаетъ (въ прошомъ даже мною предложенномъ смыслѣ, а на *Японскомъ* языкѣ конечно сіе выражено въ превосходной степени), что имъ все извѣстно ошъ возвратившагося *Японца Леонзайма*, какимъ образомъ поступлено съ ихъ увезеннымъ *Хвостовымъ* имуществомъ.

3. Относительно случившагося въ прошломъ лѣтѣ непріятнаго происшествія, упоминаемаго въ письмѣ *Камчатскаго* Начальника, даешь знать, что принявъ въ уваженіе тогдашняго обстоятельство, поступокъ Начальника *Россійскаго* военного корабля, по нашимъ законамъ признанъ былъ ошъ *Японскаго* Правленія справедливымъ и пошому въ официальномъ нашемъ листѣ ничего объ немъ не упоминается, а о томъ, что *Японскій* Начальникъ судна *Такатай-Кахи* увезенъ былъ въ *Камчатку* противъ его воли, *Японское* Правленіе не знаетъ, ибо въ полученномъ тогда же изъ *Кунашира* ошъ *Фнамоу* *Такатай-Кахи* письменномъ объявленіи упоминается, что онъ согласно со своимъ желаніемъ отправляется на *Россійскомъ* военномъ кораблѣ въ *Камчатку* съ чехырьми своими мап-розами и однимъ *мохнатымъ Курильцемъ*, копорыхъ Начальникъ *Россійскаго* военного корабля взялъ собою.

4. Въ заключеніе всего *Такахаси-Сампей* надеешь, что нынѣшняго же года *Россійскому* военному

кораблю возможно будетъ съ пребуемыми Японскими Правленіемъ свидѣтельствомъ и объясненіями возвращенія изъ Охотска въ Хакодаде, гдѣ онъ и другой на листъ подписавшійся Начальникъ Коодзимо-Хіогороо будутъ ожидать Клигетскаго Начальника, для принятія отъ него оныхъ свидѣтельствъ и объясненій лично, съ должными по нашимъ законамъ обрядами, увѣряя о непреложномъ нашемъ общаніи просить въ Эддо возвращенія всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ, при изъявленіи теперь искренняго желанія Россійскому военному кораблю благополучнаго плаванія и скорого въ Хакодаде возвращенія. Симъ окончалъ почтш-ный Такатай-Кахи возложенное на него по особой довѣренности порученіе; а я, будучи во все время шревожимъ величайшимъ неперѣнїемъ поговорилъ наединѣ съ нашимъ плѣннымъ машрозомъ, вышелъ потчасъ въ особую каюшу, куда былъ введенъ и машрозъ. Онъ, осмошрѣвшись, что насъ только двое, началъ порошъ свой ворошникъ и вынулъ отпуда въ нѣсколько разъ искусно свернутый кругомъ исписанный шонкій Японскій листъ бумаги, подалъ мнѣ оный и сказалъ: „вошъ вамъ цисьмо „отъ Василья Михайловича, которое удалось мнѣ „скрыть отъ хипрыхъ Японцевъ. Въ немъ описанына- „ши спраданія и совѣны, какъ вамъ должно съ ними „посшупать.“ Принимая отъ него сіе, казавшееся для меня одушевленнымъ, письмо, я нѣсколько разъ глазами пробѣжалъ всѣ строки; но отъ неизъяснимаго волнованія души, происходившаго частію отъ боязни узнать что нибудь ужасное, и отъ восшорга, порожден-

наго такою неожиданностію не могъ ничего прочиташъ; пунѣ же приложены были маленькіе лоскушки бумагъ, удивительно, какъ мѣлко исписанные *Г. Хлѣбниковымъ*. Немного успокоившись, я все прочиташъ, и обрадовался усмотрѣвъ, что несчастные питаются нѣкошорю надеждою о возвращеніи въ свое отечество.

Вотъ почная копія съ письма *Г. Головинна*.

„Любезнѣйшій другъ *П. И.* Кажется *Японцы* начинаютъ понимать всю истину нашего дѣла, и увѣряются въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашего Правительсва, а также и въ томъ, что поступки *Хвостова* были самовольны безъ вѣдома Начальсва и къ большому неудовольствію Государя; но имъ нужно на сіе формальное увѣреніе ошъ начальника какой нибудь нашей Губерніи или обласпи, съ приложеніемъ казенной печати. Есть надежда, что они, увѣрившись въ хорошемъ къ нимъ расположеніи *Россіи*, войдутъ съ нами въ торговыя связи, ибо теперь они начали понимать бездѣльническіе поступки *Голландцевъ*; мы имъ сказали о письмѣ, перехваченномъ *Англичанами*, въ которомъ *Голландскіе* переводчики хвастаются, что успѣли въ *Нагасаки* поссорить *Резанова* съ *Японцами*; но если станете съ *Японцами* сноситься, то будьте осторожны и не иначе переговаривайтесь, какъ на шайоикахъ далѣ пушечнаго выстрѣла ошъ берега; при томъ не огорчайтесь медленностію *Японцевъ* въ рѣшеніяхъ и ошвѣдахъ; мы знаемъ, что у нихъ и свои неважныя дѣла, кошорыя въ *Европѣ* кончили бы въ день или въ два, тянутся по мѣсяцу и болѣе; вообще же я вамъ совѣтую не выпускашъ изъ виду 4 главныхъ

вещей: имѣть осторожность и перитіе, наблюдать учтивость и держаться откровенности.

Отъ благоразумія вашихъ поступковъ зависить непомно наше избавленіе, но и немалая польза для опечесства; я надѣюсь, что шепершнее наше нещастіе можетъ возврашть *Россіи* ту выгоду, копорую она пошеряла отъ бѣшенана нрава и безразсудности одного человѣка; но естѣли паче чаянія, дѣла возьмутъ другой оборотъ, то какъ можно вѣрнѣ, подробнѣ и обстоятельнѣ опшберште мое мнѣніе по сему предмету отъ посланнаго машпроза и доспавъште оноо Правительству; обстоятельсшва не позволили посланнаго обремѣнить бумагами, и пошому мнѣ самому на имя Министра писашъ нельзя; но знайте, гдѣ чешъ Государа и польза опечесства шребующъ, шамъ я жизнь свою въ копѣйку не спавлю, а пошому и вы въ шакоемъ случаѣ меня не должны щадить: умереть все равно, шеперь или лѣтъ черезъ 10 или 20 послѣ; по моему мнѣнію шакже все равно, бытъ убишу въ сраженіи, или отъ злодѣйской руки; ушонушь въ морѣ или покойно умереть въ постелѣ, смершь все одна смершь, шолько въ разныхъ видахъ. Прошу шебя, любезной другъ, написашъ за меня къ моимъ братьямъ и друзьямъ; можетъ бытъ, мнѣ еще опредѣлила судьба съ ними видѣться, а можетъ бытъ нѣтъ; скажи имъ чшобы въ семъ послѣднемъ случаѣ они не печалились и не жалѣли обо мнѣ, и чшо я имъ желаю здорovia и щасшія.—Еще прошу шебя, ради Бога, не позволяй никому къ намъ писашъ и ничего не посылай, чшобы намъ здѣсь не докучали переводами и вопросами,

а напиши ко мнѣ самъ о вашемъ рѣшеніи маленькое письмо. Посланному маэпрозу прошу тебя изъ оставшагося послѣ меня имѣнія выдать 500 рублей (1). Товарищамъ нашимъ Гг. Офицерамъ мое усерднѣйшее почтеніе, а командѣ поклонъ; я очень много чувствую и благодарю всѣхъ васъ за великіе труды, которые вы принимаете для нашего освобожденія. Прощай, любезный другъ П. И. и вы всѣ любезные друзья; можетъ быть это послѣднее мое къ вамъ письмо, будьте здоровы, покойны и щасливы, преданный вамъ

Василій Головинъ.

Апрѣля 10 1813 года.

Въ городѣ Хакодаде
въ Японской шюрмѣ.

Въ семь писемъ Г. Головинъ совѣщывалъ мнѣ не полагаться на сомнительную искренность Японцевъ; а сверхъ того онъ наставлялъ маэрозу пересказать мнѣ о всѣхъ содѣлавшихся ему извѣстными средствахъ, какъ при непріязненномъ оборотѣ дѣла поступать противу Японцевъ; но добродушный нашъ маэрозъ столь много былъ расстроганъ отъ восторга, увидѣвъ себя перенесеннымъ изъ шюрмы къ своимъ сослуживцамъ, что онъ во все время казался быть полоумнымъ; сколько я ни старался заставить его пересказать мнѣ сдѣланное ему Г. Головинъмъ наставленіе, онъ всегда отвѣчалъ одно и тоже:

(1) Г. Головинъ полагалъ, что Симоновъ при семъ случаѣ совершенно будетъ освобожденъ и возвратится въ отечество.

„о чемъ вы меня спрашиваете, когда въ письмѣ *Василья Михайловича* все описано,“ и самъ, какъ ребенокъ, заливаясь слезами, безпрестанно твердилъ: „изъ Японской тюрьмы я вышелъ одинъ; а тамъ нашихъ 6 чело-вѣкъ спрадаютъ. Я боюсь, продолжалъ онъ, что ес-ть ли я къ нимъ скоро не возвращусь, что-бъ хитрые Японцы не поступили съ ними худо.“ Таковъ былъ прямо добрый, но весьма глупый нашъ вѣспникъ. Имѣя *Такатая - Кахи* испытаннымъ въ вѣрности для нашего дѣла посредникомъ, я опираясь на благородную его грудь, какъ на твердую скалу, не имѣлъ надобности ограждать себя излишнею противу Японцевъ оспорожностію; а потому и самое письмо *Г. Головинна* мнѣ было полезно шокмо въ томъ, что изъ онаго я совершенно узналъ, чего Японское Правительство пре-буетъ опъ нашего, что безъ сомнѣнія было весьма важ-нымъ для насъ приобрѣщеніемъ. Удовлестворивъ своему любопытству распросами о настоящемъ положеніи на-шихъ все еще несчастныхъ сослуживцевъ, къ вечеру усерднаго нашего друга *Такатая-Кахи* и добраго маи-роза свезли на берегъ. Перваго просилъ я сообщить въ опвѣсть *Такахаси-Сампею*, что завпра же, ес-ть ли позволишь въишь, *Россійской* корабль опправившя въ *Охотскъ*, и что мы не замедлимъ нашимъ приходомъ нынѣшняго же лѣша въ *Хакодаде* со всѣми требуемы-ми Японскимъ Правленіемъ свидѣтельствами и объ-ясненіями. Въ особенності просилъ я его изъавишь об-щую нашу чувствительную призывательность *Такахаси-Сампею* за хорошее его къ намъ расположеніе, и

особенно за доставленіе свиданія съ нашимъ плѣннымъ манпрозомъ.

На другой день, 9 числа Іюля, мы съ ними совсѣмъ распрощались. При семъ случаѣ *Гакатай-Кахи* привезъ для команды ширша рыбъ. Мнѣ весьма было при-скорбно, что онъ изъ предлагаемыхъ нами ему въ подарокъ вещей не принялъ ничего, кромѣ небольшого количества головного сахару, чаю и *Французской* водки; даже все свое, довольно дорогое имущество оставилъ онъ у насъ на моемъ попеченіи, говоря, что въ *Хакодаде* мы съ нимъ вскорѣ опять увидимся. — „Тамъ, говорилъ онъ, безъ всякаго препяшствія я буду имѣть щасіе получить отъ васъ въ знакъ дружбы предлагаемые мнѣ теперь подарки, а здѣсь, по нашимъ законамъ, много мнѣ будешь затрудненія отдавать отъ себя въ каждой маловажной, отъ васъ полученной вещи.“ На это я ему отвѣчалъ: „въ приняши подарковъ я не смѣю настаивать по законамъ вашей земли; но собственности свою ты долженъ отъ насъ взять, ибо тебѣ извѣстно, что путь моремъ подверженъ ежечасной опасности.“ „Какъ! возразилъ онъ, при такомъ явномъ посредствѣ Небесъ, можно тебѣ объ этомъ тревожиться? *Цисей, Цисей Тайшо,*“ сказалъ онъ съ весьма выразительнымъ видомъ, т. е. малодушіе, малодушіе, Начальникъ! много еще осмѣаешься для плаванія благопріятнаго времени, припомъ вы, продолжалъ онъ, люди мудрые, умѣете смотрѣть на небо (т. е. дѣлашь *Астрономическія* наблюденія); а чѣмъ же ты безпокойшься? Твой видъ мнѣ не нравится; ты, какъ я вижу, озабоченъ не мо-

ею ничтожною собственностію, о которой мое намѣреніе было просить у тебя позволенія раздать теперь твоимъ мапрозамъ; но видя тебя встревоженнымъ, безъ сомнѣнія ошъ того, что ты не имѣешь надежды нынѣшняго лѣта окончашъ дѣла съ успѣхомъ, я долженъ заключить, что твои мапрозы, все еще неимѣющіе ко мнѣ полной довѣренности, дѣйствительно подумаютъ, что я раздаю имъ свои вещи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы болѣе уже съ ними не выдаваться, и такъ оставимъ всѣ сіи бездѣлицы до щасливаго нашего свиданія въ *Хакодаде*; *Тенъ Тайшо!*“ Это по нашему словарю значило: надѣйся на Бога, Начальникъ. Проницательный и благородный *Кахи* дѣйствительно не ошибся въ своихъ заключеніяхъ. Чиспатель самъ можетъ поспигнуть, что я имѣлъ причины превозмощиться. Проводивъ его на берегъ, и не взирая на прошивной вѣтръ, мы пошчасъ снялись съ якоря, чтобы выйти въ пространство залива. Перебравшійся вскорѣ вѣтръ, позволилъ намъ безпрепятственно продолжать предпріятый путь; чрезъ 15 дней самаго пріятнаго и благополучнаго плаванія прибыли мы къ *Охотскому* порту и спали на якорь.

Объ успѣшной нашей къ *Японскимъ* берегамъ кампаніи и обо всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ извѣстилъ я *Охотскаго* портоваго Начальника. Вскорѣ получилъ я ошъ него требуемое *Японскимъ* Правительствомъ свидѣтельство и особо присланное ошъ *Г. Иркутскаго* Губернатора, дружественное письмо къ *Матсмайскому* Губернатору съ объясненіемъ всѣхъ дѣлъ, относящихся къ сему предмету. Сверхъ того, для переводовъ съ *Япон-*

скаго языка поступилъ на шлюпъ присланный изъ Иркутска Японецъ Киселевъ.

На Охотскомъ рейдѣ простояли мы 18 дней, занимаясь въ сіе время перевозкою изъ порша нужныхъ морскихъ провизій и другихъ вещей, исправленіемъ нѣкоторыхъ частей шлюпа, примѣшнымъ образомъ повредившихся. 11 Августа, бывъ совсѣмъ готовъ къ отплытію въ шрелій разъ къ Японскимъ берегамъ, съ лестною надеждою при Божей помощи совершивъ освобожденіе нашихъ несчастныхъ сослуживцевъ, помнящихся въ заключеніи, ошлужили мы на шлюпъ молебень съ водоосвященіемъ и во время провозглашенія многолѣтія Его Императорскому Величеству, сдѣланъ былъ со шлюпа салютъ изъ всѣхъ орудій, коихъ звуки опозвались въ душѣ каждого изъ насъ и усугубили вѣрнопопдадническую любовь къ Всемилостивѣйшему Монарху Благословенному Александру, ошечески пекущемуся о каждомъ изъ его подданныхъ; несчастному жребію подпавшемъ, въ то время, когда успроеніе учаспи всей Европы было важнѣйшею его заботою (1).

Въ числѣ посѣдившихъ насъ въ сей день, предвѣстникъ нашихъ радостей былъ Начальникъ порша Г. Миницкій со своею любезною супругою Евгенією Николаевною, ошважившеюся, пріемля въ нашемъ дѣлѣ ис-

(1) Мы узнали, что Всемилостивѣйшій Государь повелѣлъ изъ здѣшнихъ, около 10 тысячъ верстъ ошстоящихъ отъ его столицы поршовъ, ошправивъ экспедицію для освобожденія Капитана Головнина съ прочими.

креннѣйшее участіе, подвергнуть себя большой опасности отъ всегдашняго движенія на здѣшнемъ открытомъ рейдѣ морскихъ волнъ, въ коихъ за годъ передъ симъ временемъ въ подобномъ перѣздѣ ея су-
пругъ едва не погибъ; — она была первая и послѣдняя *Русская* дама, почтившая шляпъ своимъ на него прѣз-
домъ; а потому имѣетъ полное право на торжественную нашу признательность, которую я при семъ случаѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ отъ имени всѣхъ офице-
ровъ свидѣтельствую. Во время служенія молебна коле-
баніе шляпа было столь велико, что всѣ почти берего-
вые наши гости, кромѣ сей молодой героини, подверглись
спраданію морской болѣзни; она же вмѣстѣ съ нами нахо-
дилась при совершеніи молебна, и казалось, что молилась
и за всѣхъ тѣхъ чувствительныхъ *Россійнокъ*, коихъ сер-
дца отъ вѣспи о постигшемъ насъ несчастіи наполнялись
соболезнованіемъ и желаніемъ освобожденія плѣнныхъ.

По опривлєніи нашемъ въ предназначенный путь, про-
тивные южные вѣтры, господствовавшіе вдоль полуо-
ва *Сахалина*, не допустили насъ прежде 20 дней придти
на видѣ береговъ оспрова *Матсмая*; а къ *Волканиге-*
скому заливу, гдѣ находилась избранная мною безо-
пасная гавань *Эдомо*, подошли 10 Сентября. На ближай-
шемъ мысу усмотрѣли мы строеніе и видѣли по берегу
идущихъ людей. Шестъ часовъ благополучнаго вѣтра и
мы вошли бы въ самую гавань; но на морѣ временемъ не
располагають. Къ ночи противный вѣтръ усилился и
наконецъ превратился въ бурю, которая къ утру насъ

удалила изъ виду береговъ. Признаки начавшейся бури удостоверили насъ, что насталъ періодъ равноденственныхъ вездѣ господствующихъ сильныхъ вѣтровъ и какъ извѣстно изъ описаній мореплавателей, свирѣпствующихъ болѣе, нежели гдѣ нибудь у сихъ береговъ. Мы начали сомнѣваться въ возможности пристать сею осенью къ берегамъ *Японіи*. Я рѣшился въ случаѣ неудачи не возвращаться уже въ *Каматку*, гдѣ много теряется времени по причинѣ продолжительной зимы; а ипши для отдохновенія мѣсяца на три на *Сандвичевы* острова, пока не возстановится у сѣверныхъ *Японскихъ* береговъ свободное плаваніе, которое начинается съ Апрѣля мѣсяца. Сообщивъ сіе намѣреніе Гг. Офицерамъ, я рѣшился держаться у здѣшнихъ береговъ до 1 Октября; а потомъ уже пуститься къ *Сандвичевымъ* островамъ; для такого продолжительнаго времени нужно было уменьшить порцію воды; всѣ на шлюпѣ весьма охотно согласились терпѣть нѣкоторой недостатокъ, лишь бы не теря времени окончить начатое сношеніе съ *Японцами* и скорѣе избавить изъ плѣна своихъ сослуживцевъ; но къ великой нашей радости бурныя погоды продолжались только 12 дней и возстановившіеся опять тихіе перемѣнные вѣтры заставили насъ, какъ по обыкновенно бываетъ съ мореплавателями, забыть прошедшія свирѣпыя бури. Одно только печальное происшествіе напоминаемъ возмущало наше спокойствіе. Мы имѣли нещастіе лишиться опытнаго и усерднаго матроза, которому, при убираніи въ сильный вѣтрѣ парусовъ, при-

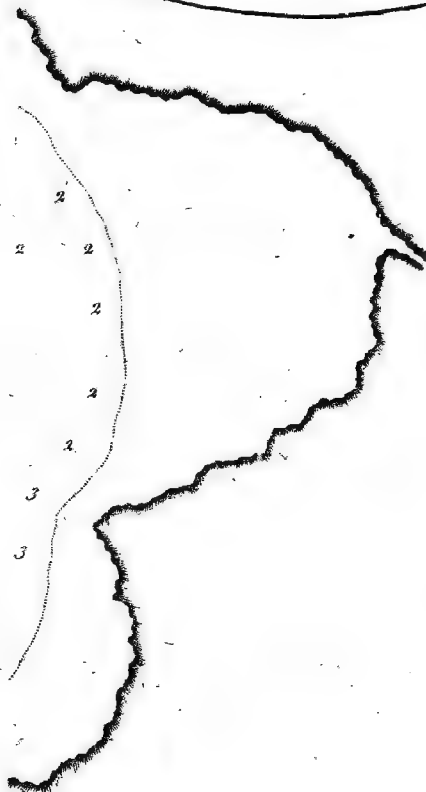
ключился ударъ и когда его спустили на низъ, медицинскія пособія оказались недостаточными; онъ былъ уже бездыханнымъ; надлежало бы въ тошъ же моментъ лекарю взлѣзть на верхъ; но къ несчастію нашъ былъ изъ армейской службы, непривыкшій къ такой вертикальной прогулкѣ, впрочемъ искусный и усердный человѣкъ (1). Смерть сего добраго мажоранта, въ горестномъ нашемъ положеніи, была для всѣхъ крайне прискорбна. По совершеніи *Христіанскаго* обряда, при опущеніи шлюза въ море не могъ я, видя всю почти команду въ слезахъ, удержатъ и своихъ слезъ: эту дань мы невольно свидѣтельствовали своему шестилѣтнему сослуживцу: и въ какой службѣ? Чисташель видѣлъ, что путь нашъ не розами былъ усыянъ; немногіе могутъ понять, какимъ чувствомъ дружбы связуется на одномъ кораблѣ маленькое общество, оплеченное на столь долгое время отъ друзей и родственниковъ.

22 числа, входя въ тошъ же *Волканитеской* заливъ, въ 9 часовъ утра увидѣли мы идущія къ шлюпу прибайдары. Я послалъ на шлюпокъ встрѣпить ихъ Лейтенанта *Филатова*, который вскорѣ съ оными вмѣстѣ присталъ къ борду. На байдарахъ находилось 16 человѣкъ *Японцевъ*. Они безбоязненно, по приглашенію нашему, вошли на палубу. Изъ опѣшговъ ихъ на вопросы наши, гдѣ находишься гавань, узнали мы, что она

(1) Это былъ не тошъ лекаръ, которой совершилъ съ нами путешествіе изъ *Кронштата*; онъ за болѣзнію отправленъ былъ въ *Петербургъ*.

ПЛАНЪ
ПОРТА ЭДЕРМО,
называемаго Японцами Эдомо,
находящагося въ NW-ѣ сторонѣ
ВОЛКАНИЧЕСКАГО ЗАЛИВА.

Въ селѣ портъ стрѣль на морѣ, въ 1813 году
Императорскіи шлюпы Діана, подъ
командою Капитана Рибора.

Его ширина шир. N^ѣ 42. 21. 15. Долг. O^ѣ 146. 36.

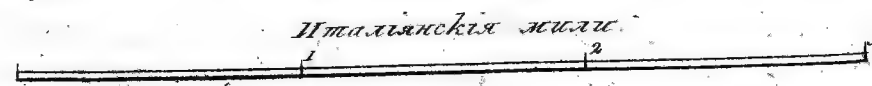

ПЛАНЪ
ПОРТА ЭДЕРМО,
называемаго Японцами ЭДОМО,
находящагося въ NW-ой сторонѣ
ВОЛКАНИЧЕСКАГО ЗАЛИВА.

Въ сѣнь порта стрѣла на якорѣ, въ 1813 году
Императорскій флотъ Гіакима, подъ
командою Капитана Рикорда.

ЗАЛИВЪ
ВОЛКАНИЧЕСКОЕ

Отъ моря
въ время отлива

Якорного места Шир. N° 42. 21. 15 Долг. O° 146. 56.

лежала отъ насъ къ югу въ двухъ верстахъ, за выдавшимся мысомъ, называлась, по словамъ ихъ, *Сансарою* и имѣла глубины 20 сажень. Они прѣхали на шлюпѣ изъ одного любопытства видѣшь иностранное судно. Но какъ намѣреніе наше было иппи въ гавань *Эдомо*, которая была посѣщаема въ 1796 году Капитаномъ *Бртономъ*, то мы и желали, чѣмобъ они проводили насъ къ оной; но не имѣя конечно на сіе отъ своего начальства приказанія, они не согласились на наше требованіе и скорѣ ославили шлюпъ. Изъ описанія, сообщеннаго *Бртономъ*, мы надѣялись однако сами найши ее безъ затрудненія. При насъавшемъ отъ востока вѣтрѣ сшали править въ *Эдомо*. Къ полудню увидѣли прямо по курсу довольно большое селеніе и на возвышенности башарею, завѣшанную бумажными занавѣсами. Изъ вышеупомянутаго селенія прѣхала къ намъ *Японская* байдара, на коей было 13 человекъ *мохнатыхъ Курильцевъ*, по *Японски Айну* называемыхъ. Съ сими гребцами прѣхалъ *Японецъ*, по имени *Лезо*; одинъ изъ прислужниковъ *Таката-Кахи*, бывшій съ нимъ въ *Камгаткѣ*, и опущенный нами въ *Кунаширѣ* сего лѣта въ первое наше прибытіе къ сему острову. *Лезо* объявилъ намъ, что, въ силу соглашенія съ обѣихъ сторонъ, въ *Кунаширѣ* сдѣланнаго, онъ присланъ отъ *Матсмайскаго* Губернатора служить на шлюпѣ доцманомъ для препровожденія онаго въ гавань *Хакодаде*. Сверхъ сего приказано ему спросить, не имѣемъ ли мы въ чемъ нужды, съ увѣреніемъ, что здѣшнее начальство получило приказаніе снабдить насъ всѣмъ

нужнымъ; но какъ мы не имѣли ни въ чемъ недостатка, кромѣ прѣсной воды, то и воспользовались ихъ благосклонностію только въ томъ, что отправили на байдарѣ 50 пустыхъ боченковъ, прося мѣснаго Начальника, наливъ ихъ водою, доставивъ на шлюпъ. Пришедъ на глубину 11 сажень при иловатомъ грунѣ, спали на якорь.

Поутру слѣдующаго дня пріѣхала изъ селенія *Эдо* шаже байдара, которая пріѣзжала вчерашняго дня и съ тѣми же людьми. На ней привезли наши боченки, наливъ водою; а сверхъ сего свѣжей рыбы и рѣдки въ подарокъ отъ Начальника. Поднявъ боченки на шлюпъ, мы отправили байдару съ другими 20 боченками для прѣсной воды на берегъ, приказавъ благодарить Начальника за присланную отъ него рыбу и зелень. Къ вечеру доставлена намъ была вода на той же байдарѣ. Пользуясь ясною погодою, мы исправляли повредившійся отъ крѣпкихъ вѣтровъ, при переходѣ изъ *Охотска* до сего мѣста, шакелажъ и другія на шлюпъ оказавшіеся недостатки.

На другой день по утру привезли *Японцы* 20 боченковъ воды и взяли съ собою 35 пустыхъ боченковъ, которые въ вечеру обратно доставлены были съ водою. Послѣ полудня на байдарѣ, привозившей воду, прислано было свѣжей рыбы и зелени такое количество, что можно было удовольствоваться всю команду. За сіе *Японцы* не соглашались взять отъ насъ никакой платы не смотря на всѣ наши убѣжденія.

26 числа поутру на пріѣхавшей къ намъ съ водою

байдарѣ привезено было письмо отъ Капитана *Головнина* изъ *Хакодаде*, въ коемъ онъ уведомлялъ меня, что при появленіи нашемъ у помянутой гавани будутъ поднимать на горѣ бѣлой флагъ, и присланъ къ намъ находившійся прошлаго года у насъ *Такатай - Кахи*, котораго шеперь послашь, не донеся *Матсмайскому* Губернатору, по *Японскимъ* законамъ нельзя, и что мы можемъ въ оную гавань отправиться съ его мапрозомъ *Лезо*, знающимъ лоцманское дѣло. Письмо сіе было опвѣстомъ на писанное мною къ *Японскимъ* Чиновникамъ въ первый день прибытія нашего, въ которомъ я извѣялъ сомнѣніе въ искренности желаемого *Японцами* сношенія, приводя доказательствомъ, что вмѣсто обѣщаннаго при соглашеніяхъ въ *Кунаширѣ Такатай-Кахи* или другаго *Японскаго* Чиновника, для нашей встрѣчи присланъ одинъ только мапрозъ. *Японецъ Лезо*, какъ выше упомянуто, пріѣхалъ къ намъ на байдарѣ и я согласился взять его вмѣсто лоцмана. Наливши здѣсь безъ всякаго затрудненія всѣ свои порожнія бочки прѣсною водою и исправя все нужное, въ 10 часу вспустили мы подъ паруса. На другой день въ 8 часовъ вечера изъ за мыса, впереди насъ находившагося, открылись во многихъ мѣстахъ по *Матсмайскому* берегу огни, изъ которыхъ одинъ особенно отличался отъ прочихъ величиною и ясностію. Вскорѣ за симъ появились идущія къ намъ двѣ байдары; на одной, подъ бѣлымъ флагомъ съ двумя зажженными фонарями, пріѣхалъ къ намъ благородный и усердный *Такатай - Кахи*. Мы обрадовались чрезвычайно его прибытію, и онъ со своей

стороны не менѣе показывалъ радости, видя, что желаніе его, которое онъ нерѣдко въ бытность свою у насъ изъяслялъ, нынѣ на самомъ дѣлѣ исполняется. По повелѣнію Начальства онъ пріѣхалъ проводить шлюпъ нашъ въ *Хакодадейскую* гавань. Вмѣстѣ съ нимъ для сего же, прибылъ главной портовой Чиновникъ. По ихъ распоряженію, въ половинѣ 9 часа вечера спали мы на якорь, не входя еще въ *Хакодадейской* заливъ, въ томъ мѣстѣ, которое *Японцами* называется *Ямаси-Томиури*, то есть якорное мѣсто при восточномъ вѣтрѣ, и гдѣ обыкновенно останавливаются суда ихъ при ономъ вѣтрѣ, препятствующемъ входить въ *Хакодадейскую* гавань. По окончаніи необходимыхъ работъ на шлюпѣ, мы съ величайшимъ удовольствіемъ и неперпніемъ вступили въ разговоры съ добрымъ нашимъ *Такатаемб-Кахи*, съ которымъ мы, при помощи переводчика Г. *Киселева*, могли теперь обо всемъ объясняться съ большею прошивъ прежняго удобностію. На первый нашъ вопросъ, гдѣ находятся соотечественники наши, сказалъ онъ намъ: что они живутъ здѣсь въ *Хакодаде*, и что для окончательныхъ переговоровъ и выдачи ихъ, прибылъ уже изъ города *Матсима* самъ Губернаторъ *Хаттори-Бинеоно-Ками*. Мы разговаривали съ нимъ дружески о многихъ другихъ обстоятельствеяхъ, заслуживавшихъ наше и его любопытство, и сообщили ему то, что послѣ нашей съ нимъ разлуки, въ *Россіи* извѣстно спало, а особливо о конечномъ пораженіи *Французовъ*. Онъ утѣхалъ отъ насъ, исполненный радости наипаче о послѣднемъ обстоятельстве, въ кошо-

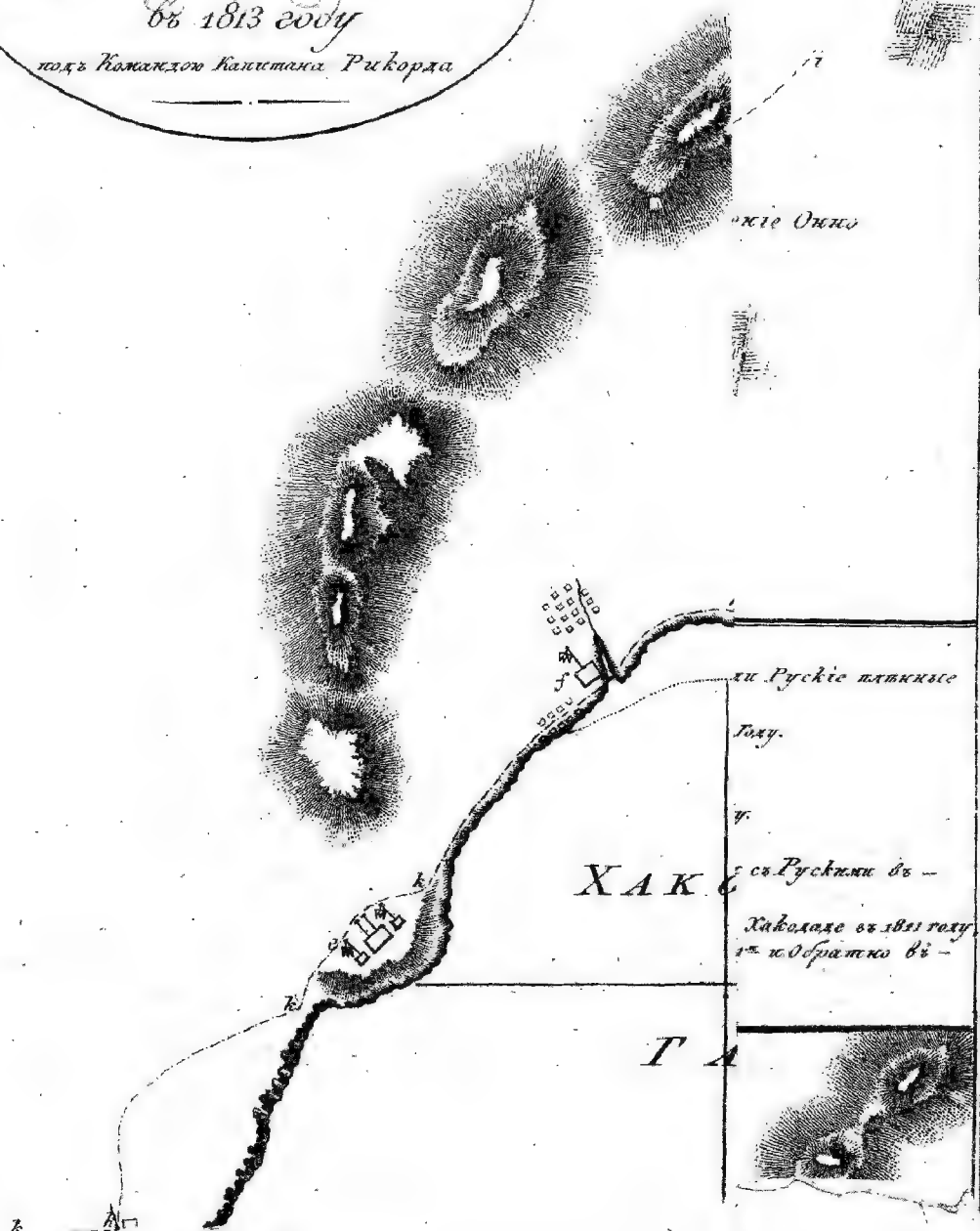
ПЛАНЪ

ПОРТА ХАКОДАДЕ

куда заходили японскіе Паруса

въ 1813 году

похъ Командою Капитана Рикорда

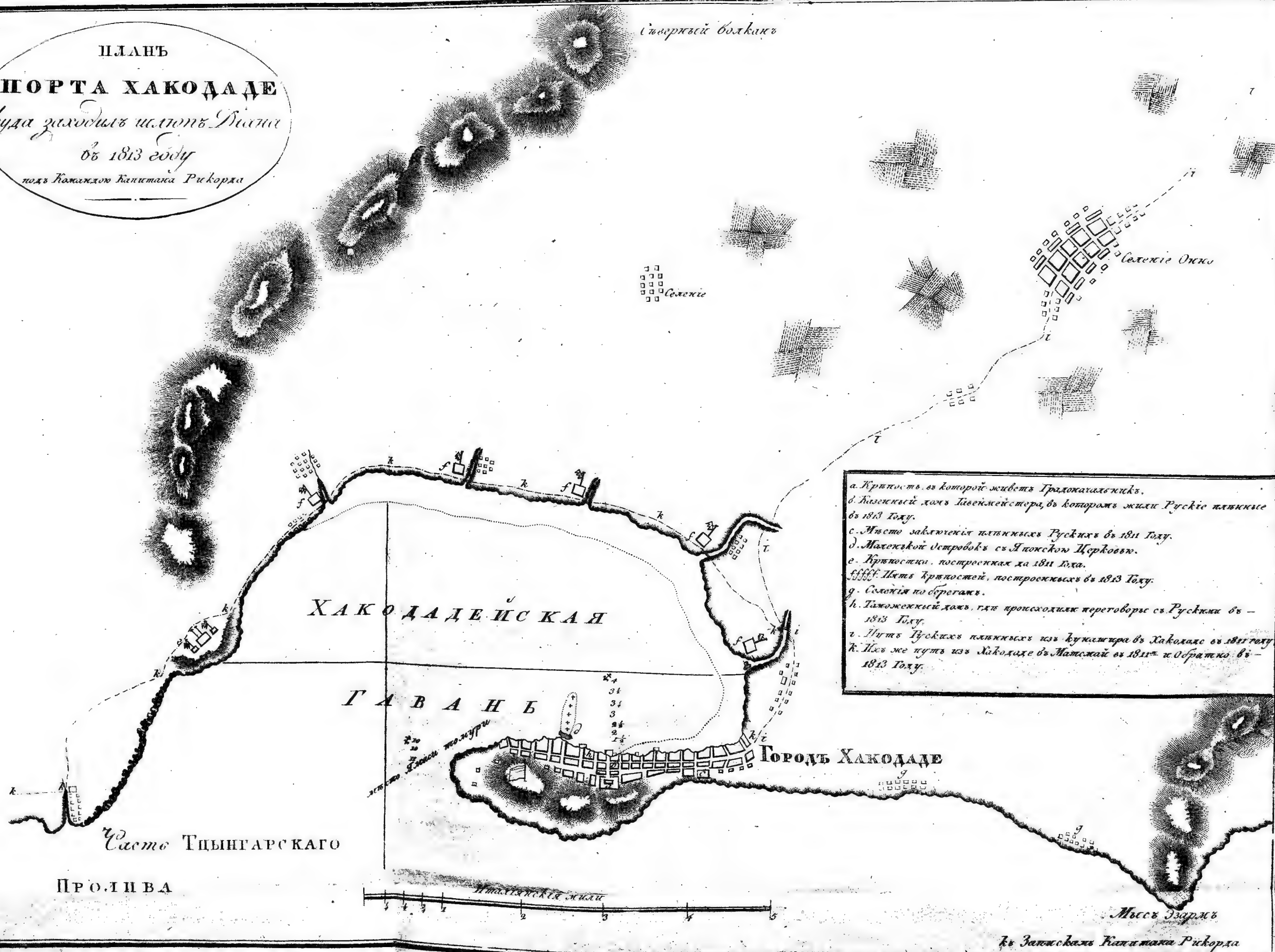
ПЛАНЪ

ПОРТА ХАКОДАДЕ

куда заходилъ шлюпъ Рикорда

въ 1813 году

по дѣламъ Капитана Рикорда

ромъ онъ принималъ искреннее участіе, и давъ обща-
ніе пріѣхашъ на другой день, чѣмъ въвести шлюпъ въ
гавань. Черезъ всю ночь во многихъ мѣстахъ по берегу
видны были огни и одна дозорная байдара, въ близкомъ
ошъ насъ разстояніи на якорѣ стоявшая, не оставля-
ла насъ до самаго ошхода съ сего мѣста.

28 Сентября поушру пріѣхалъ къ намъ *Такатай-Кахи*. Мы, снявшись съ якоря, спали лавировашъ въ
Хакодадѣйской заливъ и черезъ нѣсколько часовъ шлюпъ
поспавленъ былъ, по назначенію его, въ самомъ луч-
шемъ мѣстѣ на якорѣ, разстояніемъ ошъ города менѣ
пушечнаго выстрѣла. Послѣ сего объяснилъ онъ мнѣ за-
коны своей земли въ разсужденіи *Европейскихъ* судовъ:
что намъ запрещается ѣздить на шлюпкахъ по гавани,
что во все время нашего здѣсь пребыванія при шлюпѣ бу-
детъ находиться день и ночь караульная лодка, и что
все нужное для насъ съ берегу будетъ привозимо на
особыхъ казенныхъ лодкахъ; также, что спрогимъ въ
городѣ ошъ Начальства объявленіемъ запрещается жи-
телямъ ѣздить на *Россійскій* корабль.

Къ вечеру поѣхалъ онъ ошъ насъ на берегъ, для
подробнаго извѣщенія своего Начальства объ исполне-
ніи возложенныхъ на него порученій въ поспановленіи
Россійскаго корабля въ опредѣленномъ мѣстѣ на якорѣ,
общаясь на другой день къ намъ пріѣхашъ.

Городъ *Хакодадѣ* (1), второй по величинѣ своей
на семъ островѣ, лежитъ въ южной части онаго на

(1) Смори планъ.

покашости высокой круглой горы, возвышающійся на полуостровѣ, омываемомъ съ южной стороны *Сангарскимъ* проливомъ; а съ сѣверной и западной пространнымъ *Хакодадескимъ* заливомъ, весьма удобнымъ для помѣщенія большого флота (1). Съ восточной стороны полуостровъ соединяется узкимъ и низкимъ перешейкомъ, чрезъ который видно открытое море и низкая земля. По сѣверную сторону залива, простирается обширная долина, имѣющая 15 или 20 миль въ окружности, ограничиваемая съ трехъ сторонъ хребтами высокихъ горъ. Посреди сей долины лежишь большое селеніе *Онно*, въ которомъ жишели особенно прилежатъ къ земледѣлю; въ другихъ же приморскихъ мѣстахъ главный промыселъ жишелей состоишь большею частію въ рыбной ловлѣ. О сихъ подробностяхъ узналъ я по возвращеніи нашихъ плѣнныхъ; они были ведены чрезъ помянутый городъ, и по дорогѣ видѣли всю сію просторную долину, обработанную наилучшимъ образомъ, чего въ другихъ мѣстахъ не замѣтили. Сія гора, при которой лежишь городъ, можетъ для приходящихъ судовъ служишь самымъ лучшимъ примѣшнымъ знакомъ для входа въ заливъ, какъ по круглой своей фигурѣ, показывающейся въ отдаленности, такъ и потому, что стоишь совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ на довольно-ное разстояніе. Съ западной стороны она кончигся высокими отрубамъ, изъ которыхъ въ одномъ естъ большая пещера, издалека съ моря усматриваемая.

(1) Смотри каршу сего залива.

Съ южной и западной спороны полуострова берегъ весьма *приглубый*, не имѣешь никакихъ отмѣлей или подводныхъ камней, и къ нему можно безопасно подходить на близкое разстояніе; съ сѣверной же спороны въ заливъ къ городу берегъ имѣетъ отмѣли и близъ онаго спановаясь только небольшія суда. Отъ выдавагося по срединѣ города мыса идетъ почти на одну широту сего залива каменной рифъ неравной глубины. Къ сѣверной и восточной споронамъ залива глубина къ берегу поспешенно уменьшается; къ западной берегъ очень приглубъ и земля кончится отрубамъ. По приближеніи мы увидѣли не весь городъ завѣшеннымъ, какъ было въ *Күнаширѣ*, но только нѣкоторыя мѣста по горѣ и по окружностямъ онаго. Съ помощію зрительныхъ трубъ, по берегу залива мы примѣтили въ шести мѣстахъ завѣсы. Тутъ были, какъ мы послѣ узнали, *Японскія* крѣпости. Наши плѣнные, проходя мимо оныхъ, могли ихъ замѣтить, когда ихъ вели по сей дорогѣ изъ *Матсмай* въ *Хакодаде*. Сверхъ того отъ сего мѣста до города по низменному берегу вновь были построены пять крѣпостей, снабженныхъ доспашочнымъ гарнизономъ. Овѣ находились одна отъ другой не въ дальномъ разстояніи, на 200 или 300 сажень отъ морскаго берега. — Съ самаго прибытія нашего на сей рейдъ, мы были окружены со всѣхъ споронъ чрезвычайнымъ множествомъ гребныхъ судовъ всякаго рода и величины, наполненныхъ обоимъ пола людьми, пріѣхавшими изъ любопытства посморгнуть *Европейское* судно, которое для нихъ было немалою

рѣзкостію; ибо въ семъ заливѣ, сколько мнѣ извѣстно, изъ мореплавателей прежде насъ былъ только за 22 года и то на *Охотскомъ* транспортѣ *Екатеринѣ* командиръ Штурманъ *Ловцовъ*, сопровождавшій Г. *Лаксмана*. Слѣдовательно многіе изъ жителей никогда *Европейскихъ* судовъ, а наипаче военныхъ, не видали; и потому съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ всякому хотѣлось подойти ближе къ борту; отъ сего происходили между ими немалые споры и распри. Бывшіе у борда караульные *Досины* (*Японскіе* солдаты) для соблюденія порядка и прекращенія распрей, безпрестанно кричали имъ не приближаться къ шлюпу. Но столь было велико любопытство зрителей, что приказаніе сихъ караульныхъ, впрочемъ весьма уважаемыхъ народомъ, шерьались въ великомъ шумѣ и не имѣли дѣйствія.—Для приведенія въ послушаніе шалшагося народа, *Досины* принуждены были употреблять желѣзныя палочки, обыкновенно носимыя ими за поясомъ на длинныхъ шелковыхъ снуркахъ. Они не разбирали ни состоянія, ни пола, кромѣ старости, уважаемой ими, какъ мы при семъ случаѣ замѣтили, во всѣхъ состояніяхъ; и всякаго били сими палками, кто осмѣливался нарушать приказаніе; чрезъ сіе мы избавлялись не малыхъ безпокойствъ; а иначе столько бы людей возшло на шлюпъ, что намъ самимъ не возможно бѣ было тогда ничего дѣлать за шлюпою, и мы нашлись бы принужденными употребить силу для согнанія ихъ, чего намъ при начавшихъ сношеніяхъ дѣлать крайне не хотѣлось. Строгость *Досиновъ* принудила всѣхъ любо-

пытствующихъ сославивъ около насъ на определенное разстояніе кругъ, за которой ни одно судно не смѣло подходить ближе къ шлюпу. Въ такомъ положеніи покрывали они заливъ на великое пространство, и когда передніе, по удовольствію своего любопытства, осматривали мѣста свои, то слѣдующіе занимали ихъ и не прежде всѣ вообще разсѣивались съ нами, какъ по наступленіи ночи. Въ сіе время никому уже къ шлюпу приближаться отъ бдительныхъ *Досиновъ* позволяемо не было, кромѣ тѣхъ, кои присылаемы къ намъ были по приказанію Начальства; но и сіи безъ предувѣдомленія о себѣ *Досиновъ* взходить на шлюпъ не смѣли.

Въ слѣдующій день поутру мы увидѣли выѣхавшую изъ города шлюпку подъ бѣлымъ флагомъ, (на шлюпѣ также всегда на передней мачтѣ поднимался, въ одно время съ кормовымъ военнымъ, бѣлой флагъ). Вскорѣ шлюпка пристала къ борту, и къ намъ на шлюпъ возшелъ почтенный нашъ *Такадай-Кахи* съ однимъ машрозомъ, бывшимъ у насъ лодманомъ. Онъ привезъ отъ себя мнѣ, офицерамъ и командѣ хорошей рыбы, зелени и арбузовъ. Его машрозъ несъ за нимъ узелокъ, въ которомъ я усмотрѣлъ платье. Вошедъ ко мнѣ въ каюту онъ попросилъ у меня позволенія въ прежней своей каютѣ переодѣться, сказавъ, что *Матсмайской* Губернаторъ весьма доволенъ отзывомъ объ немъ пріѣзжавшаго въ *Кунаширъ* перваго главнаго Начальника *Сампея*, и что онъ въ нынѣшнемъ важномъ случаѣ назначенъ быть переговорщикомъ, для чего, по *Японскимъ* законамъ, дана ему привиллегія; а при исполненіи такой

возложенной на него лестной обязанности долженъ онъ надѣвать особое чиновническое церемоніальное платье, во время сообщенія мнѣ переговорныхъ пунктовъ. Онъ вошелъ въ прежнюю свою каюшу, чтобы переодѣться, а между тѣмъ и я надѣлъ парадной мундиръ и шпагу. *Такатай-Кахи*, сдѣлавъ по своему обычаю почтительное привѣщаніе, черезъ переводчика *Киселева* объявилъ, что онъ будетъ со мною вести переговоры не онъ самого Губернатора, а онъ лица первыхъ двухъ по немъ Начальниковъ, онъ коихъ имѣетъ шеперь порученіе просить у меня обѣщанную онъ *Охотскаго* Начальника официальную бумагу, для доставленія оной лично господамъ Начальникамъ. На это я ему отвѣчалъ, что хотя я самъ пригошовлялся вручить имѣвшіеся при мнѣ онъ *Охотскаго* Начальника къ здѣшнимъ Начальникамъ официальныя бумаги, но не желая терять времени, для поснѣннѣйшаго окончанія щасливо начавшагося дѣла, соглашаюсь ему ихъ отдать. Для сего собраны были въ каюшу всѣ офицеры въ полной формѣ, и съ приличнымъ обрядомъ передано было *Такатаю-Кахи* онъ меня въ синемъ сукнѣ обернутое официальное письмо Начальника *Охотскаго* порша; шутъ же я объявилъ ему, что имѣю особое важное онъ Его Превосходительства Г. *Иркутскаго* Гражданскаго Губернатора къ *Вельможному Матсмайскому* Губернатору официальное письмо, которое должно быть онъ меня принято лично, ежели не самимъ Губернаторомъ, то, по крайней мѣрѣ, главными Начальниками, онъ лица коихъ присланъ онъ ко мнѣ для переговоровъ. Та-

катай-Кахи убѣдительно меня просилъ доверить ему и сіе письмо, которое, говорилъ онъ, доставитъ ему великую честь, когда въ *Японіи* сдѣлается извѣстнымъ, что онъ удостоился отъ *Вельможнаго Россійскаго-Губернатора* официальное письмо церемоніально вручить въ собственныя руки *О-Бунъ*; но въ этомъ я ему рѣшиительно отказалъ, объяснивъ прежде, что сколь я ни уважаю его ко мнѣ дружество, но въ семъ случаѣ представляю особое лице, и не смѣю на щепъ великаго достоинства *Россійскаго Губернатора*, возвысить его званіе безъ нарушенія возложенной на меня опличной доверенности. Мѣсто свиданія съ главными *Японскими* Начальниками я рѣшился назначить на берегу, ибо вызывать ихъ на шляпкахъ было дѣло вовсе невозможное; елики, по словамъ *Такатай-Кахи*, во время появленія оныхъ двухъ Начальниковъ на улицахъ въ своихъ *Норимонахъ* (носилкахъ), всегда люди падаютъ на колѣна, то согласится ли такой гордый народъ на простыхъ шляпкахъ имѣть свиданіе съ Начальникомъ судовъ чужей земли безъ всякаго церемоніяла? Къ тому же я въ семъ важномъ дѣлѣ имѣлъ доверенное письмо Губернатора, уполномоченъ былъ дѣйствовать по *Высочайшей* волѣ, и при отправленіи меня къ *Японскому* Правительству, во всемъ представлялъ лице посланника, а поштому, ежели бы и воспослѣдовало со стороны *Японцевъ* варварское вѣроломство, то могъ бытъ увѣренъ, что наше Правительство поступокъ мой не признало бы безразсудною неосторожностію, но дѣломъ національнымъ, въ исполненіи коего я желалъ

только соблюсти приличную возложеннымъ на меня леснымъ обязанностямъ важность, и послушашъ съ рѣшительною увѣренностію, для восстановленія и въ *Японіи* уваженія къ званію Посланника *Такатай-Кахи*, получивъ отъ меня офиціальное письмо Начальника *Охотскаго* порша, и выразумѣвъ важность письма Губернаторскаго, просилъ меня позабыть нескромное требованіе довѣрить ему оное, и пошчасъ поѣхалъ отъ насъ на берегъ, а на другой день возвратился къ намъ на шлюпъ прежнимъ порядкомъ, и переодевшись въ каюшѣ оная въ церемоніальное платье, началъ разговоръ отъ имени двухъ Начальниковъ, которые просили увѣдомишь ихъ, не нуждается ли въ чемъ нибудь экипажъ *Россійскаго* корабля, и самъ корабль не требуетъ ли, какъ имъ сдѣлалось извѣстнымъ, отъ продолжительнаго изъ *Охотска* въ позднее время года плаванія, исправленія? На эту статью отвѣтствовано отъ меня было одною благодарностію, и что кромѣ свѣжей рыбы, воды и зелени (и то естли имѣеся здѣсь въ изобиліи) ни въ чемъ не имѣемъ нужды, и корабль исправленія не требуетъ. Потомъ сказалъ онъ мнѣ, что онъ съ должными по своимъ обычаямъ обрядами вручилъ письмо *Охотскаго* Командира двумъ Начальникамъ, которые по особой къ нему довѣренности, обнаружили ему свои мысли, что сдѣланныя въ ономъ письмѣ объясненія полны и весьма удовлетворительны, а предложеніе мое имѣть съ ними свиданіе, для врученія письма *Иркутскаго* Губернатора, принято съ величайшею радостію, и что теперь онъ прислалъ усло-

випься со мною о церемоніальныхъ обрядахъ при моемъ съ ними свиданіи: во первыхъ о почетной спражѣ. Я объявилъ, что буду имѣть при себѣ 10 человекъ съ ружьями, кои выйдутъ на берегъ съ флагами, военнымъ и бѣлымъ переговорнымъ, несомыми двумя унтеръ-офицерами; офицеровъ не болѣе двухъ и переводчика *Японскаго* языка; ѣхавъ же на берегъ я соглашаюсь въ предлагаемой онѣ Начальниковъ Губернапорской парадной шляпкѣ, въ домѣ, гдѣ назначено имѣть свиданіе; послѣ взаимныхъ привѣтствій, кошторыя съ моей стороны будутъ состоять по нашему извѣстному ему *Европейскому* обычаю въ однихъ поклонахъ, внесутся для меня кресла, а для офицеровъ позади меня стулья, на коихъ мы должны будемъ сидѣть. При начинаніи разговоровъ онѣ меня или *Японскихъ* Начальниковъ, я буду въ знакъ опличной почтительной къ особамъ симъ внимательности вспавахъ и пошомъ по прежнему садиться на свое мѣсто. На всѣ сіи прѣговоранія *Такамай - Кахи* объявилъ свое мнѣніе, что онѣ безъ всякихъ затрудненій Начальниками признаются приличными, кромѣ ружей: „ибо, говорилъ онѣ, нѣтъ у насъ примѣра, чтобъ иносстранный земли посланники, прѣзжавшіе къ намъ для объясненія какого нибудь дѣла, допускаемы были при церемоніальномъ свиданіи, съ своею свисою, вооруженною огнеспрѣльнымъ оружіемъ; довольно будетъ для васъ чести, въ сравненіи другихъ *Европейскихъ* пословъ, бывающихъ у насъ въ *Нагасаки*, имѣть вашей спражѣ однѣ сабли, а ружья оставить. И такъ, продолжалъ онѣ, сдѣлано немаловажное

и въ нашихъ законахъ первое еще ошсшуеніе, что вы съ кораблемъ впушены во внушренность нашей гавани, со всѣми имѣющимися на кораблѣ военными орудіями и порохомъ, и даже при начавшихся шеперь переговорахъ не ошныты у васъ способы, ежели бы вы издумали поспушить съ нами непріятельски.“ Убѣдась въ истинѣ пріобрѣшеннаго нами преимущества, какого, сколько мнѣ изъ путешествій извѣстно, ни одинъ изъ *Европейскихъ* кораблей еще не имѣлъ, я охотно готовъ былъ ушунить въ разсужденіи ружей, и просилъ *Таката-Кахи* слегка оное право предложить въ такомъ шолько видѣ, что безъ ружей спража не будешь воинская и пошому несоотвѣшшвующая носимому мною званію Начальника *Россійскаго* Императорскаго корабля: „у насъ, сказалъ я ему, ружья имѣють право носить одни шолько военные, подобно, какъ у васъ воинъ носитъ двѣ сабли, и шакъ наши ружья сушь не что иное, какъ другая ваша сабля.“ Впрочемъ я повшорилъ ему мою прозбу, чтобы онъ въ случаѣ возраженія со стороны двухъ Начальниковъ, что это можетъ бышь прошивно законамъ ихъ земли, ошавилъ дѣло сіе безъ вниманія и нимаѣйшаго не показывалъ виду, чтобы ошказъ въ ружьяхъ воспрепятшвовалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе ѣхать для свиданія на берегъ, ежели шолько на все прочее, какъ онъ обнадеживалъ, Начальники будутъ согласны. *Такатай-Кахи* записалъ въ книжку весь нашъ разговоръ о обрядахъ свиданія, и ошправился на берегъ. Въ слѣдующій день въ обыкновенное ушренное время, пріѣхалъ онъ на шлюпъ и съ веселымъ видомъ

сказалъ мнѣ, что два Начальника на все согласились, и даже въ ружьяхъ. — „Сначала, говорилъ онъ, они не много призадумались, но не сказали мнѣ ни слова; тогда я взялъ смѣлоспъ объяснишь имъ все то, что вы мнѣ говорили о правѣ ружья въ *Россіи*, и теперь объявляю вамъ офиціально, что завтра оба Начальника будутъ ожидать васъ на берегу въ приготовленномъ домѣ для церемоніальнаго свиданія, гдѣ примутъ письмо *Иркутскаго* Губернатора. Въ 12 часовъ я, по приказанію Начальниковъ, приѣду за вами на парадной Губернаторской шляпкѣ. Но вошъ еще одинъ пунктъ обряда не объясненъ: не ужели вы войдете въ сапогахъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ посланы будутъ чистые ковры, на коихъ сами главные Начальники будутъ сидѣть на колъняхъ? Войши въ сапогахъ, прошивно нашимъ коренымъ обычаямъ и почитаемъ величайшею грубоспю; вамъ должно будетъ въ передней комнашъ скинуть сапоги и войши въ однихъ чулкахъ.“ Такое неожиданное, спранное для *Европейцевъ* требованіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство; ибо я, при условіи о обрядахъ, не почиталъ нужнымъ высказать, что мы будемъ въ сапогахъ; *Японцы* же, какъ это у нихъ дѣло обыкновенной, прѣстѣй даже учтивѣстѣ, какъ я послѣ узналъ отъ Господина *Головина*, такъ же не щипали нужнымъ объясниться. Меня это привело въ великое затрудненіе. Наконецъ я сказалъ *Такатаю-Кати*, съ нѣкоторымъ движеніемъ, что мнѣ ни подѣ какимъ видѣмъ невозможно согласишься на требованіе, предъспашъ въ полной формѣ со шпагою безъ сапоговъ.

„Знаю, сказалъ я, что въ вашей землѣ общая учтивость скидавашъ при входѣ въ покои, даже самые простые, свою обувь. Но ты, просвѣщенной человекъ, изъ опытовъ теперѣ знаешь, что ваши обряды во многомъ совсѣмъ противоположны *Европейскимъ*: на примѣръ, у васъ всѣ ходящъ большіе и малые безъ нижняго плащя, но въ замѣну шакого недостатка, для соблюденія благоприсойности, вы носите плащъ, похожее на наши халашы, а въ шакомъ нарядѣ у насъ въ *Европѣ* сидящъ только въ своихъ спальняхъ! Также и въ обуви у васъ неучливо войши въ ней въ покои, а у насъ, не говоря о неучливости, есть самое величайшее безчестіе, гдѣ нибудь явись безъ обуви; ибо одни только Государственные преступники ходящъ безъ оной закованные въ желѣзахъ. Какъ же можно мнѣ, представляющему, какъ тебѣ извѣстно, въ званіи моемъ особое лице, пріѣхашъ къ вашимъ Начальникамъ безъ обуви? *Такатай-Кахи* не зналъ, что мнѣ на это опивчашъ, выразумѣвъ, что спашя, казавшаяся ему незначащею въ обрядахъ, оказываея важною. Тогда придумалъ я ему сказать, что готовъ сдѣлать большое съ своей стороны снизхожденіе, дабы только не разрушишь совсѣмъ условленнаго и съ обѣихъ сторонъ желаемого свиданія. „У насъ есть обычай, продолжалъ я, когда мы хотимъ оказать особенное уваженіе къ большому Начальнику, то, входя въ передніе покои, скидаваемъ сапоги, а надѣваемъ извѣстные тебѣ башмаки.“ *Такатай-Кахи* приведенъ былъ эшимъ въ величайшую радостъ и сказалъ, „эшого довольно, обрядъ учтиво-

Крепость, въ коей находится при-
сутственныя места и домъ Градо-
начальника.

Казенной дань, гдѣ содержались
Русскіе пороги своихъ освобожденіи

Крепость, въ коей находятся
казенные магазины.

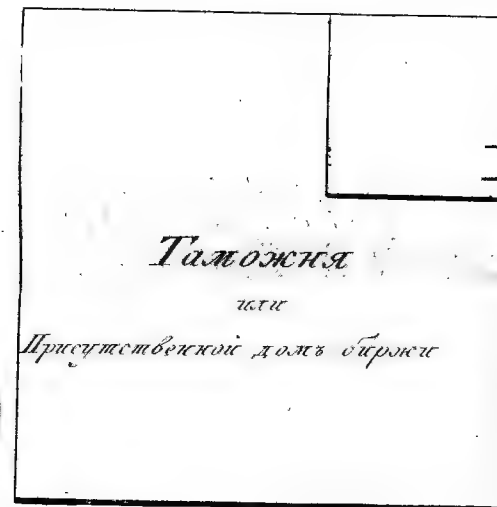
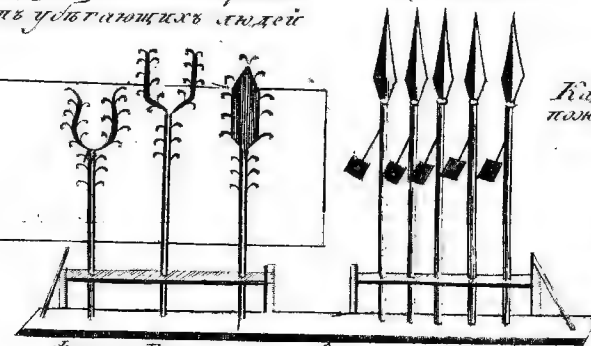
ПЛАНЪ
средней части Города
ХАКОДАДЕ,
въ которой происходило въ 1813 году освобожде-
ніе Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ Японцами
на Островѣ Гуннашарѣ
въ 1811 году.

Главная улица Симы
улица Цитади Хакодаде

Накобского гарни-
зона казармы
Инструменты, которые
ловятъ убѣгающихъ людей

Копья Токугарской
гвардіи.

Кистка съ ведромъ для
пожарныхъ случаевъ

Казенное судно

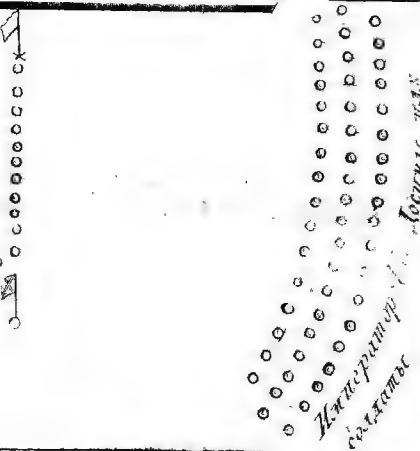

Присутственной домъ бѣрже

Флагъ Перемаря

Флагъ 1го Адмирала

Пристань

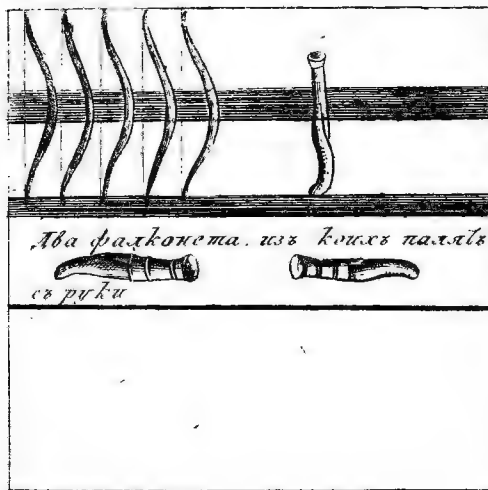
ПЛАНЪ

Галемни или присутственнаго
дома биржи.

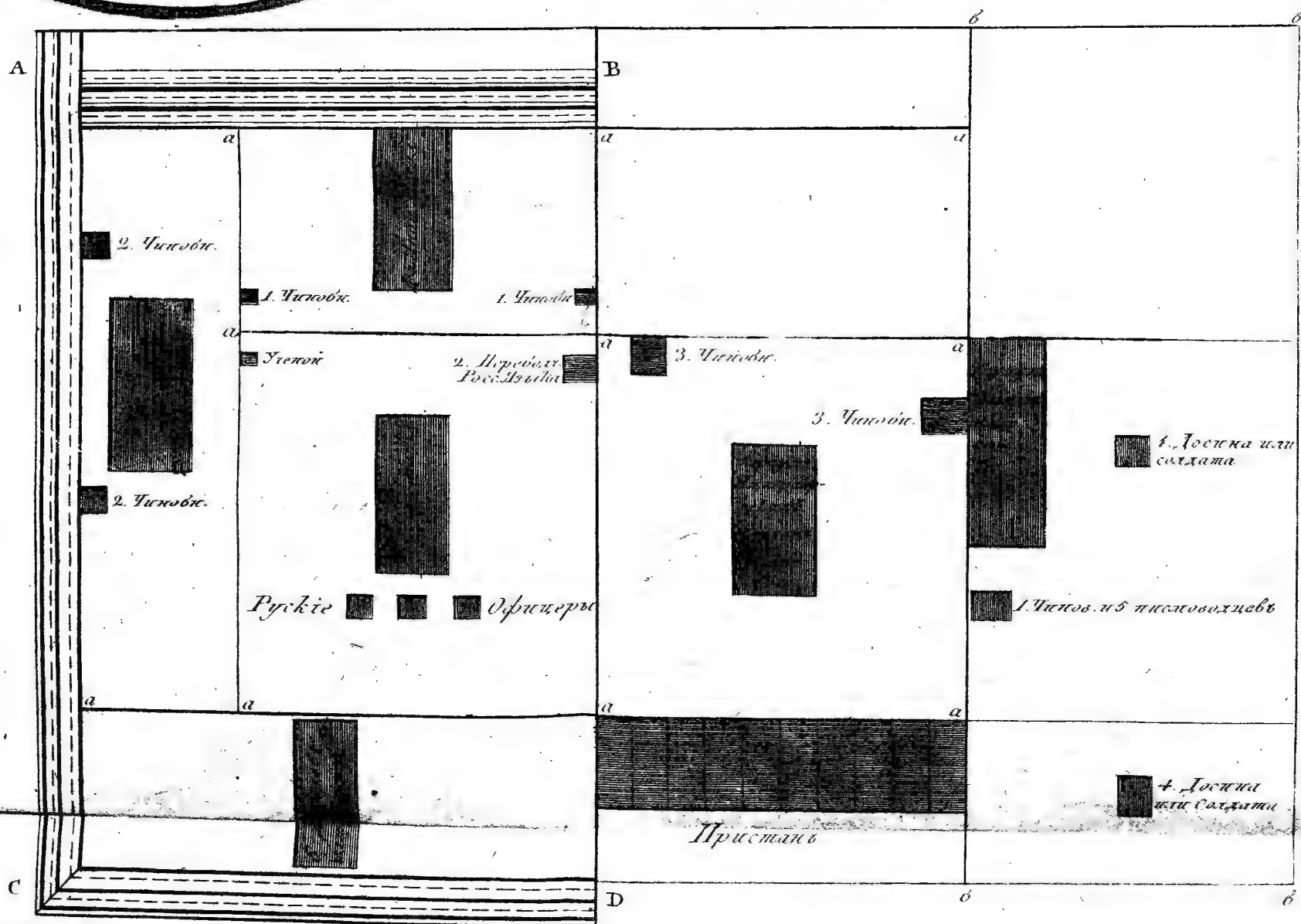
приготовленнаго для переговоровъ
съ Россійскими Начальниками

въ 1813 Году Октября 5 дня.

Ружья и луки со стрѣлами
Тимитарскаго князя гусевы.

Изображеніе стѣны противъ
входа въ двери

AB. AC. CD. Наружняя стѣна, состоящая изъ двойныхъ ширинъ,
бумажной и деревянной.

аааа. Внутренняя бумажная ширинъ, которая, по случаю приёма,
была раздвинута.

бббб. Трехъ стѣна изъ тонкихъ досокъ, на случай приёма Русскихъ салтановъ.

въ Запискѣ Капитана Рикорти

стей безъ оскорбленія съ обѣихъ сторонъ будетъ сохраненъ; башмаки ваши я уподоблю *Японскимъ*, чулкамъ и скажу, что вы согласились скинуть сапоги и войдете въ аудіенцъ-залу въ кожаныхъ чулкахъ.“ — Послѣ сего поспѣшилъ онъ уѣхать на берегъ и къ не малому удивленію подѣ вечеръ возвратился извѣстивъ меня, что Начальники весьма довольны сдѣланнымъ съ моей стороны снисхожденіемъ въ разсужденіи обуви; ибо, ежелибъ я насильственно желалъ бытъ въ сапогахъ, то хотя свиданіе не опмѣнилось бы, но Начальники не могли бы мнѣ сдѣлать желанной учтивости, принятіемъ меня сидя на коѣняхъ; а по *Европейскому* обычаю также бы сидѣли на нарочно сдѣланныхъ стульяхъ, что въ *Японіи* почищается величайшимъ неуваженіемъ и даже грубостію. Пошомъ *Така-тай-Кахи* подавъ мнѣ рисунокъ всего приготавлиаемаго въ домѣ при свиданіи церемоніала (1). Передъ домомъ изображены были солдаты, сидящіе на коѣняхъ; въ первыхъ покояхъ нижняго класса Чиновники; шамъ должно мнѣ было скинуть сапоги, надѣвъ башмаки, и итти мимо ряду шакихъ же Чиновниковъ, сидящихъ на коѣняхъ. Въ планѣ предсавлена была и аудіенцъ-зала: въ передней сторонѣ назначены мѣста двухъ главныхъ Начальниковъ, съ лѣвой стороны посажены переводчики по правую академики, нарочно пріѣхавшіе для сдѣланія своихъ замѣчаній о *Россійскомъ* военномъ кораблѣ и ошобранія разныхъ о *Европѣ* свѣденій. Посреди залы,

(2) Смощи рисунокъ.

противъ главныхъ Начальниковъ, назначено мѣсто мнѣ, а позади меня офицерамъ; спражѣ съ ружьями и флагами опредѣлено стояшь во фрунтѣ передъ окрытыми дверьми дома. — Устройвъ такимъ образомъ по взаимномъ согласіи, всѣ обряды для свиданія, *Такатай-Кахи*, уѣзжая отъ насъ, повпорилъ, что онъ, ежели погода позволитъ, завтра въ 12 часовъ непременно пріѣдетъ за мною на Губернаторской шляпкѣ. Теперь надлежало мнѣ обратишь вниманіе на участь переводчика *Киселева*, котораго нужно мнѣ было съ собою взять на берегъ для переводовъ: небезызвѣстна мнѣ была строгость *Японскихъ* законовъ къ ихъ подданнымъ принявшимъ *Христіанскую* вѣру и вступившимъ въ службу чужой земли. Хотя *Г. Киселевъ* изъ приверженности къ *Россіи* въ переводимыхъ имъ письмахъ и проч. подписывался *Россійскимъ* урожденцемъ отъ *Японца*; но хорошее его знаніе *Японскаго* языка вскорѣ обнаружило бы его предъ хитрыми соотечественниками, и тогда послѣдствія для него могли бы быть самыя пагубныя. Я призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, чтобы онъ основательно подумалъ, какъ онъ лучше моего знаетъ законы своей земли, можно ли ему будетъ, не подвергая себя опасности ѣхать со мною на берегъ. Онъ отвѣчалъ: „чего мнѣ бояться? развѣ васъ захватятъ, тогда и всѣхъ; а меня одного не возмущъ: я не *Японецъ*, прошу васъ взять меня на берегъ, чтобы я могъ исполнить свою должность переводчика. На берегу въ переговорахъ съ Начальниками заключается важность

всего дѣла, а здѣсь на *Діанѣ* въ разговорахъ съ *Такатаемъ-Кахи* я вамъ мало помогаю; ежели вы меня на берегъ не возьмете, то для чего же я переносилъ безпокойства дальнаго морскаго пущи?“ Видя его желаніе бытъ въ нашемъ дѣлѣ полезнымъ, я съ величайшею радостію объявилъ ему, что имѣю намъ шакаго вѣрнаго переводчика весьма важно, только я не хотѣлъ поступить противъ его желанія въ такомъ случаѣ, гдѣ предстоитъ какая либо ему опасность. За симъ приказалъ я приготоовиться къ отъѣзду еще двумъ офицерамъ, также изъявившимъ желаніе бытъ со мною на берегу. Около 12 часовъ въ слѣдующій день пріѣхалъ на *Діану* на Губернаторской шлюпкѣ подъ разными флагами *Такатай-Кахи*. Вошедъ въ каюшу въ полномъ парадномъ одѣяніи, объявилъ онъ мнѣ, что когда на берегу поднимешь надъ домомъ, назначеннымъ для свиданія, флагъ, тогда можно ѣхать на берегъ. Ровно въ 12 часовъ увидѣли мы сей флагъ, и немного времени спустя я съ двумя офицерами, переводчикомъ и десятию вооруженными маэпрозами, всступилъ на Губернаторскую шлюпку (1), при подышыхъ на кормѣ между

(1) На сей шлюпкѣ было 16 ошборныхъ *Японскихъ* гребцовъ, въ числѣ коихъ большая половина находилась извѣстныхъ и богатыхъ купцовъ, какъ мнѣ сказывалъ о томъ *Кахи*; они приняли на себя трудъ сей для удовольствіенія своему любопытству, чтобы ближе посмотреть на насъ. Гребля ихъ отлична отъ *Европейской*: веселья они не закидывали впередъ, какъ обыкновенно у насъ дѣлается; но по направленію почти судна повершывали оными сверху на низъ и обратно, и давали судну скорость въ ходѣ, равную нашей греблѣ.

Японскими флагами, военнымъ *Россійскимъ*, а впереди бѣлымъ переговорнымъ флагомъ, и поѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи любопытствующаго народа, выѣхавшаго на нѣсколько спяхъ лодкахъ. Назначенный для свиданія домъ находился по близости морскаго берега, при каменной пристани. На площади передъ домомъ усмотрѣли мы сидящихъ на колѣняхъ рядами *Японскихъ* солдатъ. Первый вышелъ на берегъ *Танатай - Каки*, и пошелъ въ домъ увѣдомить главныхъ Начальниковъ о пріѣздѣ *Русскихъ*, и возвратившись сказалъ, что оба Начальника въ церемоніальномъ собраніи насъ ожидаютъ. Спрашивашъ, почему никто изъ *Японскихъ* чиновниковъ не выѣхалъ на встрѣчу, было не уместа и совсѣмъ бесполезно. Я приказалъ унтеръ-офицеру съ бѣлымъ флагомъ сойти на берегъ, за нимъ вооруженной спражъ и другому унтеръ-Офицеру съ военнымъ флагомъ, за кошорымъ сошелъ самъ, а за мною офицеры. Построившаяся во фрунштъ спража съ флагами передъ самыми открытыми дверьми дома, когда я проходилъ, сдѣлала на караулъ. Въ первое опдѣленіе дома я приказалъ съѣхавшему со мною для услугъ *Японскому* маэрозу внести кресла, чшобъ перемѣнить обувь. Надѣвъ башмаки, пошелъ я съ офицерами въ аудіенцъ-залу: въ сей залъ, наполненной разнаго званія чиновниками въ воинской одеждѣ при двухъ сабляхъ, поразило меня необыкновенное глубокое молчаніе. Опличивъ двухъ главныхъ, одного подлѣ другаго на колѣняхъ сидѣвшихъ Начальниковъ, подошелъ я къ нимъ шага на три, и поклонился. Они также опѣвши-

символами наклоненіемъ своихъ головъ. Сдѣлавъ по поклону сидящимъ на правой и на лѣвой сторонѣ Чиновникамъ, я опомель назадъ къ назначенному мнѣ мѣсту, гдѣ поставлены уже были мои кресла. Глубокое молчаніе продолжалось еще съ минутой; тогда я прервалъ оное, сказавъ чрезъ переводчика *Кисслева*, что нахожусь, по моему мнѣнію, въ домѣ дружескомъ. Въ-снѣ ошвѣта Начальники улыбнулись, а старшій изъ нихъ, пріѣзжавшій въ *Кунаширѣ*, открылъ разговоръ, обращаясь къ приближившемуся съ поникшею головою съ лѣвой стороны Чиновнику, но такъ тихо, что *Кислевъ* ни одного слова не могъ вразумительно слышать; потомъ Чиновникъ заснулъ опять свое мѣсто, и къ великому удивленію моему, обратившись ко мнѣ съ большимъ преклоненіемъ головы въ знакъ почтительнаго, началъ говорить довольно явственно по *Руски* (1). Онъ перевелъ привѣтствіе Начальника, которое состояло въ томъ, что *Рускіе* давно переносятъ около *Японскихъ* береговъ большія безпокойства; но теперь все скорѣе возымѣетъ щасливый конецъ. Припомъ уведомилъ онъ, что объясненіе Командира *Охотскаго* порша Начальниками признано очень, очень приличнымъ. На сіе привѣтствіе я ошвѣчалъ, чрезъ *Японскаго* уже переводчика *Мураками Теске*, что чрезъ скорый и щасливый конецъ дѣлу разумѣть должно освобожденіе Г. Капитана *Головнина* съ прочими *Рускими* плѣнными,

(1) Эпонецъ Чиновникъ оказался, какъ послѣ съ нимъ познакомился, переводчикомъ, обучившимся у Г. *Головнина* *Рускомъ* языку. Имя его *Мураками - Теске*.

и потому прошедшій трудъ, нами у Японскихъ береговъ перенесенный, переименуется въ пріятнѣйшее для всѣхъ офицеровъ и команды корабля *Дианы* время, на службу употребленное. Послѣ нѣкоторыхъ еще разговоровъ, состоявшихъ въ однихъ учтивыхъ привѣтствіяхъ, я сказалъ, что привезъ съ собою письмо Иркутскаго Губернатора, которое и подано было пріѣхавшимъ со мною Г. Савельевымъ, въ ящикъ, обшитомъ алымъ сукномъ. Вынувъ письмо, я прочиталъ адресъ его и подаль Г. Савельеву, которой съ ящикомъ передалъ въ руки Японскаго переводчика; переводчикъ приподнял его надъ своею головою и пошомъ подаль въ руки младшему Начальнику, который, приподнявъ ящикъ выше своей груди, вручилъ старшему. Старшій Начальникъ сказалъ, что теперь же пойдешь доставить письмо своему Обунъо и что на разсматриваніе его, и на изглаголаніе опыта, по важности дѣла, потребуются дни два. Подарки, переданные Г. Савельевымъ переводчику, положены были просто предъ главнаго Начальника. Оба Начальника просили меня принять въ домъ небольшое угощеніе, встали и сдѣлавъ мнѣ поклонъ, ушли, а подарки понесли за ними. Тогда переводчикъ Мураками-Теске съ видомъ величайшей радости, сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, сказалъ мнѣ на Рускомъ языкѣ: „теперь, слава Богу, поздравляю васъ съ скорымъ и щасливымъ окончаніемъ: Капитанъ Головинъ и прочіе скоро поѣдутъ къ вамъ на корабль; только у насъ особый мудреный законъ, что вамъ нельзя съ ними теперь видѣться; они всѣ здоровы.“ Тушъ

же подошли къ намъ и Академики съ такимъ же поздравленіемъ. Почтенный *Такатай-Кахи*, появившій въ церемоніаль въ концѣ залы, также приблизился. Потомъ угощали насъ чаемъ съ разными закусками, которыми каждому подносили на особой лаковой посудѣ. Я былъ оплеченъ шѣмъ, что подлѣ меня стоялъ нижняго званія Чиновникъ, который все, что было мнѣ приносимо, принималъ и подавалъ изъ своихъ уже рукъ. Часа черезъ два мы со всѣми распрощались и поѣхали обратно вмѣстѣ съ *Такатаемъ-Кахи* на той же шлюпкѣ на *Діану*. Опыѣзжая со шлюпа я, между прочими письменными приказаніями, спаршему по мнѣ офицеру, Г. Лейшенанпу *Филатову*, поручилъ, коль скоро оплвдимъ отъ берега, на шлюпѣ сдѣлать *разсвѣщеніе* флагами безъ всякой пальбы, которая, какъ извѣстно, вообще всѣмъ *Японцамъ* чрезвычайно не нравилась. Они говорятъ: „какое въ *Европѣ* спрванное обыкновеніе: дѣлать почести стрѣльбою изъ пушекъ, которыхъ назначеніе убивать (1).“ Разсвѣщеніе же флагами, при случившейся тогда прекрасной погодѣ, доставило великое удовольствіе чрезвычайному стеченію всякаго званія людей, такъ, что на большое пространство, окружали шлюпъ наполненные людьми обоого пола лодки. Такимъ образомъ совершенно, къ желанному съ обихъ сторонъ успѣху, первое съ *Японскими* На-

(1) Должно замѣтить, что сіе обыкновеніе не безъ исключенія: у Князя *Синдайскаго* салюты въ обыкновеніи, и онъ всегда опыѣзжаетъ изъ своего Княжества и возвращающагося при пушечной пальбѣ.

чальниками свиданіе съ почешными обрядами, *Россійскому* Императорскому флагу приобрьщенными, въ первый еще разъ при неціональныхъ переговорахъ равнѣвавшемуся въ самой землѣ гордаго народа. Ошваданая, избранная изъ команды шлюна спража поклалась, въ случаѣ вѣроломства, не выпускашь изъ рукъ священнаго Императорскаго военнаго флага, развѣ по совершенномъ уже исшребленіи онаго, высьнѣ съ своею жизнію! Справедливість повелѣваешь сказашъ, что въ семъ щасливомъ случаѣ, во многомъ способнивовалъ просвѣщенный, великодушный *Такатай-Кахи*: чрезъ него производимы были первыя и послѣднія съ *Японскими* Начальниками сношенія, и проницательный его умъ успѣлъ для общаго блага согласишь въ упорныхъ желаніяхъ два народа, имѣющихъ понятія о вещахъ совсѣмъ прошивуволожныя. Послѣ сего щасливаго свиданія, два дни прошли безъ всякихъ съ главными Начальниками сношеній. *Такатай-Кахи*, по прежнему навѣщаль шлюнъ по два раза каждодневно, и съ позволенія своего Начальсва привозалъ своихъ пріятелей, любопышествовавшихъ видѣшь *Россійской* корабль; это для всѣхъ насъ было весьма пріятно, ибо мы имѣли случай какимъ нибудь образомъ изъявись почтенному *Такатаю-Кахи*, сколь много чувствуемъ себя ему обязанными. Симъ *Японцамъ* предлагаемы были подарки, но они принимали не болѣе одной, и то сущей бездѣлицы, и всегда съ позволенія *Такатай-Кахи*.

Въ третій день по утру *Такатай-Кахи*, съ радостію пріѣхавши на шлюнъ, сказалъ, что онъ полу-

чилъ отъ Начальниковъ позволеніе видѣться съ Г. Капитаномъ *Головиннымъ* и прочими *Рускими*. Эпашъ была для всѣхъ насъ весьма пріятна, ибо хоня до того случая свободно писали мы къ Г. *Головнину*, но отъ него имѣли краткія только записки въ полученіи писемъ. Сие явно обнаруживало, что его записки разсматриваются *Японцами*, а пошому и надобно было наблюданъ величайшую оспорожность въ перепискѣ. Къ вечеру *Такагай-Кахи* привезъ вѣрное свидѣтельство, что имѣлъ съ *Рускими* свиданіе: маленькую записочку Г. *Головина*, въ которой изъяслялъ онъ чувствуемое имъ величайшее удовольствіе при свиданіи съ *Такагай-Кахи*. Въ слѣдующій день почтенный сей *Японецъ* сообщилъ вѣсть еще того радостнѣе: онъ объявилъ отъ имени главныхъ Начальниковъ, что завтра въ той же домъ, гдѣ происходили съ нами переговоры, назначается мнѣ свиданіе съ Капитаномъ *Головиннымъ* и двумя при немъ машрозами въ присущствіи главнаго переводчика *Мураками-Теске*, Академиковъ и другихъ нижняго класса Чиновниковъ, и что за мною онъ самъ пріѣдетъ въ той же Губернашорской шлюпкѣ, съ позволеніемъ, ежели я пожедаю взять съ собою тоже число людей, по прежнему вооруженныхъ. На это я отвѣчалъ ему, что какъ назначаемое свиданіе будетъ паршикулярное, то мнѣ должно будетъ ѣхать въ другомъ уже видѣ на берегъ: военный и переговорный флаги останутся поднятыми на своихъ мѣстахъ на шлюпкѣ; я поѣду съ однимъ своимъ офицеромъ, корабельнымъ Секретаремъ, и возьму 5 человекъ машрозовъ безъ ру-

жей, и шо для того только, чтобы доставить имъ щастіе видѣться съ своими двумя шоварищами.

На другой день около 10 часовъ, пріѣхалъ добрый *Такатай-Кахи* на прежней Губернаторской шлюпкѣ, и я съ назначеннымъ прежде числомъ людей, подъ переговорнымъ и военнымъ флагами поспѣшилъ на берегъ для вождѣннаго свиданія съ Капишаномъ *Головнинымъ*.

Приближась къ берегу, увидѣлъ я его спящаго у дверей дома въ богатомъ шелковомъ одѣяніи, сшитомъ на *Европейскій* покрой, при своей саблѣ. При семъ зрѣлищѣ я забылъ всѣ обряды и предосторожности и не дожидаясь выхода изъ шлюпки *Такатай-Кахи*, самъ первый выскочилъ на берегъ. По странному *Г. Головнина* наряду мнѣ не такъ бы легко было узнать его, еслибы долговременная служба съ нимъ и взаимное дружество не оставили глубокаго впечатлѣнія въ памяти моей его образа. Я потчасъ посреди множества *Японцевъ* его примѣнилъ и предоставляю судить чинашелямъ о взаимной нашей радости при семъ первомъ свиданіи: ее можно только чувствовашъ, а не описывашъ; представивъ себѣ его безнадежное состояніе, когда либо увидѣвъ свое опеченство, равно и съ моей стороны безуспѣшныя въ прежнихъ годахъ къ *Японскимъ* берегамъ плаванія, къ спасенію его изъ сей непроницаемой для иностранцевъ земли дѣланныя; чинашель можетъ постигнуть только отчасши пріятнѣйшія ощущенія, родившіяся въ насъ при семъ случаѣ. *Японцы*, изъ скромности, не желая нарушить изліянія нашихъ чувство-

ваній, оставили насъ, а сами, сѣвъ поодаль, занимались между шѣвъ собственною бесѣдою. Наши вопросы и отвѣты съ обѣихъ сторонъ сначала ни связи, ни порядка не имѣли; потомъ, удовлетворивъ стремленію взаимнаго любопытства, занялись мы предметами, до дѣла касающимися, на что имѣли доспашочно времени и полную свободу со стороны скромныхъ *Японцевъ*. Капитанъ *Головнинъ* сообщилъ мнѣ въ короткихъ словахъ о спрдааніяхъ своихъ во время его плѣна; а я съ своей стороны извѣстилъ его обо всемъ томъ, что зналъ о любезномъ нашемъ опечестѣ, о родныхъ и друзьяхъ его, проси его увѣдомишь и товарищей его несчастія о томъ, что было мнѣ извѣстно о ихъ родныхъ, знакомыхъ и друзьяхъ, вѣдая сколь неперпѣливо они сего ожидали. При семъ свиданіи *Г. Головнинъ* вывелъ меня изъ великаго заблужденія, въ которое я было впалъ: худое состояніе шлюпа заспавляло меня помышляшь о зимованіи въ *Хакодаде*; я опасался опирившись въ такое весьма позднее время года въ *Калигатку*; но когда онъ сказалъ мнѣ, что по *Японскимъ* законамъ, будущъ содержать насъ какъ плѣнныхъ, то надлежало спараться о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и пошому я немедленно, по совѣшу *Г. Головнина*, написалъ пребуемыхъ главными Начальниками объясненія, на извѣстные уже чипашелю пункты. Наконецъ я распрощался съ другомъ моимъ въ надеждѣ скорѣ болѣе на *Японскій* берегу съ нимъ не разлучаться и возвратился на шлюпъ, а *Г. Головнинъ*, въ сопровожденіи *Японцевъ*, пошелъ обратно въ мѣсто своего заключенія.

Къ вечеру я былъ обрадованъ неожиданнымъ прїѣздомъ нашего добраго *Кахи*; вошедъ ко мнѣ въ каюшу съ молодымъ человекомъ, онъ напередъ поздравивъ меня съ прїятымъ свиданіемъ съ Г. *Головнинымъ* (1) сказалъ: „имѣю рассказать тебѣ нѣчто чудесное: вчера безъ всякаго ожиданія и помышленія, пришедъ домой, я зашелъ у себя,—кого бы ты думалъ?—сына своего! Онъ только, что успѣлъ прїѣхать, присоединился къ толпѣ народа и видѣлъ насъ съѣзжавшихъ на берегъ; вошелъ онъ смотри на него, похожъ ли онъ на меня? Вмѣстѣ съ сею радостію я получалъ, говорилъ примѣнно восхищенный *Кахи*, отъ моей жены прїянное и также чудесное извѣстіе. Она, совершивъ по обѣщанію поклоненіе угодникамъ, возвратилась въ добромъ здоровьѣ домой и едва успѣла, вошедши въ покои, снять съ себя дорожное одѣяніе, какъ совсѣмъ неожиданно приносятъ къ ней съ почты мое письмо ошпавленное по прибытіи нашемъ въ *Кунаширѣ*.“ Я поздравилъ съ истиннымъ участвіемъ почтеннаго *Кахи* съ такими

(1) Надобно знать, что *Кахи*, въ числѣ *Японскихъ* Чиновниковъ находился также въ домѣ при нашемъ свиданіи; но въ половинѣ еще разговора, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Г. Начальникъ, я не здоровъ, извини меня“ и опедаявшись оставилъ насъ, и болѣе уже не возвращался. При семъ случаѣ съѣхавшіе со мною для свиданія съ своими товарищами маэрозы, все еще сомнѣвавшіеся въ искренности *Японцевъ*, испугались, увидѣвъ выходящаго изъ дома, одного *Кахи*, котораго, проходя мимо ихъ сказалъ: прощай. Изъ этого они заключили было, что меня навѣрно захватили.

пріятнѣйшими для чувствительнаго ошца и нѣжнаго супруга новостями. Онъ былъ въ великомъ восхищеніи, что сіи радостныя происшествія совершились при спешеніи такихъ необыкновенныхъ случаевъ, убѣждавшихъ его болѣе и болѣе въ вѣрованіи Предопредѣленію, всегда его мысль занимавшему.

Послѣ сего я, поговоривъ съ любезнымъ его сыномъ, представилъ его вошедшимъ ко мнѣ въ каюпу офицерамъ; они чрезвычайно были рады съ нимъ познакомиться, и повели показывать ему нашъ шлюпъ, а потомъ, посредствомъ переводчика *Киселева*, занимались съ нимъ бесѣдою. Оставшись наединѣ съ исполненнымъ удовольствія *Такатаемъ Кахи*, я услышалъ отъ него что, сдѣлалось ему извѣстнымъ о другѣ его въ пустыню удалившемся. Онъ повсорялся съ воспоргомъ: „*Тайшо*, въ *Японіи* есть люди, которыхъ безъ фонаря можно видѣть (1); чѣмъ, ты думаешь, спросилъ онъ у меня, могу я на-

(1) Здѣсь *Кахи* разумѣлъ извѣстный *Диогеновъ* фонарь, о коемъ я ему въ *Каликатѣ* между прочими анекдотами рассказывалъ, доставляя ему шѣмъ величайшее удовольствіе; особенно плѣняли его примѣры благородства и великости души, подобныя поступку знаменитаго *Долгорукаго*, изорвавшаго указъ *Петра Великаго*. *Кахи*, по выслушаніи такого анекдота, всегда поднималъ руки въ знакъ почтупанія на голову, произнося съ особеннымъ душевнымъ движеніемъ: *оки, оки*, т. е. великій! и потомъ, прижимая ихъ къ сердцу, говорилъ: *Күсыри*: т. е. лекарство; симъ словомъ онъ называлъ всякую особо ему нравящуюся пищу, чтобы въ высшей степени похвалишь ее.

градишь такого человека, доказавшаго мнѣ, что онъ истинной мой другъ “ Я не могъ вскорѣ собраться съ мыслями, что ему отвѣчать. *Кажу* продолжалъ; „богатство онъ презираешь, надобно сдѣлать мнѣ что нибудь такое, что бы достойно было великой его души; ты знаешь, говорилъ онъ, что я имѣю дочь, которую за дурные ея поступки, не только, что лишилъ моего имени, но и не почишаю ее болѣе для меня существующею. Твое участіе въ ея судьбѣ было велико; я неоднократно былъ спрогнанъ твоими убѣжденіями къ примиренію съ нею, и можешь быть оскорбилъ твое дружество, оставшись непреклоннымъ; ибо ты пребоваъ, жертвы опъ моей чести, не зная нашихъ обычаевъ (Въ *Камгатакѣ* пересказалъ онъ мнѣ въ откровенной бесѣдѣ о несчастной участи своей дочери, съ которою я старался убѣдить его къ примиренію; доводилъ его до слезъ и только). Теперь, обладая такимъ сокровищемъ, каковымъ оказался удалившійся опъ свѣта мой истинный другъ, я хочу принести въ жертву такому рѣдкому другу уязвленное, по нашей національной чести, смертельными ранами родимельское сердце: я рѣшился воззвать къ жизни мою дочь и примириться съ нею навѣки; извѣщу объ этомъ просио моего друга: онъ пойметъ мой поступокъ.“

Подъ конецъ просилъ онъ меня позволить ему теперь исполнить свое желаніе: раздать мапрозамъ находящіяся у насъ его вещи: онъ самъ раздавалъ ихъ каждому лично, а тѣхъ, которыхъ особенно зналъ, одарилъ лучшими вещами; въ этомъ числѣ нашъ поваръ

былъ щасливѣе всѣхъ; подавая ему выбранныя вещи онъ называлъ его *неноро*, ш. е. пріятель (1). Окончивъ раздачу своихъ пожешковъ, коихъ былъ у него такой большой запасъ, что на каждаго челоѣка досталось по особенной вещи (оныя состояли изъ бумажнаго и шелковаго плащя, большихъ на вѣшъ одѣялъ и халатовъ), онъ просилъ меня позволюшь сего вечера нашимъ машрозамъ повеселишься, говоря: "*Тайшо! Японской и Русской машрозы, все равно; всѣ они любяшь пишь вино; Хакодаде гавань безопасная.*" Хотя для шакого радостнаго дня и была выдана всей командѣ двойная порція водки, но усердію *Кахи* пельзя мнѣ было опказашъ; онъ пошчасъ опсправилъ своихъ машрозовъ на берегъ за виномъ и по *Японскому* обычаю приказалъ привезши на каждаго машроза каршузы шабаку и по шрубкѣ, а самъ сошелъ ко мнѣ въ каюшу, куда зашлаговремени внесены были всѣ посольскія вещи; шогда я, обращясь къ нему, сказалъ: шеперь долженъ пы сдѣлашь намъ удовольствіе исполненіемъ своего, даннаго мнѣ въ *Кунаширѣ* обѣщанія. Выбирай, что тебѣ угодно? Или, такъ, какъ ваши Чиношники опказались опъ пріяніа опъ насъ подарковъ, возьми все.—, "Какая для меня будешъ польза, говорилъ онъ, съ дружескою опкровенноспію, взяшь у васъ сіи дорогія вещи (2), когда по

-
- (1) Забавный спарикъ *Кахи*, хотя много восхищался нравспвенною моею, какъ онъ называлъ, пищею съ похвалою *Кусыри*; но не менѣ шого любилъ, чтошъ и насшощаа пища была для него *Кусыри*.
- (2) Онѣ состояли изъ фарфоровыхъ съ живописью, вазъ,

нашимъ законамъ, Правительство у меня ихъ отбереть, сдѣлавъ мнѣ за оныя денежное вознагражденіе?"— Однако намъ удалось убѣдиль его взять по крайней мѣрѣ на удачу нѣсколько вещей. Отбравши самъ, что болѣе ему нравилось, въ добавокъ попросилъ онъ у меня пару серебрянныхъ ложекъ, нѣсколько паръ ножей и прочаго столоваго прибора, много понравившійся ему *Руской* самоваръ, „чтобъ (говорилъ онъ) имѣть мнѣ удовольствіе, въ воспоминаніе гостепріимнаго моего у васъ жишья, угощать иногда моихъ искреннихъ пріятелей по *Рускому* обычаю“ (1). Пріятное наше съ нимъ бесѣдованіе продолжалось до самой полуночи. Увѣжая, онъ изъяснилъ великое сожалѣніе, что не можетъ по своимъ законамъ пригласить насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ, говорилъ благородный *Кахи* съ сердечнымъ выраженіемъ, можетъ быть удалось бы и мнѣ угостить васъ пакъ, что и вы пожелали бы имѣть *хаси* и *сакэцуки* (т. е. маленькія вмѣсто вилокъ и ножей употребляемыя палочки и лаковые чашки) въ память *Японскаго* гостепріимства.

мраморныхъ столовыхъ досокъ, и разнаго сорта хрустальной посуды.

- (1) Образъ нашего жишья ему весьма нравился, и хотя онъ не могъ сидѣть съ нами за однимъ столомъ, по причинѣ, какъ извѣстно, противной *Японскому* вкусу, нашей мясной пищи; но онъ приравнивалъ имѣть свой обѣдъ въ одно время съ нашимъ; чай же всегда пилъ вмѣстѣ со мною и большею частію безъ сахара; за тѣмъ послѣ ѣлъ оный вмѣсто конфетъ цѣлыми кусками.

На другой день мы были опечалены извѣстіемъ, что усердный *Такатай-Кахи*, отъ непрерывныхъ разлѣзовъ, боленъ жестокою простудою. Къ вечеру, вмѣсто его, пріѣхалъ младшій переводчикъ отъ двухъ Начальниковъ съ увѣдомленіемъ, что завтра Капишанъ *Головинъ* съ прочими возвращенъ будетъ на *Россійскій* корабль. Къ подтверженію сего, доставилъ онъ отъ *Г. Головина* письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что они всѣ были представлены Губернатору, и сей въ собраніи многихъ Чиновниковъ торжественно объявилъ имъ о возвращеніи ихъ на *Россійскій* корабль, по какому случаю главные Начальники просятъ меня пріѣхать завтра, для свиданія съ ними на берегъ и принятія всѣхъ *Русскихъ* съ окончательными бумагами. —Чтобъ доказать *Японскому* Начальству полную съ своей стороны довѣренность, я объявилъ пріѣхавшему всерадостному вѣстнику, что завтра поѣду на берегъ за *Г. Капишаномъ Головиннымъ* одинъ подъ бѣлымъ флагомъ, изъ уваженія къ здѣшнему почтенному Начальству безъ всякой спражи, дабы глупая чернь не имѣла права заключить, что *Рускіе* выручили своихъ соотечественниковъ силою, ежели я, по прежнему, съѣду на берегъ съ вооруженными людьми. Переводчикъ погостилъ у насъ съ прочими пріѣхавшими для любопытства Чиновниками довольно долго, и къ ночи уже поѣхалъ на берегъ. При прощаніи мнѣ удалось въ первой еще разъ убѣдить *Японцевъ* къ принятію подарковъ, состоявшихъ во много ими уважаемомъ сафьянѣ.

27 числа Октября былъ пошъ радостнѣйшій день,

которой увѣнчалъ вождѣннымъ успѣхомъ наши труды и цѣль проекрапныхъ плаваній къ берегамъ *Японскимъ*. Рано поутру на Губернаторской шлюпкѣ къ величайшей нашей радости прибылъ почтенный *Такатай-Кахи*, по болѣзни одѣтый въ покойное платье. Я изъяснилъ ему общее сожалѣніе о случившейся съ нимъ ошъ принимаемыхъ имъ на себя великихъ безпокойствъ болѣзни, и сказалъ, что онъ нынѣшнимъ прїѣздомъ можетъ подвергнуть свое здорье большой опасности. — „Напрасно, отвѣчалъ *Такатай-Кахи*, вы такъ обо мнѣ мыслише: ошъ радостнаго случая мнѣ сдѣлалось легче, а когда увижу, прибавилъ онъ съ выраженіемъ сердечнаго удовольствія, тебя вмѣстѣ съ другомъ швоимъ Капитаномъ *Головнинымъ*, возвращающагося на *Діану*, тогда буду совершенно здоровъ.“ Пошомъ сказалъ онъ, что Начальники хорошо выразумѣли причину намѣренія моего съѣхать на берегъ безъ провожаныхъ, и восхищались симъ довѣріемъ къ ихъ праводушію. Въ 12 часовъ, сѣвъ на шлюпку съ *Г. Савельевымъ* и переводчикомъ *Киселевымъ*, безъ всякой спражи, подъ переговорнымъ флагомъ, отправился я къ тому же дому, гдѣ и въ первые два раза имѣлъ свиданія съ Начальниками. *Японцы* не заставили насъ долго дожидаться. Вскорѣ приведены были въ шу же залу бывшіе у нихъ плѣнные наши: Капитанъ *Головинъ* съ офицерами, а матрозы и *Курилецъ Алексѣй* оставлены были на дворѣ. Всѣ они вообще одѣты были въ шелковое платье одного покроя, паншалоны и фуфайки, но различныхъ цвѣтовъ. На офицерахъ они были изъ машеріи, похожей на наши шпофы съ цвѣтами,

а на махрозахъ шафляныя; *Курилецъ* же *Алексѣй* одѣтъ былъ въ плащъ изъ шелковой пестрой шкани, сшитое на манеръ *Японскаго*. Офицеры, къ умноженію странности наряда, были при своихъ сабляхъ и въ форменныхъ шляпахъ. — При обыкновенномъ случаѣ можно было бы позабавиться на щепъ такого наряда; но въ нашемъ положеніи не могли войти никому въ мысль подобныя замѣчанія. Мы смотрѣли другъ на друга съ сильными движеніями соболѣзнованія и радости, которыя выражались болѣе взглядами нежели разговорами. У всѣхъ освобождаемыхъ изъ плѣна изъ благодарности къ Провидѣнію, чудеснымъ образомъ спасающему ихъ, на глазахъ видны были слезы чувствительности, тогда только понимаемой, когда кому случится быть въ подобныхъ обстоятельствахъ. — *Японцы* и въ сіе время позволили намъ пробить однимъ нѣкоторое время, чтобъ дасть успокоиться чувствамъ нашимъ послѣ первыхъ восторговъ. Потомъ опъ двухъ *Гиндзѣ* *Такахаси-Сампелъ* и *Кодзимото-Хіогоро* формальнымъ образомъ принявъ я своихъ соотечественниковъ. Тогда же опданы мнѣ были съ описанною уже *Г. Головиннымъ* особою церемонією, бумаги опъ *Японскаго* Начальства для доставленія ихъ куда слѣдуетъ по возвращеніи въ *Россію*. Послѣ сего мы угощены были по *Японскому* обычаю.

Просившись съ *Японцами* съ изъявленіемъ сердечной благодарности, въ 2 часа по полудни оставили мы *Японскій* берегъ, прошедъ чрезъ великое множество шлепавшихся обоюго пола зришелей на шлюпку, на которой, съ осво-

бежденными и съ добродушнымъ *Такатаемъ-Кахи*, принимавшемъ во всемъ сердечное участіе, поѣхали на шлюпѣ при крѣпкомъ проливномъ вѣтрѣ; но не смотря на сіе, мы были во всю дорогу окружены великимъ множествомъ гребныхъ судовъ, наполненныхъ любопытствующими. Когда мы подъѣхали къ шлюпу, разсвѣщенному флагами, пославленные по реямъ люди, кричали въ честь освободившемуся изъ плѣна своему Начальнику: *ура!* По прибытіи нашемъ, весь экипажъ *Діаны*, увидѣвъ своего почтеннаго и любимаго Капишана и другихъ шоварищей его несчастія, пришелъ въ радостный восторгъ. Многіе проливали слезы, видя щасливо возвратившихся къ нимъ шѣхъ, кои по двухъ годахъ и трехъ мѣсяцахъ несчастнаго разлученія были предметомъ ихъ сожалѣнія и труднаго плаванія къ берегамъ *Японскимъ*. Сіе обстоятельство, дѣлающее честь чувствительности служившихъ на шлюпѣ, навсегда останется у меня въ памяти. Тронутый до глубины сердца Г. *Головинъ* вмѣстѣ со всѣми освободившимися предъ корабельнымъ образомъ *Св. Чудотворца Николая*, принесъ шепчущія молитвы Подашелю всѣхъ благъ за свое искупленіе. Вслѣдъ за нами привезли на многихъ гребныхъ судахъ великое количество прѣсной воды и дровъ, 1000 большихъ рѣдекъ, 50 мѣшковъ крупы, 30 мѣшковъ соли и другихъ съѣстныхъ припасовъ, безъ всякаго съ нашей стороны требованія. И когда мы *Японцамъ* сказали, что сія провизія намъ ненужна, то получили въ отвѣтъ, что имъ приказано снабдить опущенныхъ изъ плѣна *Русскихъ* по разчисленію имъ на пушечное

продовольствіе до *Камгачки*, и что они не смѣютъ не выполнитъ приказанія вышняго Начальства. Миѣ не хотѣлось оспаривать ихъ настоянія, и потому велѣлъ я принять на шлюпѣ привезенную провизію. — Мы не успѣвали по скорости всего выгружать на шлюпѣ. Многие изъ *Японцевъ*, которымъ въ сіе время отъ карательныхъ *Досиновъ* всходить къ намъ воспрещено не было, пособляли добровольно нашимъ людямъ производить перегрузку, съ такимъ усердіемъ, что не лзя было рѣшишь, чему болѣе удивляться: дѣлательному ли трудолюбію нашихъ маэрозовъ, которые никогда еще съ такою веселостію и усердіемъ не работали, или доброхотному содѣйствію *Японцевъ*. Казалось, что люди, разныяіся безпрѣдѣльно по своему образу мыслей, воспитанію, и странѣ рожденія, ошстоящіе одинъ отъ другаго на цѣлую половину земнаго шара, составляли тогда одинъ и шотъ же народъ. Взаимная ласковость, веселость, шушки и вспомошествованіе оживляли каждаго. Наши маэрозы, многихъ *Японцевъ*, которые имъ больше нравились, подчивали заслуженною своею водкою и закусками, а *Японцы* въ свою очередь также просили ихъ выпить своего напитокка *саги*; и хотя ошальная часнь дня проведена была въ непрерывныхъ работахъ, но цѣлый день вообще можешъ почестись великимъ праздникомъ изъявленія чувствованій пріязни двухъ сосѣдственныхъ народовъ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда на шлюпѣ прибыли для посѣщенія нѣсколько *Японскихъ* Чиновниковъ, *Штолговъ*, въ шомъ числѣ два переводчика *Рускаго* языка: *Штолеу Мура-*

ками-Теске и Зайджо Куладжеро. Первый из нихъ несравненно лучше говорилъ по *Руски* и по воспитанію своему гораздо свѣдущѣ послѣдняго. Съ ними вмѣстѣ пріѣхали Академикъ и переводчикъ *Голландскаго* языка. Послѣдній изъ нихъ былъ въ *Нагасаки*, когда Г. Крузенштернъ съ посломъ Г. Резановымъ тамъ находился, посѣщалъ корабль *Надежду* и помнилъ имена многихъ *Рускихъ* офицеровъ. Онъ говорилъ также нѣсколько по *Руски* и разумѣлъ по *Французски*. Всѣ сии чиновные люди приглашаемы были мною въ каюту, и угощаемы по *Европейскому* обыкновенію шѣмъ, что у насъ случилось.—Послѣ сдѣланныхъ намъ съ окончаніемъ дѣла поздравленій, какъ ошъ себя, такъ и ошъ имени бывшихъ при переговорахъ Начальниковъ, они пожелали видѣшь расположеніе нашего шлюпа, кошорой и осматривали во всѣхъ частяхъ съ великимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Къ вечеру прибыло такое множество любопытствующихъ зрительей одного шолько мужескаго пола (ибо женщины, къ великому сожалѣнію нашему, исключены были изъ сей привилегіи, не смотря на большее желаніе ихъ и прозбы), что ошъ шѣсноты трудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ на палубѣ. По сей причинѣ карзультные *Досины* нашлись принужденными вынуть изъ за пояса свои желѣзныя палки и согнавъ большую часть *Японцевъ* на гребныя суда, спали впускать на шлютъ малое число людей. Женщины зависливо смотрѣли съ гребныхъ судовъ своихъ на преимущество, оказанное мущинамъ. Видя сіе мы въ ушѣшеніе дарили ихъ чрезъ *Досиновъ* мѣлочными веща-

ми, за что и получали изъявленія благодарности въ самыхъ выразительныхъ знакахъ. Раздѣлявшіе съ нами съ видомъ неприниженной искренности всеобщую радость *Японскіе* Чиновники пребыли на шлюпѣ до самой ночи. При окнѣздѣ предложены были имъ разные подарки изъ числа вещей, доставившихся намъ въ *Камататкѣ* опѣ бывшаго на кораблѣ *Надеждѣ* посольства; они, какъ и прежде, ни одной изъ оныхъ не приняли, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ и портретовъ *Русскихъ* героевъ, опличившихся въ кампаніи 1812 года, какъ произведенія искусства, и то съ позволенія Начальства, безъ рамъ и спеколъ. Оныя, по всей вѣроятности, отосланы были въ столицу *Эддо* съ объявленіемъ, кого они изображали и чѣмъ сіи полководцы опличились. Октября 10 числа, когда окончены были всѣ работы и мы запаслись водою, съ берегу доставлено было опѣ Начальства для команды большое количество зелени, свѣжей и соленой рыбы. При возставшемъ благопріятномъ вѣтрѣ сигналомъ дали мы знать о намѣреніи вступить подъ паруса. Тогда выѣхалъ почтенной *Такатай-Кахи* со множествомъ лодокъ, буксировашъ шлюпъ изъ внутренней гавани въ пространство губы. Вскорѣ пріѣхали на большой шлюпкѣ старшій переводчикъ съ другими знакомыми *Г. Головинну*. Чиновниками, и до самаго выхода изъ губы сопровождали шлюпъ. Тамъ, при прощаніи, команда кричала *ура!* и попомъ, съ особеннымъ усердіемъ всею командою, великодушному, просвѣщенному *Такатаю-Кахи*, также возглаголено было, въ изъявленіе благодарности и почтенія, проекрап-

пользою еще служишь здѣсь хорошимъ магазиномъ и останешься памяникомъ для грядущихъ временъ. Спаться можешь, что сей прославленный въ спиритизмѣ спутниками безсмертнаго *Кука* и несчастнаго *Лаперуза* край, со временемъ, по выгодному своему для коммерціи Географическому положенію, содѣлается болѣе извѣстнымъ сосѣдственнымъ *Азіатскимъ* народамъ, и будешь посѣщаемъ мореплавателями изъ отдаленныхъ странъ. — Тогда, можешь быть, примѣрное бѣдство нашихъ соотечественниковъ и чудесное избавленіе отъ оного, займешь вниманіе просвѣщеннаго наблюдателя хода человѣческихъ дѣлъ и несчастій.

Удовлетворивъ любопытству чистателя описаніемъ происшествій, служащихъ дополненіемъ къ Запискамъ Капитана *Головина*, я заключаю мое простое повѣствованіе возобновленіемъ въ душѣ соспрадастельнаго чистателя тѣхъ чувствъ прискорбія и соболезнованія, которые при чтеніи плачевной исторіи несчастнаго *Г. Мура* исполняли его сердце.

Со дня нашего прибытія въ *Петропавловскую* гавань, въ кругу нашего маленькаго общества послѣ такихъ трудовъ и опасныхъ походовъ, совершеннымъ успѣхомъ увѣнчанныхъ, все дышало радостію; но сія радость нарушена была опчаяннымъ поступкомъ несчастнаго *Мура*, который, какъ то изъ описанія Капитана *Головина* видно, впасть въ преступленіе, — не отъ дурнаго сердца или съ умысла измѣнить обещанію, но отъ заблужденія, лишась надежды когда либо освободиться изъ ужаснаго заключенія, и льстясь

мыслию о возможности получить отъ непроницаемыхъ Японцевъ свободу, нечувствительно соврапился съ истиннаго пуши чести. Неожиданно перемѣнившіяся обстоятельство, ввергали его въ заблужденіе болѣе и болѣе; и наконецъ онъ предался совершенному отчаянію. Обыкновенный человекъ могъ бы вскорѣ забыть подобныя заблужденія, но тамъ, гдѣ чувство благородства глубоко пустило свои корни, одно безъ умысла совершенное преступленіе навѣки возмущаетъ душу. Сіе печальнымъ и спрашнымъ опытомъ доказалъ, всякаго сожалѣнія достойный несчастный Муръ, ужасная кончина коего подробно описана въ запискахъ Г. Головнина; я не могу однакожъ не упомянуть объ одномъ сильно меня поразившемъ его поступкѣ. Когда онъ по освобожденіи возшелъ къ намъ на шлюпъ, я въ восторгѣ, принимая всѣхъ въ дружескія мои объятія, приспупилъ и къ нему; тогда несчастный Муръ, утѣшившись, снялъ съ себя саблю и подавая мнѣ оную, печальнымъ голосомъ сказалъ: „я недостоинъ, я недостоинъ, прикажице мнѣ занять на шлюпѣ то мѣсто, гдѣ содержатся преступники.“ Предоставляю читателю судить о тѣхъ чувствахъ, которыя вдругъ спѣснили, радостию исполненное мое сердце, но чтобъ скорѣе прекратить и скрыть отъ низшихъ служителей сію сцену, я взялъ отъ него саблю, сказавъ: принимаю ее въ знакъ памяти сего щасливаго для насъ дня, и повелъ его въ каюту. За мною вошли и всѣ офицеры; тогда Капитанъ Головнинъ и Штурманъ Хлебниковъ начали благодарить ихъ за труды, подъяшыя для ихъ

избавленія (1). Г. Мурѣ сдѣлалъ тоже съ выраженіемъ большой чувствительности, но обращаясь ко мнѣ, безпрерывно повторялъ: „Я недостойнъ.“ Г. Головинъ старался удостовѣрить его, что предаешь все забвенію и просилъ его убѣдительнѣе, не воспоминашь никогда о тѣхъ непріятностяхъ, которыя во время ихъ несчастія произошли отъ его опечаленія. Осужденный своею совѣстію несчастный Мурѣ большею частію молчалъ, и слова, казалось, не имѣли ни какого почти надъ нимъ впечатлѣнія. Прочіе его поступки чиншело уже извѣ-

-
- (1) При семъ случаѣ, Капитанъ Головинъ подарилъ мнѣ драгоценную свою саблю, которую во время его плѣна любопытствовалъ видѣть Японскій Императоръ. Сей драгоценный для меня памятникъ, по чувствамъ моимъ всегда почишася будетъ истинною для меня наградою. Г. Головинъ также, въ память своего избавленія, подарилъ всѣмъ офицерамъ шлюпа зримельныя свои трубы, астрономическіе инструменшты и писмолешы; присемъ не могу я умолчать о благодарности, изъявленной имъ нижнимъ чинамъ. Изъ денегъ вырученныхъ за проданное въ Охотскѣ съ аукціона, послѣ взятія въ плѣнъ, его имущество, далъ онъ старшимъ унтеръ-офицерамъ по 100 рб. младшимъ по 75 рб., а рядовымъ по 25 рб.; мащрозамъ же, бывшимъ съ нимъ въ плѣну, по 500 рб. а сверхъ того Макарову, который оказалъ ему въ плѣну извѣстныя уже чиншело услуги, назначилъ получашъ ежегодно полное количество морскаго провіанша, какое слѣдуетъ по регламенту мащрозу на корабляхъ, изъ деревни его въ Рязанской губерніи, близъ которой находится родина Макарова. Курильцу Алексѣю, Г. Головинъ подарилъ плотничныхъ инструменштовъ, виншовку, пороху, свинцу и табакъ на 250 рублей.

спны. Г. Мурѣ былъ молодой человекъ съ паланшами, по службѣ всегда былъ извѣстенъ съ хорошей стороны; къ познаніямъ опличнаго морскаго офицера присоединялъ онъ свѣденія въ другихъ наукахъ, разумѣлъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и на двухъ свободно изъяснялся. При такихъ познаніяхъ съ благородною душою, чувствительнымъ сердцемъ и любезными свойствами, онъ не могъ не быть уважаемъ и любимъ; и я увѣренъ, что не одни мы, его сослуживцы, пораженные ужасною кончиною, оплакиваемъ участь его, но и всѣ знавшіе его, раздѣляютъ съ нами сіе горестное чувство.

конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Слрж.	Напечатано	Читай
15	7	<i>Россійскаго</i> , Государ- ства	<i>Россійскаго</i> Государ- ства
33	15	народомъ.	народомъ?
34	12	знаками; показывали	знаками показывали
—	24	рыбъ,	рыбъ.
—	—	и прошивной	Противной
40	24	прервана	прервано
104	29	прислалъ	присланъ

16 pyd.

202

